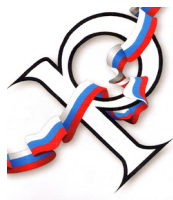

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

16+

Регионология

Том 31, № 3, 2023 (июль – сентябрь)

Сквозной номер выпуска – 124

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 31, no. 3, 2023 (July– September)

Continuous issue 124

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2023

Регионология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)
Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)
International Relations (Political Sciences)
Economic Sociology (Social Sciences)
Demography (Social Sciences)
Demography (Economic Sciences)
Political Sociology (Social Sciences)
Political Sociology (Political Sciences)
Sociology of Culture (Social Sciences)
Sociology of Management (Social Sciences)
Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
 («Атрибуция») 4.0 Всемирная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножка Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор, и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cf@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Cand. Sci. (Ped.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr. Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Valeriia V. Kulibanova – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolyubova – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolyubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая регионалистика. Этнополитика

- Лисенкова А. Д.** Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений 426
- Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д.** Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации 442
- Соколов А. В., Исаева Е. А., Фролов А. А., Гребенко Е. Д.** Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности 459

Экономика и управление народным хозяйством

- Глинский В. В., Серга Л. К., Алексеев М. А.** Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем 477
- Носонов А. М.** Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России 498

Экономическая социология и демография

- Олумекор М., Полбицын С. Н., Сингх У. К.** Обзор исследований по региональному предпринимательству: библиометрический анализ (на англ. яз.) 514
- Пакшина И. А.** Этнособытийная привлекательность региона: анализ и оценка 527

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Немировский В. Г.** Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции сословной структуры российского общества 548
- Башева О. А., Невский А. В., Воронина Н. С., Ермолаева П. О., Гоманова С. О., Ермолаева Ю. В., Гречаная А. А.** Отличительные характеристики организованного спасательного волонтерства в России 564
- Коваль Е. А., Ушкин С. Г., Сычев А. А., Жадунова Н. В.** Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви 584
- Информация для авторов и читателей** 604

CONTENTS

Political Regional Studies. Ethnopolitics

- Lisenkova A. D.** The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences 426
- Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D.** The North Caucasus: Factor Analysis and Forecasts of the Regional Situation Dynamics 442
- Sokolov A. V., Isaeva E. A., Frolov A. A., Grebenko E. D.** Opportunities for Solidarity and Consolidation of Students on the Basis of University Student Associations in the Conditions of Modern Political Reality 459

Economics and Management of National Economy

- Glinskiy V. V., Serga L. K., Alekseev M. A.** Model Representation of Adjustable Differentiation of Regional Socio-Economic Systems 477
- Nosonov A. M.** Formation of Innovative Territorial Clusters in the Regions of Russia 498

Economic Sociology and Demography

- Olumekor M., Polbitsyn S. N., Singh U. K.** A Review of Academic Research on Regional Entrepreneurship: A Bibliometric Analysis 514
- Pakshina I. A.** Ethno-Event Attractiveness of the Region: Analysis and Assessment 527

Social Structure, Social Institutions and Processes

- Nemirovskiy V. G.** The Problem of the Socio-Cultural Integration of Regions through the Prism of the Concept of the Estate Class Structure of Russian Society 548
- Basheva O. A., Nevsky A. V., Voronina N. S., Ermolaeva P. O., Gomanova S. O., Ermolaeva Yu. V., Grechanaya A. A.** Distinctive Features of Organized Rescue Volunteering in Russia 564
- Koval E. A., Ushkin S. G., Sychev A. A., Zhadunova N. V.** Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church 584
- Information for Authors and Readers of the Journal** 604

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА.
ЭТНОПОЛИТИКА / POLITICAL REGIONAL STUDIES.
ETHNOPOLITICS

УДК 327.3

doi: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Партии «Альтернатива для Германии»
и «Левая» в восточных землях:
трансформация электоральных предпочтений

А. Д. Лисенкова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация),
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
alena.denisovna@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Многолетнее отдельное существование Восточной Германии привело к формированию уникальных электоральных предпочтений граждан. В восточных землях долгое время одним из лидеров оставалась партия «Левая» как наследница Социалистической единой партии Германии. Однако последние годы ее традиционный электорат все больше стал выбирать партию «Альтернатива для Германии». Цель статьи – охарактеризовать основные причины подобной смены предпочтений в Восточной Германии.

Материалы и методы. Основными материалами стали результаты выборов в Бундестаг и ландтаги. При помощи сравнительного анализа обрабатывалась статистика, иллюстрирующая показатели партии «Левая» в среднем по стране и отдельно в Восточной Германии на федеральных выборах с 2009 г., а также на земельных выборах с 2009 и 2011 гг. Итоги «Альтернативы для Германии» оценивались с момента ее создания в 2013 г. Дополнительно использовались данные по предпочтениям среди избирателей различных возрастных групп, рейтингу Национал-демократической партии Германии до и после появления «Альтернативы для Германии», а также показателям ВВП на душу населения.

Результаты исследования. Подтверждено, что именно партия «Альтернатива для Германии» преимущественно заняла былую нишу «Левой». К основным причинам, комплексно повлиявшим на электоральные предпочтения, можно отнести смену поколений, неудачную адаптацию левых сил под западные ценности, непопулярность антикапиталистической риторики, наличие более влиятельных оппонентов по ключевым левым темам, запрос на консервативную и оппозиционную идеологию (например, в миграционной политике), а также умение правых популистов работать с протестными избирателями.

Обсуждение и заключение. Снижение рейтингов левых стало достаточно стабильным явлением последних лет, тогда как показатели правых популистов сильно зависели от реакции партии на тот или иной конкретный политический кризис. Однако это больше касалось общей популярности

© Лисенкова А. Д., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

«Альтернативы для Германии», что не предполагало реальных предпосылок для возвращения электората к «Левой». Результаты статьи могут быть применимы в экспертно-аналитической и научно-исследовательской деятельности, направленной на объяснение электоральных процессов.

Ключевые слова: партия «Альтернатива для Германии», партия «Левая», Восточная Германия, федеральная земля, выборы в Бундестаг, выборы в ландтаг

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лисенкова А. Д. Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // Регионология. 2023. Т. 31, № 3. С. 426–441. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441>

Original article

The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences

A. D. Lisenkova

*Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation),
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation)
alena.denisovna@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The separate existence of East Germany over the years has led to the formation of unique electoral preferences of citizens. In eastern federal states the Left as the heir to the Socialist Unity Party of Germany remained one of the leaders for a long time. However, in recent years its traditional electorate has increasingly begun to choose the Alternative for Germany. The aim of this article is to identify the main reasons for this shift in preferences in East Germany.

Materials and Methods. The main materials were the results of the elections to the Bundestag and Landtags. The statistics illustrating the performance of the Left on the national average and separately in East Germany in the national elections since 2009 was processed with the help of comparative analysis, the same was done with regard to the subnational elections since 2009 and 2011. The results of the Alternative for Germany were evaluated from its inception in 2013. Additionally, the data was used on preferences among voters of various age groups, the rating of the National Democratic Party of Germany before and after the advent of the Alternative for Germany, as well as GDP per capita indicators.

Results. It is confirmed that it was the Alternative for Germany that mainly occupied the former niche of the Left. The main reasons that comprehensively influenced electoral preferences include the generational change, the unsuccessful adaptation of the left forces to Western values, the unpopularity of anti-capitalist rhetoric, the presence of more influential opponents on key left-wing topics, the demand for conservative and opposition ideology (e.g. in migration policy), as well as the ability of right-wing populists to work with protest voters.

Discussion and Conclusion. The decline in the ratings of the left has become a rather stable phenomenon in recent years, while the performance of the right-wing populists strongly depended on the reaction of the party to a particular political crisis. However, this was more about the general popularity of the Alternative for Germany, which did not imply real prerequisites for the return of the electorate to the Left. The results of this paper can be applied in expert-analytical and research activities aimed at explaining electoral processes.

Keywords: the Alternative for Germany Party, the Left Party, East Germany, federal state, Bundestag, Landtag, elections

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Lisenkova A.D. The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):426–441. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441>

Введение. В 1990 г. произошло так называемое воссоединение Германии [1], в результате которого Германская Демократическая Республика (ГДР) и Федеративная Республика Германия (ФРГ) стали единым государством с 16 федеральными землями в своем составе. Несмотря на то, что данное объединение можно считать скорее «хозяйственно-политическим поглощением» ГДР [2], оно так и не смогло полностью перечеркнуть формировавшиеся с конца 1940-х гг. различия Западной и Восточной Германии. В то же время реформы по трансформации командно-административной экономики последней, а также направленные на выравнивание диспропорций обильные финансовые вложения со временем все-таки улучшили многие макроэкономические показатели [2], развили инфраструктуру (например, транспортную или энергетическую) и социальную сферу¹.

Однако статистически, например по показателю ВВП на душу населения, пять восточных земель все еще занимают последние места среди 16 субъектов страны. Это Мекленбург – Передняя Померания (30 704 евро), Саксония-Анхальт (30 890 евро), Тюрингия (30 988 евро), Бранденбург (31 062 евро) и Саксония (33 254 евро). Исключение составляет Берлин (44 472 евро), опережающий среднее значение по Германии (42 953 евро)².

Сохраняющаяся диспропорция наложила свой отпечаток и на электоральные предпочтения граждан. Непопулярная в западных землях партия «Левая» долгие годы продолжала демонстрировать высокие показатели в Восточной Германии. Данная партия ведет свою историю от некогда правящей в ГДР Социалистической единой партии Германии, преобразованной в 1990 г. в Партию демократического социализма. В 2007 г. последняя провела слияние с разочарованными в курсе канцлера Г. Шредера выходцами из Социал-демократической партии Германии (СДПГ), образовавшими в 2005 г. партию «Труд и социальная справедливость – Избирательная альтернатива». Так появилась «Левая», чья популярность на Востоке была обоснована исторически [3]. Впрочем, со временем ситуация начала меняться. Помимо естественного культурного, социального, политического и экономического сближения западных и восточных земель, а также распространения на всей территории страны ряда общегерманских тенденций (например, популярности «зеленых» или членов правившей долгие годы на федеральном уровне «Большой коалиции» в виде блока «Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз в Баварии» (ХДС/ХСС) и СДПГ), серьезных успехов в Восточной Германии стала достигать и созданная преимущественно бывшими христианскими демократами в 2013 г. правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» [4]. В большей степени именно она со временем заняла устойчивую консервативную нишу, забрав существенную часть традиционного электората «Левой», а также активно конкурируя с ХДС и СДПГ.

Цель статьи – в рамках проведенного исследования определить основные причины смены электоральных предпочтений у граждан Восточной Германии, а именно с «Левой» на «Альтернативу для Германии».

¹ Германия. 2020 / под ред. В. Б. Белова. М. : Ин-т Европы РАН, 2021. 228 с. https://doi.org/10.15211/report12021_379

² Bruttoinlandsprodukt (BIP) je Einwohner nach Bundesländern im Jahr 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/73061/umfrage/bundeslaender-im-vergleich-bruttoinlandsprodukt/> (дата обращения: 21.02.2023).

Обзор литературы. Исследованию процессов, касающихся внутренней и внешней политики Германии, в последние годы посвящен широкий спектр академических работ как российских, так и зарубежных авторов³ [1]. Подобный интерес обоснован значимой ролью государства как на глобальной арене, так и отдельно в Европейском союзе. Восстанавливая репутацию после Второй мировой войны, страна прошла долгий путь от исключительно экономического к устойчивому политическому лидерству в данном интеграционном объединении. В этой связи принципиальность электоральных предпочтений избирателей на национальном и субнациональном уровнях приоритетны как для реализации национального курса, так и для улучшения/ухудшения эффективности управления государством под влиянием деятельности оппозиционных сил.

Определенные темой данного исследования рамки позволили обратиться сразу к нескольким группам академической литературы. Для понимания различий в развитии западных и восточных земель, их влияния на существование государства и на формирование электоральных предпочтений граждан определяющим звеном стал исторический контекст. В этой связи нами рассмотрены тексты, касающиеся основных особенностей, а также последствий объединения и предшествующего раздельного существования Западной и Восточной Германии. В частности, В. Б. Белов охарактеризовал ключевые проблемы и последствия присоединения (с юридической точки зрения, этот процесс правильнее назвать именно так) ГДР к ФРГ, где акцент был сделан на сохраняющемся отставании по различным макроэкономическим показателям (уровень безработицы и др.)⁴ [2]. Тогда как И. Ф. Максимычев пришел к выводу о недостаточной реализации некогда имевшегося потенциала четырехстороннего статуса Берлина для построения будущего международного сотрудничества [5].

Вторую группу академической литературы сформировали работы, интерпретирующие трансформацию базовых идеологических особенностей двух партий, а также их привлекательность для избирателей. Так, Д. Р. Ерофеев выдвинул тезис о повышенной заинтересованности в правых силах из-за перехода под влиянием глобализации национальной политики в рамки постнациональной, а также отсутствия действенных правительственных механизмов по выходу из ключевых политических кризисов [6]. Н. В. Работяжев отметил географические различия внутри «Альтернативы для Германии», где большая склонность к правому радикализму отмечалась именно на востоке страны. Здесь стоит отметить, что развитие столь крайних позиций является серьезным фактором в контексте «нерукопожатности» всей партии для потенциального коалиционного сотрудничества [7]. Наконец, А. Гоеррес с соавторами наряду с миграцией разобрали другие важные составляющие привлекательности правых популистов (опасения по экономическому спаду и др.) [8]. В то же время А. С. Бадаева затронула такие пункты, влияющие на рейтинг «Альтернативы для Германии», как активная гражданская позиция или проблема «партии одной темы» [9].

В контексте левых сил идеологически трудная для них проблематика ксенофобии и иных миграционных аспектов была рассмотрена В. В. Пушкаревой,

³ Германия. 2020 / под ред. В. Б. Белова.

⁴ Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/35EELg> (дата обращения: 16.02.2023).

исследовавшей межпартийные разногласия в «Левой» и потенциал созданного С. Вагенкнехт межпартийного движения «Вставай!». Автором было выдвинуто положение о наличии запроса у граждан на левые силы [10], тогда как П. М. Рукавицын, наоборот, посчитал наиболее вероятным сценарием для дальнейшего развития «Левой» – снижение ее рейтингов и переход в статус региональной партии [11]. С. Фернандес охарактеризовала текущие тренды, актуальные для современных левых сил (феминизм, квир-проблематику и т. п.). Именно они во многом способствовали объяснению причин ухода традиционных групп избирателей [12]. В данную группу также можно отнести публикации, как комплексно рассматривающие те или иные выборы [13], так и более детально на примере участия «Альтернативы для Германии» или «Левой» на разных уровнях с акцентом на показатели в Восточной Германии.

Противостоянию между двумя партиями в большей степени уделили внимание зарубежные исследователи. Так, Дж. Олсен сделал акцент на повлиявшем на смену предпочтений волеизъявлении протестных избирателей, чье недовольство было преимущественно направлено на политические элиты и текущее состояние демократии [14]. В его совместной работе с М. А. Хансеном раскрывались такие пункты потенциальной заинтересованности в «Альтернативе для Германии», как антиевропейские настроения, коронавирусная риторика и миграция⁵. К. Арцхаймер остановился на миграции, демократии и возможности выражать свою точку зрения; исследователь отметил социальную несправедливость, дистанцию между народом и элитой, а также социо-экономические факторы⁶. Близкие к подобной интерпретации идеи предоставлялись и рядом других авторов (например, М. Вайскирхером [15]). Наконец, П. Моро положение «Левой» охарактеризовал как потерю протестных избирателей и своей восточной идентичности [16].

Третья группа академической литературы сформирована по принципу реакции избирателей на адаптацию правых популистов и левых к различным ключевым политическим кризисам последних лет (будь то экономический, миграционный, климатический или коронавирусный), с которыми столкнулись Германия, Европейский союз или мировое сообщество в целом. Так, О. Н. Барабанов с соавторами охарактеризовали последствия экономического кризиса 2008–2009 гг. как упущенную возможность для восстановления влияния левых сил⁷. В. Ю. Щербakov отметил положительный эффект миграционной риторики «Альтернативы для Германии» на ее позициях в стране. Тогда как левый тематический дискурс, направленный не только на развитие «культуры гостеприимства», но и на критику дифференциации разных категорий мигрантов, сказался скорее неблагоприятно [3]. Кроме того, мы также проанализировали адаптацию курса партии «Альтернатива для Германии» под климатический и коронавирусный

⁵ Hansen M. A., Olsen J. The Alternative for Germany (AfD) as Populist Issue Entrepreneur: Explaining the Party and its Voters in the 2021 German Federal Election // German Politics. 2022. Pp. 1–25. <https://doi.org/10.1080/09644008.2022.2087871>

⁶ Arzheimer K. Im Osten nichts Neues? Die elektorale Unterstützung von AfD und Linkspartei in den alten und neuen Bundesländern bei der Bundestagswahl 2021 // Wahlen und Wähler – Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 2021 / ed. by H. Schoen, B. Wessels. Wiesbaden : Springer, 2023 (forthcoming). Pp. 1–33. URL: <https://www.kai-arzheimer.com/bundestagswahl-2021-ostdeutschland-linkspartei-afd.pdf> (дата обращения: 16.01.2023).

⁷ Глобальный «левый бунт»: ожидания и реальность / О. Н. Барабанов [и др.]. М. : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018. 37 с.

кризисы. В среднем по стране прослеживалась скорее негативная реакция граждан на интерпретацию данных тем, с определенной долей погрешности на Восточную Германию и маргинальные группы [4; 17].

В действительности современные российские исследования практически не затронули вопросы противостояния отдельных (прежде всего, оппозиционных) партий Германии, особенно на субнациональном уровне или в контексте сопоставления субнациональных и национальных результатов. Преимущественно они посвящены либо выборам (европейским или федеральным) в целом, либо отдельным партиям. Соответственно, данная более узкая проблематика в большей степени рассмотрена зарубежными авторами. Однако и здесь акцент ставится в основном на отдельных федеральных выборах разных лет, но не на формировании устойчивых трендов, в том числе под влиянием сменяющих друг друга политических кризисов. Именно на заполнение перечисленных пробелов направлено данное исследование.

Материалы и методы. Ключевыми материалами стали статистические результаты выборов в федеральный (Бундестаг) и земельные (ландтаги) парламенты. Они использовались для отслеживания изменений в популярности «Левой» и «Альтернативы для Германии». В связи с неоднозначной ролью Берлина наше внимание фокусировалось только на Бранденбурге, Саксонии-Анхальт, Саксонии, Тюрингии и Мекленбурге – Передней Померании.

Вопрос восприятия Берлина как «восточной» или «новой» земли достаточно дискуссионный. По итогам Второй мировой войны Германия была поделена на четыре оккупационные зоны (американская, британская, советская и французская). Схожая судьба постигла и отдельно Берлин, попавший под секторальное деление. Это привело к присоединению его восточной части к ГДР (советская зона), тогда как остальная территория оказалась в анклаве, развивавшемся по западному сценарию [5]. Соответственно, если смотреть не только географически, данную землю логично считать как восточной, так и западной. На современном этапе его принадлежность в большей степени к Западной Германии также обусловлена возвращением Берлину статуса столицы.

Кроме того, в данном исследовании акцент был сделан на вторых голосах избирателей, так как именно они непосредственно напрямую влияют на процентное распределение мест в парламентах. В действительности у избирателей есть два голоса, где первый отдается за конкретного кандидата, а второй – непосредственно за партию⁸.

Нами рассматривалась выборка итогов федеральных выборов 2009, 2013, 2017 и 2021 гг. В качестве точки отсчета был определен 2009 г., так как именно в этот период проводилась последняя кампания без участия «Альтернативы для Германии». Для характеристики региональных особенностей осуществлялся сравнительный анализ результатов, полученных двумя партиями в разные годы в среднем по Германии и отдельно в восточных землях. Кроме того, для отслеживания динамики перетекания электората от левых к правым популистам сравнивались собственные показатели партий в разные годы, «Левой» и «Альтернативы для Германии» между собой, а также данные по обеим партиям отдельно

⁸ Каждому избирателю по два голоса: сложная избирательная система Германии [Электронный ресурс]. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/-/2483390> (дата обращения: 17.01.2023).

с положением левых в 2009 г. Дополнительно нами были рассмотрены электро-ральные предпочтения граждан по возрастным группам ввиду необходимости подтверждения гипотезы о зависимости левых от избирателей, заставших ГДР в более осознанном возрасте. Более того, упомянутые данные также требовались для сравнения с показателями правых популистов, прежде всего по наиболее заинтересованным в «Левой» возрастным категориям.

По аналогии в качестве точки отсчета для анализа субнациональных итогов обозначался либо 2009, либо 2011 г. Данное расхождение обусловлено различиями в датах проведения выборов в каждой конкретной федеральной земле. Их последние кампании проводились в 2019 или 2021 г. Соответственно, комбинации дат последних выборов сформировались следующим образом: 2009, 2014, 2019 гг. (Бранденбург, Саксония, Тюрингия) и 2011, 2016, 2021 гг. (Мекленбург – Передняя Померания, Саксония-Анхальт).

Для обоснования исторической привлекательности крайне правых популистских идей в Восточной Германии отдельно анализировались результаты ультраправой Национал-демократической партии Германии (НДПГ) на выборах как в ландтаги, так и в Бундестаг. Здесь исследование велось через призму сравнения показателей партии до и после появления «Альтернативы для Германии». Наконец, для подтверждения тезиса о сохраняющемся экономическом отставании восточных земель от западных анализировались показатели ВВП на душу населения.

Результаты исследования. Статистически сразу после появления «Альтернативы для Германии» существенного сокращения мест «Левой» в Бундестаге не произошло. Ее результаты за 2017 г. даже превысили показатели 2013 г., однако прослеживалась диспропорция средних итогов по стране (табл. 1) и отдельно по Восточной Германии (табл. 2).

«Альтернатива для Германии» также уже в 2013 г. в восточных землях выступила успешнее, чем в среднем по Германии. К 2017 г. она вошла в число трех самых популярных на федеральных выборах партий в Восточной Германии, где и осталась в 2021 г., получив 1–3-е места. Занимавшая там в 2009 г. 1–2-е места, а в 2013 г. – 2–3-е места «Левая» опустилась на 3–4-ю позиции в 2017 г., а к 2021 г. и вовсе на 4–6-ю. При этом она все еще была более популярной именно на востоке страны.

Таблица 1. Национальные результаты партий «Альтернатива для Германии» и «Левая» на выборах в Бундестаг с 2009 г.⁹

Table 1. National results of the Alternative for Germany and the Left in Bundestag elections since 2009

Год / Year	«Альтернатива для Германии» / Alternative for Germany		«Левая» / Left	
	Количество голосов, % / Number of votes, %	Занятое место / Rank	Количество голосов, % / Number of votes, %	Занятое место / Rank
2009	–	–	11,9	4
2013	4,7	6	8,6	3
2017	12,6	3	9,2	5
2021	10,3	5	4,9	6

⁹ Таблицы 1 и 2 составлены автором по: Ergebnisse früherer Bundestagswahlen [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c5b83de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

Таблица 2. Субнациональные результаты партий «Альтернатива для Германии» и «Левая» на выборах в Бундестаг с 2009 г.

Table 2. Subnational results of the Alternative for Germany and the Left in Bundestag elections since 2009

Год / Year	«Альтернатива для Германии» / Alternative for Germany		«Левая» / Left	
	Количество голосов, % / Number of votes, %	Занятое место / Rank	Количество голосов, % / Number of votes, %	Занятое место / Rank
<i>Бранденбург / Brandenburg</i>				
2009	–	–	28,5	1
2013	6,0	4	22,4	3
2017	20,0	2	17,2	4
2021	18,1	2	8,5	6
<i>Саксония-Анхальт / Saxony-Anhalt</i>				
2009	–	–	32,4	1
2013	4,2	4	23,9	2
2017	19,6	2	17,7	3
2021	19,6	3	9,6	4
<i>Саксония / Saxony</i>				
2009	–	–	24,5	2
2013	6,8	4	20,0	2
2017	27,0	1	16,1	3
2021	24,6	1	9,3	5
<i>Тюрингия / Thuringia</i>				
2009	–	–	28,8	2
2013	6,2	4	23,4	2
2017	22,7	2	16,9	3
2021	24,0	1	11,4	4
<i>Мекленбург – Передняя Померания / Mecklenburg-Vorpommern</i>				
2009	–	–	29,0	2
2013	5,6	4	21,5	2
2017	18,6	2	17,8	3
2021	18,0	2	11,1	4

Несмотря на сохранившуюся востребованность «Левой» в Восточной Германии, переход данных территорий к капиталистической экономике и крах социалистического лагеря повлияли на изначально продвигавшую диаметрально противоположную идеологию партию. Тогда как ее традиционную популярность можно обосновать прежде всего исторической памятью граждан Восточной Германии. Влияние данного фактора постепенно снижала смена поколений избирателей ввиду естественного сокращения тех из них, кто застал ГДР в сознательном возрасте. Так, двумя самыми голосующими за «Левую» остались возрастные группы родившихся в 1952–1961 гг., а также в 1951 г. и ранее. Данная тенденция актуальна для всех пяти земель с единственной незначительной погрешностью у Саксонии. Здесь две представленные группы обогнали граждане 1997–2003 годов рождения¹⁰.

¹⁰ Wahl zum 20. Deutschen Bundestag am 26. September 2021. Heft 4 Wahlbeteiligung und Stimmabgabe nach Geschlecht und Altersgruppen [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/8ad0ca1f-a037-48f8-b9f4-b599dd380f02/btw21_heft4.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

Постепенное выравнивание страны в пользу западного устройства стимулировало голосовать за конкурентов. Осознавав данную тенденцию, по аналогии с многими идеологически близкими национальными партиями других государств, «Левая» попыталась расширить свою риторику на такие изначально западные ценности, как защита окружающей среды, квир-проблематика, феминизм и др. [12]. Однако упомянутые вопросы уже были широко освещены основными оппонентами, потому «Левой» оставалось только прибегнуть к дублированию и популистскому завышению приоритетов. Это ставило под сомнение их достижимость. Здесь можно обратиться к примеру целевых показателей по борьбе с изменением климата, где партия долгие годы пытается соревноваться с «зелеными», чьи амбиции и так превышают национально установленные¹¹. В результате «Левая» одновременно не только не заработала уважение в Западной Германии, но и стала терять позиции в более консервативной Восточной Германии. Помимо радикального популизма левым было сложно предложить что-то новое, кроме устаревшей и влекущей за собой не самые благоприятные ассоциации с прошлым антикапиталистической риторики. Именно капиталистическое устройство партия продолжила обозначать ключевой проблемой Германии.

«Левая» могла бы выиграть от своей социальной направленности, однако ниша была занята более влиятельной СДПГ. Тогда как радикальная и где-то маргинальная калька на социал-демократов левым не помогла. Уже частично упомянутый экосоциализм также стал копированием чужой темы, что сопровождалось низким уровнем озабоченности экологическими проблемами у менее экономически развитой Восточной Германии. Прежде всего это связано с необходимостью существенных затрат на реализацию амбициозных предложений. В результате «Левая» оказалась наименее привлекательной из трех основных находящихся левее центра национальных партий Германии.

Упущенным шансом для левых идей считается экономический кризис 2008–2009 гг. На волне разочарования в правящих элитах и неолиберализме граждане были готовы трансформировать свои электоральные предпочтения, однако исторически сами партии были слишком долго ограждены от реального управления. Так, непосредственно «Левая», оказавшись на достаточно серьезных оппозиционных ролях в Бундестаге после выборов 2009 г. (табл. 1), ничего по-настоящему внятного так и не предложила¹². Более существенный успех в восточных землях (табл. 2) также стал началом конца. Здесь все заметнее становился постепенный переход протестного электората к правопопулистской «Альтернативе для Германии».

Против «Левой» также сыграла ее сохраняющаяся ориентация на интернационализм, чья неуместность проявилась в разгар развернувшегося в 2015 г. миграционного кризиса [13]. Данная тема вызвала серьезные дебаты внутри

¹¹ Röhlig M. Die Linke hat schärfere Klimaziele als die Grünen – doch sie hadert mit ihrem Kurs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/die-linke-hat-schaerfere-klimaziele-als-die-gruenen-doch-sie-hadert-mit-ihrem-kurs-a-02b76a40-c8dd-437f-889e-b8e7f211fc6d> (дата обращения: 15.01.2023).

¹² Глобальный «левый бунт»: ожидания и реальность / О. Н. Барабанов [и др.].

партии. В частности, один из ее лидеров С. Вагенкнехт раскритиковала стремление принимать абсолютно всех мигрантов вне зависимости от их мотивации [10]. Развивая направленную на «консервативную левую политику» риторику, С. Вагенкнехт в 2021 г. опубликовала пронизанную скорее правыми идеями книгу «Самодовольные». Стимулом для этого стали именно неудачи партии в Восточной Германии [16]. Однако внутрипартийные распри не улучшили ситуацию, а лишь дополнительно ударили по репутации преимущественно не изменившей свой идеологический путь «Левой».

На земельном уровне крайне правые тенденции можно было заметить еще до появления «Альтернативы для Германии». Результаты 2009 и 2011 гг. показали, что данную нишу занимала ультраправая Национал-демократическая партия Германии [9]. Для Восточной Германии ее риторика была дополнительно привлекательна ввиду транслируемой критики капитализма, что несколько сближало партию с привычными консервативными левыми силами, правда, и с национал-социализмом тоже [6]. Во всех пяти землях НДПГ в 2009 и 2011 гг. заняла 5-е и 6-е места соответственно, а в Саксонии (5,6 %, 6-е место) и Мекленбурге – Передней Померании (6,0 %, 5-е место) даже прошла в ландтаги¹³. На федеральных выборах 2009 г. национал-демократы набрали 1,5 % голосов (6-е место). Для сравнения, в 2021 г. у них было только 0,1 % голосов. Правда, в отличие от Восточной Германии (в том числе Берлина) во всех западных землях в 2009 г. показатели были ниже средних по стране. Тогда как наилучшая отметка была достигнута в Саксонии (4,0 %) ¹⁴.

Немаловажно, что напрямую «Альтернатива для Германии» не сформировалась из бывших представителей Национал-демократической партии Германии; ее изначальный дискурс был достаточно умеренным. Впрочем, партия все равно транслировала либеральную евроскептическую консервативную риторику. Параллельно у новообразовавшейся «Альтернативы для Германии» произошел приток симпатизирующих крайне правой идеологии избирателей и появились достаточно радикально настроенные новые члены [9].

В ландтагах правые популисты также не только потеснили НДПГ, но и постепенно стали смещать «Левую» с ведущих ролей (табл. 3). Правда, в 2014 и 2016 гг. расхождение между землями еще чувствовалось, так как в двух случаях выше оказалась «Альтернатива для Германии», а в трех – «Левая». Однако здесь отчетливо прослеживалась погрешность, связанная как с началом миграционного кризиса (2015 г.), так и в принципе с годом проведения выборов в той или иной земле. В результате «Альтернатива для Германии» была менее успешна в 2014 г., т. е. через год после своего создания, тогда как в 2016 г. в двух землях из двух она опередила «Левую». Наконец, на выборах 2019 и 2021 гг., за исключением Тюрингии, она доминировала уже во всех случаях.

¹³ Ergebnisse früherer Landtagswahlen [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/a333e523-0717-42ad-a772-d5ad7e7e97cc/tlw_erg_gesamt.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁴ Wahl zum 20. Deutschen Bundestag am 26. September 2021. Heft 4 Wahlbeteiligung und Stimmabgabe nach Geschlecht und Altersgruppen [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/8ad0ca1f-a037-48f8-b9f4-b599dd380f02/btw21_heft4.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

Т а б л и ц а 3. Результаты партий «Альтернатива для Германии» и «Левая» на выборах в ландтаги восточных земель с 2009 г.¹⁵

T a b l e 3. Results of the Alternative for Germany and the Left in Landtag elections in East Germany since 2009

Год / Year	«Альтернатива для Германии» / Alternative for Germany		«Левая» / Left	
	Количество голосов, % / Number of votes, %	Занятое место / Rank	Количество голосов, % / Number of votes, %	Занятое место / Rank
<i>Бранденбург / Brandenburg</i>				
2009	–	–	27,2	2
2014	12,2	4	18,6	3
2019	23,5	2	10,7	5
<i>Саксония-Анхальт / Saxony-Anhalt</i>				
2011	–	–	23,7	2
2016	24,3	2	16,3	3
2021	20,8	2	11,0	3
<i>Саксония / Saxony</i>				
2009	–	–	20,6	2
2014	9,7	4	18,9	2
2019	27,5	2	10,4	3
<i>Тюрингия / Thuringia</i>				
2009	–	–	27,4	2
2014	10,6	4	28,2	2
2019	23,4	2	31,0	1
<i>Мекленбург – Передняя Померания / Mecklenburg-Vorpommern</i>				
2011	–	–	18,4	3
2016	20,8	2	13,2	4
2021	16,7	2	9,9	4

Достаточно умеренная ориентация «Альтернативы для Германии» продлилась недолго. Партия все больше радикализировалась, продвигаясь в направлении крайне правых популистских тенденций [4]. Определяющую роль сыграл миграционный кризис в Европе [18], который поспособствовал и известности созданного в 2014 г. движения Патриотические европейцы против исламизации Запада (ПЕГИДА). Оно не является продуктом той или иной партии, однако наиболее тесные связи имеет именно с «Альтернативой для Германии». Движение обрело наибольшую популярность в более консервативной Восточной Германии, чему только поспособствовало использование отсылок в своих акциях к демонстрациям в последние годы существования ГДР (например, лозунг «Мы – народ»). В результате подобная тактика в какой-то мере привлекла дополнительное внимание и к «Альтернативе для Германии»¹⁶.

¹⁵ Таблица составлена автором по: Ergebnisse früherer Landtagswahlen [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/a333e523-0717-42ad-a772-d5ad7e7e97cc/ltw_erg_gesamt.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁶ Тоганова Н. В. О движении ПЕГИДА и проблемах миграционной политики в ФРГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/o-dvizhenii-pegida-i-problemah-migratsionnoy-politiki-v-frg> (дата обращения: 16.02.2023).

В свою очередь, общий рост популярности партии «Альтернатива для Германии» можно обосновать темами, на которых партия делала акценты на разных этапах своего существования. Так, ее риторика транслировала критику работы институтов Европейского союза и еврозоны или реализации миграционной и климатической политики [4], а также защиту традиционных семейных ценностей и т. п. [7]. В наименее экономически развитых и консервативных регионах страны данный дискурс воспринимался благоприятно, потому «Альтернативе для Германии» достаточно легко удалось заменить стремительно терявшую свою идентичность «Левую».

Как уже упоминалось, наибольшим спросом партия «Левая» пользуется у возрастных групп, родившихся в 1952–1961 гг., а также в 1951 г. и ранее. Если сравнивать с показателями «Альтернативы для Германии», ситуация еще менее благоприятна. Так, в Саксонии последняя опережает левых во всех возрастных группах, тогда как в Бранденбурге, Саксонии, Саксонии-Анхальт и Мекленбурге – Передней Померании уступает только у родившихся в 1951 г. и ранее¹⁷. Соответственно, несмотря на преимущественную привлекательность «Левой» у пожилых избирателей, даже в данных возрастных группах она вынуждена конкурировать с «Альтернативой для Германии».

Находясь на полярных идеологических флангах, обе партии одинаково охотно используют популистские приемы и собирают вокруг себя протестных избирателей. Многие вопросы, поднимаемые как левыми, так и правыми популистами, схожи (например, негативное восприятие соглашений о свободной торговле, развитие отношений с Россией и др.) и находят отклик у восточных граждан [14]. Кроме того, в обоих случаях значимыми темами являются раскол между элитой и народом, проблемы демократии, а также социальная несправедливость. В данном контексте популистские приемы и желание собирать вокруг себя протестных избирателей сделали похожими, казалось бы, идеологически полярные партии. Другое дело, что пока «Левая» параллельно копирует западные ценности, «Альтернатива для Германии» формирует вокруг себя имидж способной предложить альтернативную точку зрения партии¹⁸. Другим значимым фактором являются привлекательные для восточных граждан Германии экономические ориентиры партии. Исторически именно с экономических тем она начинала свою деятельность, в том числе критикуя функционирование еврозоны [8]. Тогда как склонность к протестному голосованию в Восточной Германии действительно выше, что также обосновано недостатком признания у населения данных земель, их восприятия и самовосприятия как «второсортных» на фоне Западной Германии [15].

Наконец, «Альтернатива для Германии» – достаточно уникальная партия. Помимо наличия собственных сравнительно постоянных идеологических установок, она более зависима от острых политических тем, нежели основные конкуренты. В этом плане падение рейтингов «Левой» является стабильным

¹⁷ Wahl zum 20. Deutschen Bundestag am 26. September 2021. Heft 4 Wahlbeteiligung und Stimmabgabe nach Geschlecht und Altersgruppen [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/dam/jcr/8ad0ca1f-a037-48f8-b9f4-b599dd380f02/btw21_heft4.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

¹⁸ Arzheimer K. Im Osten nichts Neues? Die elektorale Unterstützung von AfD und Linkspartei in den alten und neuen Bundesländern bei der Bundestagswahl 2021.

явлением последних лет, что основано на преимущественно неизменных и уже перечисленных выше факторах, а для «Альтернативы для Германии» каждый новый вызов для страны и/или Европейского союза – лотерея. Так, в разгар миграционного кризиса ее рейтинги взлетели, тогда как идея отказаться от климатических мер наоборот отразилась скорее негативно. Для сравнения, даже во всех наименее экономически развитых восточных землях наиболее экологичные «зеленые» выступили удачнее своих же показателей 2017 г.

Кроме того, вмешаться могут и сторонние факторы. Например, в период острой фазы пандемии коронавирусной инфекции, с одной стороны, очередная критика правительственных ограничений снова заставила обратить на «Альтернативу для Германии» внимание избирателей, с другой – далеко не все из них были согласны с коронавирусной интерпретацией правых популистов, а закрытые из-за пандемии границы и вовсе существенно снизили актуальность другой ключевой темы – миграции¹⁹ [17].

Обсуждение и заключение. Посредством проведенного исследования нами в комплексе были выявлены основные причины, повлиявшие на отток целевой аудитории «Левой» к «Альтернативе для Германии» в восточных землях Германии, а именно Бранденбурге, Мекленбурге – Передней Померании, Саксонии-Анхальт, Саксонии и Тюрингии.

Переход к капиталистической экономике и крах социалистического лагеря негативно сказались на популярности левых сил. Партия «Левая» и ее предшественники так и не смогли до конца адаптироваться к новым реалиям. Попытки подстроиться под западные тренды не привели к популярности в Западной Германии, в том числе ввиду занятости многих тематических ниш другими партиями (также находящимися левее центра СДПГ и «Союзом 90 / Зеленые»), а также негативной ассоциации с социалистическим прошлым Восточной Германии. Тогда как электорат последней также постепенно стал отворачиваться от левых. Это связано с большей консервативностью восточных избирателей, а также с меньшей готовностью подстраиваться под некоторые экономически неблагоприятные для обывателей западные инициативы (например, экологические). Кроме того, это также коррелирует с естественной сменой поколений, так как в полной мере заставшие времена ГДР возрастные группы, наиболее приверженные «Левой», продолжают неуклонно сокращаться. Им на смену приходят молодые избиратели, ориентированные на иные и более западные приоритеты. Наконец, против партии обернулись неуместная ориентация на интернационализм в период миграционного кризиса и неиспользованный шанс, навеянный разочарованием избирателей в правящих элитах и неолиберализме во время экономического кризиса 2008–2009 гг.

Запрос на альтернативу для Восточной Германии и более правую консервативную риторику прослеживался еще до появления партии «Альтернатива для Германии». Так, определенным спросом пользовалась ультраправая Национал-демократическая партия Германии. Именно в восточных землях она показывала более высокие результаты как на федеральных, так и на земельных выборах. Другое

¹⁹ Hansen M. A., Olsen J. The Alternative for Germany (AfD) as Populist Issue Entrepreneur: Explaining the Party and its Voters in the 2021 German Federal Election.

дело, что составить реальную конкуренцию «Левой» и другим ведущим партиям не получилось. Эту нишу смогла занять только «Альтернатива для Германии». Начав с достаточно умеренного консервативного курса и привлекательной для восточного избирателя экономической тематики, партия стала постепенно переманивать электорат левых, что коснулось и возрастных избирателей. Как и «Левая», рассуждая о проблемах раскола между элитой и народом, вопросах демократии, а также социальной несправедливости, она не забыла предлагать альтернативы. Это привлекло и склонных к протестному голосованию избирателей, что более распространенное явление именно в Восточной Германии.

В результате, на федеральных выборах в восточных землях именно «Альтернатива для Германии» стала формировать тройку ведущих партий (совместно с ХДС и СПДГ). На последних земельных выборах в 4 из 5 случаев (кроме Тюрингии) «Левая» также оказалась позади. Соответственно, тренд постепенного падения позиций левых сил на текущем этапе – достаточно стабильное явление, тогда как ситуация с «Альтернативой для Германии» более сложная. С одной стороны, общий курс партии весьма привлекателен для Восточной Германии, с другой – правые популисты очень зависимы от острых кризисов, на которые регулярно пытаются выдвинуть свою критическую точку зрения. В дальнейшем это может как сработать благоприятно, так и сказаться не самым лучшим образом, однако все равно не создает серьезных предпосылок для новой волны популярности «Левой».

Данная статья направлена на заполнение таких недостаточно изученных ниш в современной политической науке, как противостояние отдельных оппозиционных партий в Германии и сопоставление субнациональных и национальных электоральных тенденций. Результаты могут использоваться для исследовательской и экспертно-аналитической деятельности представителями научного сообщества, международных организаций, государственных ведомств и др. Перспективным направлением для дальнейшей работы может стать анализ трансформации электоральных предпочтений граждан страны под влиянием новых кризисов (например, энергетического).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джаннотти А. Германия и Евросоюз: движущая сила или риск гегемонии? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 7. С. 24–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-7-24-32>
2. Белов В. Б. 30-летие падения Берлинской стены: особенности экономического объединения Германии // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2019. № 6. С. 11–17. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620191117>
3. Щербаков В. Ю. Иммиграционная политика ПДС – «Левой партии» Германии: генезис, эволюция и перспективы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11 (73). С. 205–210. EDN: WNDZQP
4. Лисенкова А. Д. Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии» // *Управленческое консультирование*. 2022. № 4. С. 146–158. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-4-146-158>
5. Максимычев И. Ф. Четырехсторонний статус Западного Берлина. Однобокое германское урегулирование // *Современная Европа*. 2020. № 6. С. 191–201. <https://doi.org/10.15211/soveurope62020191201>

6. Ерофеев Д. Р. Идеологические истоки программных установок партии «Альтернатива для Германии» // *Международные отношения и диалог культур*. 2020. № 8. С. 37–53. URL: <https://internrelat.spbstu.ru/article/2020.8.3/> (дата обращения: 16.02.2023).
7. Работяжев Н. В. «Альтернатива для Германии»: между консерватизмом и правым популизмом // *Полития*. 2022. № 3 (106). С. 158–178. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-158-178>
8. Goerres A., Spies D. C., Kumlin S. The Electoral Supporter Base of the Alternative for Germany // *Swiss Political Science Review*. 2018. Vol. 24, issue 3. Pp. 246–269. <https://doi.org/10.1111/spsr.12306>
9. Бадаева А. С. Правый поворот или новая альтернатива для Германии // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2019. № 2. С. 61–74. <https://doi.org/10.20542/afj-2019-2-61-74>
10. Пушкарева В. В. Новое политическое движение в Германии: цели, перспективы // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2019. Т. 3, № 1. С. 62–72. URL: <https://journals.udsu.ru/sociology/article/view/4023/3894> (дата обращения: 16.02.2023).
11. Рукавицын П. М. Левая партия в ФРГ: генезис, идеология, политические перспективы // *Вестник МГЛУ*. 2015. № 2 (713). С. 145–152. URL: <https://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest15-713zc.pdf> (дата обращения: 16.02.2023).
12. Fernandes S. Ecosocialism from the Margins // *NACLA Report on the Americas*. 2020. Vol. 52, issue 2. Pp. 137–143. <https://doi.org/10.1080/10714839.2020.1768731>
13. Погорельская С. В. Выборы в Европейский парламент 2019 г. // *Европейский союз: факты и комментарии*. 2019. №. 97. С. 11–15. <https://doi.org/10.15211/eufacts320191115>
14. Olsen J. The Left Party and the AfD // *German Politics and Society*. 2018. Vol. 36, no. 1. Pp. 70–83. <https://doi.org/10.3167/gps.2018.360104>
15. Weisskircher M. The Strength of Far-Right AfD in Eastern Germany: The East-West Divide and the Multiple Causes behind ‘Populism’ // *The Political Quarterly*. 2020. Vol. 91, issue 3. Pp. 614–622. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12859>
16. Moreau P. Aux marges du systdme politique: Die Linke et l’AfD aux elections au Bundestag de 2021 // *Revue d’Allemagne*. 2022. Vol. 54, no. 1. Pp. 217–235. <https://doi.org/10.4000/allempagne.3090>
17. Лисенкова А. Д. COVID-19: влияние на политическую повестку «Альтернативы для Германии» // *Современная Европа*. 2022. № 4. С. 200–209. URL: <http://www.sov-europe.ru/2022-4/sovid-19-vliyanie-na-politicheskuyu-povestku-alternativy-dlya-germanii.html> (дата обращения: 16.02.2023).
18. Pesthy M., Mader M., Schoen H. Why is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election // *Politische Vierteljahresschrift*. 2021. Vol. 62, issue 1. Pp. 69–91. <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00285-9>

Поступила 25.01.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.

Об авторе:

Лисенкова Алена Денисовна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9); преподаватель факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр-т В. О., д. 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>, Researcher ID: GRF-1214-2022, Scopus ID: 57878750700, alena.denisovna@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Giannotti A. Germany and the EU: Motive Power or Hegemonic Risk? *World Economy and International Relations*. 2022;66(7):24–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-7-24-32>
2. Belov V.B. 30th Anniversary of the Fall of the Berlin Wall: Features of Germany’s Economic Unification. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2019;(6):11–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620191117>

3. Shcherbakov V.Yu. Immigration Policy of the German “Left Party – PDS”: Genesis, Evolution and Prospects. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016;(11):205–210. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: WNDZQP
4. Lisenkova A.D. Main Features of the Modern Environmental Agenda of the Alternative for Germany. *Administrative Consulting*. 2022;(4):146–158. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-4-146-158>
5. Maksimychev I.F. The Four Power Status of West Berlin. One-Sided German Regulation. *Contemporary Europe*. 2020;(6):191–201. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope62020191201>
6. Yerofeyev D. R. The Ideological Origins of the Alternative for Germany (AfG) Party’s Program Settings. *International Relations and Dialogue of Cultures*. 2020;(8):37–53. Available at: <https://intern-relat.spbstu.ru/article/2020.8.3/> (accessed 16.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Rabotyazhev N.V. Alternative for Germany: Between Conservatism and Right-Wing Populism. *Politeia*. 2022;(3):158–178. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-158-178>
8. Goerres A., Spies D.C., Kumlin S. The Electoral Supporter Base of the Alternative for Germany. *Swiss Political Science Review*. 2018;24(3):246–269. <https://doi.org/10.1111/spsr.12306>
9. Badaeva A.S. Right Turn or the New Alternative for Germany. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2019;(2):61–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/afij-2019-2-61-74>
10. Pushkareva V.V. A New Political Movement in Germany: Goals and Perspectives. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019;3(1):62–72. Available at: <https://journals.udsu.ru/sociology/article/view/4023/3894> (accessed 16.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Rukavitsyn P.M. Germany’s Die Linke: Origin, Ideology and Political Perspective. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2015;(2):145–152. Available at: <https://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest15-713zc.pdf> (accessed 16.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Fernandes S. Ecosocialism from the Margins. *NACLA Report on the Americas*. 2020;52(2):137–143. <https://doi.org/10.1080/10714839.2020.1768731>
13. Pogorelskaya S.V. [The 2019 European Parliament Elections]. *Evropeiskii soyuz: fakty i komentarii*. 2019;(97):11–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/eufacts320191115>
14. Olsen J. The Left Party and the AfD. *German Politics and Society*. 2018;36(1):70–83. <https://doi.org/10.3167/gps.2018.360104>
15. Weisskircher M. The Strength of Far-Right AfD in Eastern Germany: The East-West Divide and the Multiple Causes behind ‘Populism’. *The Political Quarterly*. 2020;91(3):614–622. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12859>
16. Moreau P. Aux marges du systme politique: Die Linke et l’AfD aux elections au Bundestag de 2021. *Revue d’Allemagne*. 2022;54(1):217–235. (In Franch) <https://doi.org/10.4000/allemande.3090>
17. Lisenkova A.D. COVID-19: Influence on the Political Agenda of Alternative for Germany. *Contemporary Europe*. 2022;(4):200–209. Available at: <http://www.sov-europe.ru/2022-4/sovid-19-vliyanie-na-politicheskuyu-povestku-alternativy-dlya-germanii.html> (accessed 16.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Pesthy M., Mader M., Schoen H. Why is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election. *Politische Vierteljahresschrift*. 2021;62(1):69–91. <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00285-9>

Submitted 25.01.2023; revised 22.03.2023; accepted 04.04.2023.

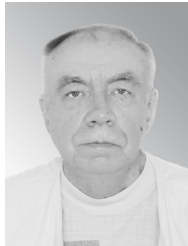
About the author:

Alena D. Lisenkova, Postgraduate Student, School of International Relations, Saint-Petersburg State University (7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation); Lecturer, Faculty of International Relations and Politics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny prospect VO, St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>, Researcher ID: GRF-1214-2022, Scopus ID: 57878750700, alena.denisovna@yandex.ru

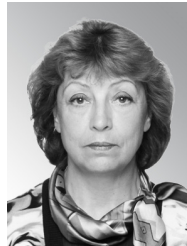
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации

В. А. Авксентьев

Г. Д. Гриценко ✉

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)*
✉ dissovet@rambler.ru

Аннотация

Введение. К началу третьего десятилетия XXI в. в доктринальных документах Российской Федерации меняются подходы в оценках и прогнозах ситуации на Северном Кавказе, регион более не трактуется как требующий приоритетного внимания государства. Следовательно, актуальным становится исследование противоречивых результатов развития Северо-Кавказского федерального округа. Цель статьи – на основе анализа динамики региональной ситуации сделать прогноз развития этнополитической ситуации на Северном Кавказе до середины текущего десятилетия.

Материалы и методы. Основными источниками эмпирической базы выступают официальные данные Росстата. Комбинирование количественного (анализ официальных документов) и качественного (дискурс-анализ) методов исследования позволило расширить возможности анализа полученной информации и обеспечить надежность сформулированных результатов.

Результаты исследования. Обосновано, что большинство факторов обострения региональной ситуации на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. сохраняют рискогенный потенциал в третьем десятилетии. Показаны паллиативные улучшения в экономике и других сферах северокавказского сообщества. Однако основные ориентиры, обозначенные при создании Северо-Кавказского федерального округа в 2010 г., не достигнуты. Экономические проблемы не оказывают существенного дестабилизирующего воздействия на этнополитические процессы, наибольшие риски концентрируются в институциональной сфере.

Обсуждение и заключение. Делается вывод о возможности сохранения умеренного конфликтологического сценария развития региональной ситуации вплоть до середины третьего десятилетия XXI в. Дальнейшие уточнения конфликтологических сценариев необходимо вести с учетом развернувшейся «гибридной войны», в контексте которой проблемы межэтнических отношений должны вновь стать объектом особого внимания государства; важно восстановить на доктринальном уровне статус Северного Кавказа как региона приоритетной значимости для безопасности государства. Полученные выводы могут представлять интерес для практических политиков различного уровня, в том числе при разработке и корректировке региональных стратегий и концепций национальной политики.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнополитические процессы, факторный анализ, теневая экономика, коррупция, дотации, конфликтологический сценарий

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (№ г. р. 122020100306-9).

Для цитирования: Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионология. 2023. Т. 31, № 3. С. 442–458. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>

Original article

The North Caucasus: Factor Analysis and Forecasts of the Regional Situation Dynamics

V. A. Avksent'ev, G. D. Gritsenko ✉

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

✉ dissovet@rambler.ru

Abstract

Introduction. By the beginning of the third decade of the 21st century approaches to assessments and forecasts of the situation in the North Caucasus have changed in the doctrinal documents of the Russian Federation, the region is no longer interpreted as requiring priority attention of the state. The article sets out the task of analyzing the controversial results of the development of the North Caucasian Federal District and on the basis of this analysis to make a forecast for the development of the ethnopolitical situation in the North Caucasus until the middle of the current decade.

Materials and Methods. The section identifies the sources of the empirical base, the main of which are the official data of Rosstat. The combination of quantitative (analysis of official documents) and qualitative (discourse analysis) research methods has expanded the possibilities of analyzing the obtained data and ensures the reliability of the results.

Results. It is asserted that most of the factors of aggravation of the regional situation at the turn of the first and second decades of the 21st century continue to produce risks in the third decade. Palliative improvements in the economy and other areas of the North Caucasian community are shown. However, the main targets set out at the moment of the creation of the North Caucasian Federal District in 2010 have not been achieved. At the same time, economic problems do not have a significant destabilizing effect on ethnopolitical processes, the greatest risks are concentrated in the institutional sphere.

Discussion and Conclusion. The conclusion is made about the possibility of maintaining a moderate conflictological scenario for the development of the regional situation until the middle of the third decade of the 21st century. Further clarification of conflictological scenarios should be carried out taking into account the unfolding “hybrid war”, in the context of which the problems of ethnic relations should once again become the object of special attention of the state; it is important to restore at the doctrinal level the status of the North Caucasus as a region of priority importance for the security of the state. The conclusions made in the article may be of interest to practical politicians, including the development and adjustment of regional strategies and concepts of national policy.

Keywords: the North Caucasus, ethnopolitical processes, factor analysis, shadow economy, corruption, subsidies, conflict scenario

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article is prepared within the state assignment of the Federal Research Centre The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, state reg. no. 122020100306-9.

For citation: Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D. The North Caucasus: Factor Analysis and Forecasts of the Regional Situation Dynamics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):442–458. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>

Введение. Начиная с середины 2010-х гг. Северный Кавказ постепенно перестает быть «первополосным» сюжетом в средствах массовой информации. В доктринальных документах Российской Федерации также происходит переоценка региональной ситуации: в «Стратегии государственной национальной

политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (в редакции 2018 г.) отсутствует упоминание о Северном Кавказе как регионе, требующем особого внимания государственных и муниципальных органов власти¹. Руководители региона высказывают определенный оптимизм в оценках, отмечая, что силовая компонента в борьбе с терроризмом и экстремизмом свою задачу выполнила². К концу второго десятилетия XXI в. стабилизировалась этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО)³. В то же время отмечается необходимость продолжения борьбы с экстремизмом и терроризмом⁴. Официальные оценки социально-экономических преобразований, достигнутых за период существования СКФО, крайне сдержаны. В новейшем документе – «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» (далее – «Стратегия...») – дается анализ состояния экономики региона и фиксируется заметное отставание округа от других федеральных округов по ключевым социально-экономическим показателям⁵.

Цель статьи – уточнить динамику развития региональной ситуации на Северном Кавказе на основе анализа рисков, официально обозначенных как причины образования СКФО, и сделать прогноз развития региона до середины текущего десятилетия в контексте угроз возобновления регионального этнополитического кризиса.

Обзор литературы. Проблемы Северного Кавказа в различной постановке анализируются в работах представителей всех социально-гуманитарных наук. В силу сохраняющейся социально-политической напряженности и высокой вероятности манифестных конфликтов с этническим компонентом причины и факторы продуцирования в регионе угроз и рисков дестабилизации обстановки являются приоритетными объектами изучения социологов, политологов, конфликтологов⁶ [1–4]. Важное место отводится институциональной составляющей политических процессов, причинам и механизмам дисфункции политических институтов [5–7], клановости как институциональному препятствию модернизации региона [8; 9]. Зарубежные исследователи, число которых редело по мере стабилизации этнополитической ситуации на Северном Кавказе, признают снижение остроты этнополитических проблем, но отмечают, что акцент на вертикали власти и силовом обеспечении безопасности демонстрирует общую

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 13.04.2023).

² Полпред: в борьбе с терроризмом на Северном Кавказе наступил перелом [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20160310/1387992899.html> (дата обращения 13.04.2023).

³ Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практика реализации / В. А. Авксентьев [и др.] ; под ред. Н. А. Шибановой. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2021. 664 с.

⁴ Борьба с терроризмом // Коммерсантъ. 2023. № 38. 4 Марта. С. 3.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 30 апр. 2022 г. № 1089-р // Правительство России : офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/140821/> (дата обращения: 13.04.2023).

⁶ Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практика реализации / В. А. Авксентьев [и др.].

неэффективность подхода «сверху вниз» к управлению экономикой⁷ [10]. В этом плане выводы зарубежных исследователей совпадают с точкой зрения российских экспертов. Низкая эффективность экономических преобразований признана и на официальном уровне: по оценке спикера Совета Федерации Федерального Собрания России В. Матвиенко, один из главных институтов развития – Корпорация развития Северного Кавказа – «работает стабильно убыточно»⁸ и после десяти лет малопродуктивной деятельности была упразднена в 2021 г. Российские ученые анализируют экономические основания поддержания социальной и этнополитической напряженности [11–13] и рассматривают варианты модернизационных стратегий на Северном Кавказе [14; 15].

Особое внимание уделяется причинам и условиям воспроизводства экстремизма и поддержания высокого уровня террористических угроз, несмотря на снижение этнополитической напряженности [16–22]. Одной из наиболее востребованных тем являются проблемы и противоречия, связанные с социокультурными идентичностями, определяющими социальное самочувствие населения [23–26]. С. Суций делает прогнозы развития региональной ситуации, отмечая, что Северный Кавказ по-прежнему остается и еще длительное время будет оставаться проблемной частью России [27]. Именно прогнозная аналитика представляет наибольший общественный интерес и востребована как органами власти, так и средствами массовой информации. В большинстве случаев исследователи выделяют отдельные факторы или направления динамики этнополитических процессов; в настоящее время таким приоритетом является экстремистская и террористическая активность. Следовательно, нами предпринята попытка комплексного факторного анализа динамики этнополитических, социально-экономических и политико-управленческих процессов и на этой основе уточнения конфликтологических сценариев до середины третьего десятилетия XXI в.

Материалы и методы. Исследование строилось на факторном анализе как оправдавшем себя многомерном статистическом методе [28]. В качестве основных факторов, влияющих на стабильность / нестабильность региональной ситуации на Северном Кавказе, были использованы угрозы, сформулированные Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым (2009 г.)⁹ накануне образования СКФО. Это десять рискогенов, серьезно осложнявших обстановку на Северном Кавказе на рубеже первых двух десятилетий XXI в.: преступления общетеррористической направленности, бедность населения, высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении на региональном уровне, качество жизни, уровень

⁷ Ter M. The Caucasus Emirate, the Other Russian Front // Notes Internacionales. CIDOB 129. 2015. October. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionales/n1_129_el_emirato_del_caucaso_el_otro_frente_de_rusia/the_caucasus_emirate_the_other_russian_front (дата обращения: 13.04.2023).

⁸ Валентина Матвиенко высказала мнение о работе КРСК [Электронный ресурс] // Кавказ-Пост : сайт. 17.01.2019. URL: <https://capost.media/news/obshchestvo/valentina-matvienko-krsk-rabotaet-stabilno-ubytochno/> (дата обращения: 13.04.2023).

⁹ Медведев Д. А. Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. 09.06.2009. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4383> (дата обращения: 13.04.2023).

промышленного производства, критическая зависимость от дотаций федерального бюджета, клановость и экстремизм.

Также использовался рискологический анализ [29], позволивший оценить степень приемлемости / неприемлемости того или иного фактора как риска социально-экономической нестабильности и этнополитической напряженности в северокавказском регионе.

Эмпирическую (статистическую) базу исследования составили официальные данные Росстата о динамике абсолютных и относительных показателей, характеризующих уровни социально-экономического и внутривластного развития субъектов Федерации, составляющих СКФО (2021 г. – первая половина 2022 г.), а также данные рейтингов экспертных организаций.

Поскольку за основу анализа были взяты официально сформулированные рискогенные факторы, то в качестве дополнительного аналитического материала использовались официальные нормативно-правовые документы, такие как «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года», что позволило провести сравнительный анализ через призму статистических данных и официальных оценок современного регионального развития.

Для расширения возможностей получения дополнительной эмпирической информации и обеспечения валидности и надежности результатов и выводов в работе использовались выступления политиков, рассуждения и оценки экспертов.

Основным методом стал анализ официальных документов. Также использовался дискурс-анализ «текстовой реальности».

Эмпирический материал систематизировался в виде конфликтологических сценариев [30], веер которых представлен алармистским, негативным, умеренно-негативным, умеренным, умеренно-позитивным и позитивным вариантами. После длительного периода доминирования негативного сценария с 2014 г. мы фиксировали признаки перехода с негативного на умеренно-негативный, а в 2017 г. впервые спрогнозировали постепенный переход на умеренный сценарий, начиная с отдельных регионов¹⁰. В настоящей статье мы стремимся не только оценить текущую региональную ситуацию, но и сделать прогноз развития этнополитических и социально-экономических процессов на Северном Кавказе, определить, насколько устойчивы тенденции перехода региональной ситуации на умеренный сценарий развития и возможен ли в обозримой перспективе переход на позитивный сценарий.

Результаты исследования. Рассмотрим угрозы и риски региональной стабильности в той последовательности и в той постановке, в которых они были озвучены в 2009 г., и сопоставим с оценками ситуации в первой половине третьего десятилетия XXI в., предложенными в «Стратегии...», выступлениях политиков и экспертов, а также с вытекающими из анализа статистических данных.

¹⁰ Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Межэтнические отношения в Ставропольском крае (четвертый квартал и итоги года 2017 года) // Состояние межэтнических отношений и этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие и итоги 2017 года). Экспертный доклад. Пятигорск : ПГУ, 2017. С. 11–17. URL: http://pravorf.org/images/Doclad_SKFO_2017.pdf (дата обращения: 13.04.2023).

Наличие преступлений общетеррористической направленности. К началу 2021 г. на Северном Кавказе удалось ликвидировать все основные очаги террористической активности и всех главарей бандформирований¹¹. Однако о полной победе над терроризмом в регионе говорить рано. Запад по-прежнему возвращает террористов на Северном Кавказе, оказывая террористическому подполью финансовую, политическую и информационную поддержку¹². По мнению экспертов, деятельность большинства террористических организаций координируется в киберпространстве, их боевые группы и ячейки глубоко законспирированы, законсервированы или переведены в «спящий» режим [31]. По данным Генпрокуратуры России, за 11 месяцев 2022 г. в регионе зарегистрировано 764 преступления террористической направленности, при этом более всего в Дагестане (412), Чечне (100) и Ингушетии (94)¹³. После 24 февраля 2022 г. социально-политическая ситуация на Северном Кавказе осложнилась, что проявилось, в частности, в массовой рассылке заведомо ложных сообщений о якобы готовящихся террористических актах: с 24 февраля по 11 апреля 2022 г. было получено более 100 таких сообщений¹⁴, а также в активизации в интернете деятельности лиц, оправдывающих терроризм¹⁵.

В «Стратегии...» есть упоминание об угрозе, исходящей от «распространения международного терроризма на территории СКФО» как риске для реализации целевого сценария социально-экономического развития региона. Показательным является контекст упоминания – в связке с проблемой «возникновения международных конфликтов».

Таким образом, террористические угрозы на Северном Кавказе актуальны, особенно в его отдельных регионах, что не дает возможности прогнозировать устойчивый переход на умеренно-позитивный сценарий в масштабах всего макрорегиона.

Бедность населения. На всех территориях СКФО доля бедности к концу 2022 г.¹⁶ сохранилась на уровне 2021 г.: шесть субъектов, кроме Дагестана, расположившегося на 52-м месте, занимают рейтинги ниже 70-го места¹⁷. В Карачаево-Черкесии доля населения, живущего за чертой бедности, превышает 20 %, а в Ингушетии – почти 30 % (предпоследнее место в России). Проблема бедности для СКФО остается актуальной. Однако опыт последних десяти лет

¹¹ Директор ФСБ: За 10 лет в России удалось предотвратить около 200 терактов [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/03/10/direktor-fsb-za-10-let-v-rossii-udalos-predotvratit-okolo-200-teraktov.html> (дата обращения: 13.04.2023).

¹² Путин обвинил Запад во возвращении террористов на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/27/valdayuuuuu/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹³ Преступность в регионах [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁴ На Северном Кавказе с 24 февраля поступило более 100 сообщений о минировании [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/v-strane/14356577?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁵ В Махачкале прошел семинар по вопросам информационного противодействия распространению терроризма в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://mahachkala.bezformata.com/listnews/protivodeystviya-rasprostraneniyu/98105867/> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁶ Рейтинг регионов по доходам населения – 2022 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг : сайт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220620/630224442.html> (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁷ Граница бедности в России [Электронный ресурс]. URL: <https://gogov.ru/articles/standard-of-living/poverty-line> (дата обращения: 13.04.2023).

свидетельствует, что в регионе не наблюдается «трансфер» неудовлетворенности финансовым положением на этническую сферу, что свидетельствует о достаточно глубокой стабилизации этнополитических процессов.

В «Стратегии...» проблема бедности специально не акцентируются: о ней упоминается в положении о снижении уровня бедности в 2 раза к 2030 г. (относительно 2017 г.). В «Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»¹⁸ (далее – «Единый план...») понятие «бедность» относительно Северного Кавказа не используется.

Высокий уровень безработицы. В субъектах Федерации, образующих СКФО, уровень официальной безработицы по-прежнему высок. Даже в Ставропольском крае – самом благополучном по этому показателю в округе – уровень безработицы (5,3 %) выше среднероссийского (4,8 %). Крайне сложная ситуация складывается в Ингушетии: уровень безработных самый высокий в стране (более 30 %)¹⁹.

В «Стратегии...» положение дел оценивается также отрицательно: на протяжении последнего десятилетия во всех субъектах Федерации, входящих в состав СКФО, уровень безработицы держался выше среднероссийского. Однако из-за серьезного объема «теневого» сектора в экономике региона, как констатируется в «Стратегии...», дать адекватную оценку ситуации в сфере занятости трудно. Поэтому легализация «теневой» экономики – основной путь снижения безработицы; в настоящее время безработица не оказывает существенного влияния на этнополитическую ситуацию в регионе.

Масштабы коррупции. Уровень коррупции в регионе, по оценке полпреда Ю. Чайки, зашкаливает²⁰. Официально установленный ущерб от коррупции в СКФО за 2020 г. составил почти 2 млрд руб.²¹. О сохранении коррупционной составляющей рисков этнополитической стабильности на Северном Кавказе говорят данные Генпрокуратуры, согласно которым Ставропольский край занимает второе место в России по числу взяточников: 224 случая (Москва – 340)²².

Неблагополучная ситуация с коррупцией в северокавказском регионе нашла отражение и в «Стратегии...»: мероприятия по противодействию коррупции были прописаны среди важнейших мер по реализации политики, направленной на повышение эффективности государственного и муниципального управления на

¹⁸ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 01 окт. 2021 г. № 2765-р (с изм. от 24 дек. 2021 г.). URL: https://legalacts.ru/doc/edinyi-plan-po-dostizheniiu-natsionalnykh-tselei-razvitiia-rossiiskoi-federatsii_1/ (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁹ Шесть регионов СКФО стали аутсайдерами рейтинга РФ по уровню безработицы [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/28/02/2022/621c716a9a794745fe7e0943> (дата обращения: 13.04.2023).

²⁰ Егоров И. Чайка: Ситуация с коррупцией в СКФО требует пристального внимания [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/03/04/reg-skfo/chajka-situaciia-s-korrupciej-v-skfo-trebuuet-pristalnogo-vnimanii.html> (дата обращения: 13.04.2023).

²¹ Ущерб от коррупции на Северном Кавказе за год составил 2 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/19/ushcherb-ot-korrupcii-na-severnom-kavkaze-za-god-sostavil-2-mlrd-rublej> (дата обращения: 13.04.2023).

²² Край взяточников: какие коррупционные скандалы «прославили» Ставрополье в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://newstracker.ru/news/2023-01-02/kрай-vzyatochnikov-kakie-korrupcionnye-skandaly-proslavili-stavropolie-v-2022-godu-2629150> (дата обращения: 13.04.2023).

территории СКФО. Кроме того, отмечалось, что улучшение институциональных условий для решения системных проблем социально-экономического развития региона невозможно без преодоления коррупции.

Системные деформации в государственном управлении на региональном уровне, что сопровождается утратой доверия к власти. Согласно результатам IX рейтинга эффективности управления в субъектах Федерации, подготовленного АПЭК (2021 г.), для регионов, входящих в СКФО, по-прежнему характерны различия между результатами деятельности руководителей территорий. Есть позитивная динамика эффективности регионального управления: Северная Осетия – Алания поднялась на 69-е место (в 2019 г. – 83-е). Существенный прирост эффективности продемонстрировали Кабардино-Балкария, закрепившаяся на 56-м месте (в 2020 г. – 63-е), и Карачаево-Черкесия, расположившаяся на 68-м месте (в 2020 г. – 78-е). Однако есть и потери: Ставропольский край и Чеченская Республика снизили позиций: Ставрополье – с 53-го места до 60-го, Чечня – с 5-го до 6-го²³. С учетом сохраняющейся «этнической маркировки» органов власти в СКФО неэффективность управления генерирует риски стабильности этнополитических процессов и ограничивает вероятность перехода к позитивному сценарию развития региональной ситуации.

В «Стратегии...» проблемы эффективности государственного управления на региональном уровне сформулированы в умеренных и обтекаемых понятиях, в частности, в контексте повышения квалификации управленческих кадров, цифровизации управления и расширения практики общественного контроля над деятельностью властных структур.

В то же время эксперты-исследователи подчеркивают, что основными политическими акторами на Северном Кавказе являются местные этнополитические элиты (руководители регионов и их окружение, бизнес-элита, мусульманское духовенство и т. д.), которые при слабости демократических институтов и механизмов управления, неразвитости гражданского общества [32] опираются на этнические и традиционные институты, национальную культуру, религиозные ценности [5]. Исследователи региональных процессов отмечают, что выработанные в постсоветский период неформальные институты этнического представительства во власти, исполнив стабилизирующую роль, в дальнейшем обусловили политизацию этничности и манифестирование этнокультурных различий, что создало трудности как внутренней интеграции полиэтничных регионов, этнополитической стабильности, так и конвергенции их с российским политико-правовым, социокультурным пространством [33]. Такая ситуация в политико-управленческой властной сфере может рассматриваться как фактор роста недоверия властным структурам, а следовательно, потенциальная угроза этнополитической стабильности в регионе.

Низкое качество жизни. Согласно данным исследования «РИА Новости», отставание качества жизни регионов СКФО от среднероссийского сохраняется. В рейтинге российских регионов по качеству жизни за 2022 г. в числе последних

²³ IX рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: <https://regcomment.ru/ratings/ih-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2021-godu/> (дата обращения: 13.04.2023).

двадцати находятся шесть северокавказских республик²⁴. Наблюдается отрицательная динамика: Дагестан опустился на 16 пунктов, заняв 72-е место, Северная Осетия – Алания – на 8 (78-е), Ингушетия – на 5 (83-е), Чечня – на 1 пункт (75-е). Даже Ставропольский край – самый успешный из СКФО (35-е место) – ухудшил относительно 2019 г. свой показатель на 12 позиций. Но есть и позитивный результат: Карачаево-Черкесия поднялась с 84-го на 82-е место²⁵.

В «Стратегии...» понятие «качество жизни» употребляется восемь раз, но не в качестве самостоятельной проблемы, а среди угроз достижения сбалансированности пространственного развития в регионах СКФО.

Низкий уровень промышленного производства. Начало 2022 г. было насыщено негативными геополитическими событиями и масштабными санкционными ограничениями, которые сказались на производственном секторе российской экономики. Тем не менее, по материалам Севкавказстата, в СКФО за 5 месяцев 2022 г. производство возросло на 11,1 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.²⁶, особенно заметен его рост в Дагестане (+28,8 %), Ингушетии (+18,1 %), Чечне (+12,3 %), Карачаево-Черкесии (+12,0 %) и Северной Осетии – Алании (+11,2 %)²⁷.

В «Стратегии...» отмечается, что с 2010 г. промышленность субъектов Федерации, входящих в СКФО, демонстрирует положительную динамику. Однако развитие промпроизводства крайне неоднородно по макрорегиону. В 2021 г. 67,0 % объема промышленного производства по СКФО приходилось на Ставрополье и 0,96 % – на Ингушетию. Кроме того, неравномерностью характеризуется развитие разных отраслей промышленности: например, есть снижение добычи полезных ископаемых, падение показателей в сфере обрабатывающих производств, уменьшение производства электрической энергии, газа²⁸.

Сложилась, таким образом, двоякая ситуация. Есть определенные достижения: «Северный Кавказ с каждым годом становится все более привлекательным для инвесторов. Только за 2020–2021 гг. суммарный портфель заявленных проектов частных инвестиций в субъектах округа увеличился почти в 2 раза и составил 318 миллиардов рублей» (Ю. Чайка)²⁹. Однако «основные экономические показатели развития субъектов Северного Кавказа отстают от общероссийских, это касается и валового регионального продукта на душу населения, и важнейшего показателя – инвестиций в основной капитал» (М. Мишустин). И выделяемые

²⁴ Шесть регионов СКФО оказались в конце рейтинга РФ по качеству жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/14/02/2022/620a08ef9a79475f97eaafbf> (дата обращения: 13.04.2023).

²⁵ Рейтинг регионов России по качеству жизни 2022–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html>; Опубликован рейтинг регионов России по качеству жизни [Электронный ресурс]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20220214/836056383.html (дата обращения: 13.04.2023).

²⁶ На Северном Кавказе в январе – мае 2022 г. промпроизводство выросло на 11 % [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/62be97f19a79475ac03f8b5d> (дата обращения: 13.04.2023).

²⁷ В Пятигорске проходит Форум «Северный Кавказ – 2022: меры по повышению устойчивости экономики в условиях санкций» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skfo.gov.ru/press/events/1888/> (дата обращения: 13.04.2023).

²⁸ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года...

²⁹ Мишустин: Миллиарды выделяем, а Кавказ и ныне там. На совещании в Пятигорске премьер задался вопросом, на что идут бюджетные деньги, выделяемые северокавказским республикам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27291/4429354/> (дата обращения: 13.04.2023).

из федеральной казны огромные средства – более 480 млрд руб. в 2020 г. – «на опережающем развитии ...не сказываются» (М. Решетников). Как итог разрыв в экономике между Северным Кавказом и другими регионами России увеличился на 3 %. Неэффективность финансово-экономической региональной политики подтверждается и низкой отдачей бюджетных средств: «на Дальнем Востоке каждый рубль бюджетных средств приносит более 30 рублей частных инвестиций, в особых экономических зонах – почти 2,5 рубля, а на Северном Кавказе – 50 копеек» (М. Мишустин). Таким образом, развитие промышленного производства не стало фактором стабилизации в северокавказском макрорегионе.

Критическая зависимость от дотаций федерального бюджета. Существенная зависимость региональных бюджетов от дотаций федерального бюджета сохраняется: все территории поднялись вверх по «дотационной лестнице», став еще более дотационными (стабильно первое место принадлежит Дагестану³⁰). Однако при оценке «качества работы» дотационных средств, выделяемых регионам, важно учитывать численность населения. Так, на душу населения Дагестан, Чечня и Карачаево-Черкесия получают около 22 тыс. руб. в виде дотаций, Ингушетия – 24 тыс., а, например, Бурятия – 20 тыс.³¹. При этом, согласно рейтингу, представленному «РИА Новости», Бурятия поднялась с 81-го места в 2020 г. на 74-е в 2022 г., а Ингушетия опустилась с 78-го места на 83-е, Дагестан – с 56-го на 72-е, Чечня – с 74-го на 75-е место и только Карачаево-Черкесия закрепились на 82-й позиции.

Как результат, в «Стратегии...» среди системных проблем социально-экономического развития СКФО называются низкий уровень собственных доходов, высокая дотационность, нестабильность доходов и высокая долговая нагрузка консолидированных бюджетов субъектов, входящих в состав СКФО, которые связаны с другой системной проблемой – недостаточной эффективностью государственного и муниципального управления на отдельных территориях округа.

В «Едином плане...» зафиксировано, что регионы Северного Кавказа имеют самые низкие показатели не только по основным макроэкономическим индикаторам, но и по уровню жизни людей, хотя обладают высококонкурентными условиями для экономического развития, развитой инфраструктурой, в которую вложены значительные средства из федерального бюджета и естественных монополий.

Влияние таких экономических факторов, как качество жизни, уровень промышленного производства, дотационность, не позволяет прогнозировать переход региона на позитивный сценарий, однако вследствие низкого конфликтогенного воздействия на этнополитические процессы они не являются препятствием для сохранения умеренного сценария как вероятного до середины десятилетия.

Внутренние проблемы (например, клановость). Реализация на Северном Кавказе общеизвестного постулата «Кадры решают всё!» осложняется не только проблемой коррупции, но и тесно с ней связанной кланово-клиентелистской системой. Именно на эту взаимосвязь обратил внимание Ю. Чайка при вступлении

³⁰ Дотационные регионы – рейтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://rusind.ru/dotacionnye-regiony-rejting.html>; Дотационные регионы России и доноры: список в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://top-rf.ru/places/564-dotacionnye-regiony.html> (дата обращения: 13.04.2023).

³¹ Экономисты определили особенности дотационности республик Северного Кавказа [Электронный ресурс]. URL: <https://cherkesk.bezformata.com/listnews/dotacionnosti-respublik-severnogo-kavkaza/99000346/> (дата обращения: 13.04.2023).

в должность полпреда в СКФО: «Важный аспект совершенствования кадровой политики на Северном Кавказе – противодействие не только коррупции, но и клановости». Тем более что связка клановости и коррупции является, по мнению официальных лиц, также проблемой безработицы: «причина невосребованности молодых людей, которым сложно найти работу, в клановости и коррупции, когда на работу берут не молодых специалистов, а своих детей, родственников и знакомых» (Ю. Чайка)³².

В «Стратегии...» термин «клан» не употребляется. Не популярна эта тема и в региональном научном сообществе [34], часть из которого считает вопрос о клановости преувеличенным [8]. Хотя другие эксперты убеждены, что громкие коррупционные дела последних лет³³ подтверждают актуальность проблемы кланово-клиентелистских отношений на Северном Кавказе [10; 35; 36], которая нередко выступает социальной базой для теневого сектора экономики, преодолению которого в «Стратегии...» придается приоритетное значение.

Проблемы клановости непосредственно связаны с этнополитическими процессами, хотя идет трансформация самих кланов, постепенно превращающихся в «клубы по интересам», инкорпорирующие «нужных людей». Тем не менее клановая система – одно из институциональных препятствий модернизации северокавказских обществ, деэтнизации общественной жизни и деполитизации этничности.

Экстремизм. Ситуация с преступлениями экстремистской направленности на Северном Кавказе достаточно сложная. По данным Генпрокуратуры России, за одиннадцать месяцев 2022 г. в СКФО зарегистрировано 162 преступления экстремистской направленности, в частности на Ставрополье – 60, Дагестане – 56³⁴. Несмотря на предпринимаемые региональными властями меры по профилактике идеологии экстремизма, он на Северном Кавказе как риск-фактор не утратил своей актуальности [31]. В «Стратегии...» экстремизм упоминается три раза – в контексте системных мер воздействия на социум средствами культуры образования, гражданского общества. Хотя экстремизм в настоящее время почти утратил этническое основание, гибридная война, развернувшаяся против России, одной из мишеней имеет этническое многообразие российского общества и нацелена на возобновление сепаратизма. В этих условиях требуются значительные усилия по сохранению умеренного сценария развития; вероятность перехода на позитивный сценарий становится маловероятной.

Обсуждение и заключение. Большинство рисков, обозначенных Президентом России в 2009 г., продолжают оказывать дестабилизирующее воздействие на региональную ситуацию на Северном Кавказе. Именно поэтому в прямом или «снятом»

³² Егоров И. Чайка: Ситуация с коррупцией в СКФО требует пристального внимания [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/03/04/reg-skfo/chajka-situaciia-s-korrupciej-v-skfo-trebuuet-pristalnogo-vnimaniia.html> (дата обращения: 13.04.2023).

³³ Экс-глава минпрома КЧР осужден условно по делу, связанному с Арашукowymi [Электронный ресурс]. URL: https://stav.aif.ru/money/corruption/eks-glava_minproma_kchr_osuzhdyon_uslovno_po_delu_svyazannomu_s_arashukovymi; Министр из Карачаево-Черкесии арестован за нарушение подписки о невыезде [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/28366/4515236/> (дата обращения: 13.04.2023).

³⁴ Преступность в регионах [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 13.04.2023).

виде они прописаны в принятой в 2022 г. «Стратегии...». Однако иерархия этих рисков изменилась. Факторы экономического порядка, рассматривавшиеся при создании Северо-Кавказского федерального округа как основные причины воспроизводства нестабильности и затяжного этнополитического кризиса, не оказывают в настоящее время прямого деструктивного воздействия на этнополитические процессы. На первые роли выдвинулись институциональные факторы – неэффективность управления, теневая экономика и связанные с ней клановость и коррупция. Начиная с 2022 г. значительно возросло влияние геополитических факторов.

Тем не менее достаточно глубокая стабилизация этнополитических процессов позволяет говорить о сохранении умеренного конфликтологического сценария развития региональной ситуации вплоть до середины третьего десятилетия XXI в. Значительных рисков возобновления регионального этнополитического кризиса нет. Вместе с тем нерешенность базовых вопросов развития региона, сформулированных при образовании СКФО и «отягощенных» значительной долей «теневого» сектора экономики, как зафиксировано в «Стратегии...», не позволяет с уверенностью пролонгировать умеренный сценарий развития этнополитической ситуации за пределы середины третьего десятилетия XXI в. Мы согласны с точкой зрения ряда исследователей, считающих, что в регионе сохраняются факторы риска роста напряженности в межэтнических отношениях и потенциально возможен возврат негативного сценария этнополитического развития [31], однако считаем, что такая ситуация не является наиболее вероятной. Вместе с тем устойчивый переход всего региона на позитивный сценарий также маловероятен.

В контексте новых геополитических реалий требуются дальнейшие уточнения и корректировки сценариев развития региона. С учетом развернувшейся гибридной войны можно прогнозировать попытки актуализации «замороженных», «застарелых», латентных конфликтов на Северном Кавказе, дестабилизации этнополитической и этноконфессиональной ситуации в СКФО. Этнические процессы, этническое многообразие страны, как и ранее, рассматривается геополитическими конкурентами России в качестве ее слабого звена. Имеются многочисленные попытки вовлечения в антироссийскую деятельность зарубежных диаспор, в значительной степени представленных северокавказскими народами. Проблемы межэтнических отношений, в оценке которых на различных уровнях власти наблюдается избыточно положительная оценка, должны вновь стать объектом особого внимания государства и найти отражение в доктринальных документах. Также целесообразно на доктринальном уровне восстановить статус Северного Кавказа как региона приоритетной значимости для безопасности России.

Факторный анализ и сценарное прогнозирование региональной ситуации на Северном Кавказе позволяют заранее предусмотреть нарастающие угрозы и риски и скорректировать практико-политическую деятельность с целью их минимизации или купирования. Требуется дальнейшая разработка методологии и методики конфликтологического прогнозирования, выработка конфликтологических сценариев. Необходимы уточнения прогнозов и сценариев в условиях высокой динамики геополитических процессов, когда постоянно появляются новые или меняется интенсивность ранее действовавших факторов дестабилизации региональной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Acharjee M. Ethnic Conflicts in North Caucasus // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 3. С. 174–183. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10044>
2. Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность межэтнической напряженности // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 33–48. EDN: HVKZKL
3. Гаджиев М. М. Особенности взаимодействия политических, этнических и религиозных факторов на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 103–108. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-103-108>
4. Хаматова С. Х. Перспективы реализации некоторых направлений военной модернизации на Северном Кавказе // Военно-юридический журнал. 2021. № 8. С. 3–7. EDN: FQUDOE
5. Роль этнополитических элит в возникновении и развитии межэтнических конфликтов (на примере Северного Кавказа) / Д. К. Григорян [и др.] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 76–79. URL: <https://www.journal-nio.com/images/pdf2018/4.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).
6. Кольба А. И., Чадаева З. Т. Тенденции развития и политической институционализации региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 3. С. 273–287. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.304>
7. Примова Э. Н. О некоторых особенностях административного устройства республик СКФО // Власть. 2020. № 6. С. 62–67. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7714>
8. Саркарова Д. С. О клановости в политической жизни республик Северного Кавказа // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 164–171. EDN: XGSFZR
9. Михайлова Е. А. Процессы формирования политических элит в полиэтнических регионах России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 1 (54). С. 182–191. URL: <https://kaspy.asu.edu.ru/archive/2018/issue/1/article/1642> (дата обращения: 13.04.2023).
10. Holland E. C., Witmer F. D. W., O'Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016 // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58, issue 6. Pp. 613–641. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1438905>
11. Алибий Х. М., Сарбашева Е. М. Куда дрейфует российский Кавказ? // Индустриальная экономика. 2022. Т. 6, № 3. С. 489–496. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_489
12. Ахмедуев А. Ш. Государственная политика регионального развития и ее последствия в регионах Северного Кавказа: неравенство, безработица, бедность // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 5 (127). С. 5–16. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-5-16>
13. Гадиева А. Н. Условия эффективного развития горных территорий (на примере северокавказского региона) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12. С. 97–100. EDN: MUPJPB
14. Ищенко-Падукова О. А. Стратегия модернизации анклавных территорий Северного Кавказа // Международный журнал экономики и образования. 2019. Т. 5, № 2. С. 5–25. URL: http://www.ejournal.ru/uploads/imagebox/TOM5_НОМЕР2_МАЙ_2019.pdf (дата обращения: 13.04.2023).
15. Стародубровская И. В., Казенин К. И., Ситкевич Д. А. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 3. С. 112–137. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137>
16. Bifolchi G. Geopolitics and Terrorism in the North Caucasus: Consequences of EU-Russia Confrontation / Cooperation and Jihadist Propaganda // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 7–38. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/issue_68_june_2018/_communication_management_and_strategic_communication_in_public_administration/biffolchid.pdf (дата обращения: 13.04.2023).
17. Власов В. В. Взаимодействие органов государственной власти с религиозными конфессиями как фактор противодействия исламскому экстремизму на Северном Кавказе // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 28–34. URL: https://mvd.ru/upload/site163/folder_page/008/109/567/Nauchnyy_portal__2_58_pravka_compressed.pdf (дата обращения: 13.04.2023).
18. Гандалов Р. Б., Эльджаркиев И. А. Правовые основы противодействия распространению идеологии экстремизма // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 59–63. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10012>

19. Кавказский террор в России как форма гибридной войны: детерминация и прогноз развития / Н. Д. Литвинов [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 5. С. 74–111. EDN: [MNCJTM](#)
20. Кудряшов К. В., Понеделков А. В., Артюхин О. А. Причины, формирующие интерес молодежи Северного Кавказа к экстремизму // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 133–135. URL: <https://www.journal-nio.com/images/2020/9-2020.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).
21. Юсупова Г. И., Магомедалиева К. М. Религиозный терроризм: новые глобальные и региональные вызовы // Власть. 2021. № 6. С. 65–70. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8684>
22. Wilhelmsen J., Youngman M. Violent Mobilization and Non-Mobilization in the North Caucasus // Perspectives on Terrorism. 2020. Vol. 14, no. 2. Pp. 2–10. URL: https://www.researchgate.net/publication/341205142_Violent_Mobilization_and_Non-Mobilization_in_the_North_Caucasus (дата обращения: 13.04.2023).
23. Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х. Содержательно-структурная этнополитическая синкретизация российской гражданской идентичности (некоторые северокавказские практики) // Вопросы политологии. 2021. № 8 (72) С. 2243–2255. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.72.8.005>
24. Атласкиров А. Р. Цивилизационная идентичность в регионах Северного Кавказа (на примерах Адыгеи и Кабардино-Балкарии) // Власть. 2020. № 5. С. 135–142. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7588>
25. Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 112–125. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>
26. Ярлыкапов А. А., Адиев А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4. С. 59–74. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74>
27. Суший С. Я. Конфликтотенный потенциал Северного Кавказа на рубеже 2020-х годов: факторы и основные тренды // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1 (105). С. 72–78. URL: <http://nmkav.ru/ru/archive/2021/1/konfliktogennyj-potentsial-severnogo-kavkaza-na-rubezhe-2020-kh-godov-factory-i-osnovnye-trendy> (дата обращения: 13.04.2023).
28. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Факторный анализ динамики региональной ситуации на Северном Кавказе через призму человеческого капитала // Власть. 2017. Т. 25, № 1. С. 33–45. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4875> (дата обращения: 13.04.2023).
29. Risks in The North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation / V. A. Avksent'ev [et al.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 116–128. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10>
30. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Противоречивость этнополитических тенденций на Северном Кавказе: экспертные оценки // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 3. С. 139–154. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.11>
31. Буткевич С. А. Контрэкстремистская повестка в парадигме нормотворчества северокавказского региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 185–194. URL: <http://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2020/12/Butkevich.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).
32. Гаджиев М. М. Особенности взаимодействия политических, этнических и религиозных факторов на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 103–108. URL: <https://kaspy.asu.edu.ru/archive/2021/issue/2/article/2020> (дата обращения: 13.04.2023).
33. Адиев А. З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 7–16. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2018-4/_2018_4_7-16.pdf (дата обращения: 13.04.2023).
34. Журавлев Д. А. Политические кланы как социальный институт // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 5. С. 196–199. EDN: [PCPLLZ](#)
35. Авксентьев В. А. «Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // Society and Security Insights. 2020. № 2. С. 41–54. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-02)

36. Айбатов М. М. Власть и общество в Северо-Кавказском регионе: историко-правовой анализ // Юридически вестник ДГУ. 2013. № 3. С. 9–14. URL: <http://jurvestnik.dgu.ru/Stat/j2013-3-2.pdf> (дата обращения: 13.04.2023).

Поступила 03.11.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 19.01.2023.

Об авторах:

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0762-3529>, Researcher ID: J-4088-2018, Scopus ID: 26325389900, avksentiev@rambler.ru

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8281-7409>, Researcher ID: AAC-7640-2022, Scopus ID: 23975990100, dissovet@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

В. А. Авксентьев – разработка концепции статьи; контент-анализ доктринальных документов; анализ эмпирического материала; критический анализ и доработка текста.

Г. Д. Гриценко – сбор, систематизация и анализ эмпирического материала; подготовка начального варианта текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Acharjee M. Ethnic Conflicts in North Caucasus. *Comparative Politics Russia*. 2020;11(3):174–183. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10044>
2. Achkasov V.A. North Caucasus: Multifactorial Ethnopolitical Tension. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*. 2021;(1):33–48. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: HVKZKL
3. Gadzhiev M.M. Features of the Interaction of Political, Ethnic and Religious Factors in the North Caucasus. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2021;(2):103–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-103-108>
4. Khamatova S.Kh. Prospects for the Implementation of Some Military Modernization Areas of in the North Caucasus. *Military-Law Journal*. 2021;(8):3–7. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: FQUDOE
5. Grigoryan D.K., Aroyan A.S., Verenich I.G., Ostrovsky V.A. The Role of Ethnic and Political Elites in Emerging and Development of Interethnic Conflicts (The Example of the North Caucasus). *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2018;(4):76–79. Available at: <https://www.journal-nio.com/images/pdf2018/4.pdf> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Kol'ba A.I., Chadaeva Z.T. Trends in the Development and Political Institutionalization of Regional Conflicts in the Republics of the North Caucasus. *Political Expertise: POLITEX*. 2021;17(3):273–287. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.304>
7. Primova E.N. About Some Aspects of the Administrative Division of the North Caucasian Federal District Republics. *Vlast'*. 2020(6):62–67. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7714>
8. Sarkarova D.S. About the Clannishness in the Power System of the North Caucasus Republics. *Voprosy politologii*. 2016;(4):164–171. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: XGSFZR
9. Mikhailova E.A. The Processes of Political Elites Formation in Polyethnic Regions of Russia. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2018;(1):182–191. Available at: <https://kaspy.asu.edu.ru/archive/2018/issue/1/article/1642> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Holland E.C., Witmer F.D.W., O'Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016. *Eurasian Geography and Economics*. 2017;58(6):613–641. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1438905>

11. Alibiy Kh.M., Sarbasheva E.M. Where is the Russian Caucasus Drifting? *Industrial Economics*. 2022;6(3):489–496. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_489
12. Akhmeduev A.Sh. State Policy of Regional Development and its Consequences in the Regions of the North Caucasus: Inequality, Unemployment, Poverty. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2021;(5):5–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-5-16>
13. Gadieva A.N. Conditions for Effective Development of Mountain Territories (the Case of the North Caucasus). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2020;(12):97–100. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: MUPJPB
14. Ishchenko-Padukova O.A. Upgrade Strategy for Enclave Areas of the North Caucasus. *International Journal of Economics and Education*. 2019;5(2):5–25. Available at: http://www.ejournal.ru/uploads/imagebox/TOM5_HOMEP2_MAI_2019.pdf (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I., Sitkevich D.A. North Caucasus: Choosing Strategic Landmarks. *Ekonomicheskaya politika*. 2021;16(3):112–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137>
16. Bifolchi G. Geopolitics and Terrorism in the North Caucasus: Consequences of EU-Russia Confrontation. Cooperation and Jihadist Propaganda. *Public Administrarion. E-journal*. 2018;(68):7–38. Available at: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/issue_68_june_2018_/communication_management_and_strategic_communication_in_public_administration/bifolchid.pdf (accessed 13.04.2023).
17. Vlasov V.V. Interaction of State Authorities with Religious Confessions as a Factor in Countering Islamic Extremism in the North Caucasus. *Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2022;(2):28–34. Available at: https://mvd.ru/upload/site163/folder_page/008/109/567/Nauchnyy_portal_2_58_pravka_compressed.pdf (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Gandaloev R.B., Eldzharkiev I.A. Legal Framework for Countering the Spread of the Ideology of Extremism. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1):59–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-100122>
19. Litvinov N.D., Ovchinnikov V.V., Salnikov M.V., Petrov P.A. Caucasian Terror in Russia as a Form of Hybrid War: Determination and Development Forecast. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2021;(5):74–111. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: MNCJTM
20. Kudryashov K.V., Ponedelkov A.V., Artyukhin O.A. Reasons Forming the Interest of the Youth in the North Caucasus to Extremism. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2020;(9):133–135. Available at: <https://www.journal-nio.com/images/2020/9-2020.pdf> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
21. Yusupova G.I., Magomedadieva K.M. Religious Terrorism: New Global and Regional Challenges. *Vlast'*. 2021;(6):65–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8684>
22. Wilhelmsen J., Youngman M. Violent Mobilization and Non-Mobilization in the North Caucasus. *Perspectives on Terrorism*. 2020;14(2):2–10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/341205142_Violent_Mobilization_and_Non-Mobilization_in_the_North_Caucasus (accessed 13.04.2023).
23. Astvatsaturova M.A., Dzakhova L.Kh. Content-Structural Ethnopolitical Syncretization of Russian Civil Identity (Some North Caucasian Practices). *Political Science Issues*. 2021;(8):2243–2255. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.72.8.005>
24. Atlaskirov A.R. Civilization Identity in the Regions of North Caucasus (Applying to the Examples of Adygea and Kabardino-Balkaria). *Vlast'*. 2020;(5):135–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7588>
25. Erokhin A.M., Vorobyov S.M., Avdeev E.A. Ethnopolitical Processes in the Caucasus: Identity Conflict and Political Activity of Youth. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2021;26(5):112–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>
26. Yarlykapov A.A., Adiev A.Z. Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization, and the Problem of “Traditionality”. *Islamovedenie*. 2021;12(4):59–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74>
27. Suschiy S.Ya. The Conflict-Prone Potential of the North Caucasus at the Turn of the 2020s: Factors and Major Trends. *Scientific Thought of Caucasus*. 2021;(1):72–78. Available at: <http://nmkav.ru/ru/archive/2021/1/konfliktogennyj-potentsial-severnogo-kavkaza-na-rubezhe-2020-kh-godov-faktory-i-osnovnye-trendy> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

28. Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D. Factor Analysis of the Dynamics of the Regional Situation in the North Caucasus in Terms of Human Capital. *Vlast'*. 2017;25(1):33–45. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4875> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
29. Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Risks in the North Caucasus: Potential or Real Escalation of the Ethnopolitical Situation. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2020;25(3):116–128. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10>
30. Avksent'ev V.A., Gritsenko G.D. Contradiction of Ethnopolitical Trends in the North Caucasus: Expert Evaluations. *Humanities of the South of Russia*. 2018;7(3):139–154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.11>
31. Butkevich S.A. Counter-Extremist Agenda in the Law-Making Paradigm of the North Caucasus Region. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2020;6(1):185–194. Available at: <http://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2020/12/Butkevich.pdf> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
32. Gadzhiev M.M. Features of the Interaction of Political, Ethnic and Religious Factors in the North Caucasus. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2021;(2):103–108. Available at: <https://kaspys.asu.edu.ru/archive/2021/issue/2/article/2020> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
33. Adiev A.Z. Ethnic Power-Sharing as a Factor of Socio-Political Stability in the North Caucasus. *Oikumena. Regional Researches*. 2018;(4):7–16. Available at: https://ojkum.ru/images/articles/2018-4/_2018_4_7-16.pdf (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
34. Zhuravlev D.A. Political Clans as Social Institutions. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2012;5:196–199. EDN: PCPLLZ
35. Avksentiev V.A. “A New Type District”: Regional Transformation and Dynamics of Ethno-Political Processes in the North Caucasus. *Society and Security Insights*. 2020;(2):41–54. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-02)
36. Aibatov M.M. Power and Society in the North-Caucasian Region: Historical-Legal Analysis. *Law Herald of DSU*. 2013;(3):9–14. Available at: <http://jurvestnik.dgu.ru/Stat/j2013-3-2.pdf> (accessed 13.04.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 03.11.2022; revised 10.01.2023; accepted 19.01.2023.

About the authors:

Viktor A. Avksent'ev, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0762-3529>, Researcher ID: J-4088-2018, Scopus ID: 26325389900, avksentiev@rambler.ru

Galina D. Gritsenko, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8281-7409>, Researcher ID: AAC-7640-2022, Scopus ID: 23975990100, dissovvet@rambler.ru

Contribution of the authors:

V. A. Avksent'ev – elaboration of the concept of the article; content analysis of doctrinal documents; analysis of empirical material; critical analysis and revision of the text.

G. D. Gritsenko – collection, systematization and analysis of empirical material; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 321.1:378.1

doi: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности

А. В. Соколов ✉

Е. А. Исаева

А. А. Фролов

Е. Д. Гребенко

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(г. Ярославль, Российская Федерация)*

✉ alex8119@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена главным образом необходимостью консолидации и солидаризации современного российского студенчества в интересах развития государства и общества, особенно в разрезе современной социальной, политической и экономической турбулентности текущего времени. Цель статьи – выявление потенциала солидаризации и консолидации студенчества через его вовлечение в деятельность студенческих организаций и объединений (на примере вузов консорциума университетов «Верхняя Волга – территория инноваций»).

Материалы и методы. Исследование базируется на двух теоретико-методологических подходах: теории коллективного действия и теории коллективной идентичности. Эмпирической основой исследования выступают массивы данных, полученные в ходе проведения серии из 12 фокус-групповых интервью среди студентов вузов консорциума университетов «Верхняя Волга – территория инноваций» и интервью экспертов, непосредственно взаимодействующих со студенчеством или прорабатывающих проблематику современного российского студенчества.

Результаты исследования. Выявлен значительный потенциал студенческих объединений для консолидации и солидаризации обучающихся посредством внеучебной активности. Определены дефициты, снижающие эффективность объединений в данном направлении, преодоление которых представляется актуальным в современной общественно-политической ситуации.

Обсуждение и заключение. Студенческие и молодежные объединения остаются важным институтом для консолидации и солидаризации российского студенчества. Они формируют не только ценностно-ориентационные установки, которые значительная часть молодежи может принимать и включать в концепцию собственного мировоззрения, но и способны организовывать различные формы активности для практической деятельности российского студенчества. Результаты исследования будут полезны для повышения эффективности работы молодежных общественных объединений со студенчеством, а также студенческих объединений в вузах, вовлечения молодежи в деятельность молодежных общественных организаций и консолидации российского студенчества в интересах развития страны.

© Соколов А. В., Исаева Е. А., Фролов А. А., Гребенко Е. Д., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: консолидация студенчества, солидаризация студенчества, студенчество, молодежь, университет, студенческое объединение, молодежная организация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР Ярославского государственного университета по проекту № FENZ-2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития страны».

Для цитирования: Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности / А. В. Соколов [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 459–476. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476>

Original article

Opportunities for Solidarity and Consolidation of Students on the Basis of University Student Associations in the Conditions of Modern Political Reality

A. V. Sokolov✉, E. A. Isaeva, A. A. Frolov, E. D. Grebenko
P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation)
✉ alex8119@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research is mainly due to the need to consolidate and solidarize the modern Russian students in the interests of the state and society development, especially in the context of the current social, political and economic turbulence of the current time. The purpose of the article is to identify the potential of solidarity and consolidation of students through their involvement in the activities of student organizations and associations (using the example of universities of the consortium of universities “Upper Volga – the Territory of innovation”).

Materials and Methods. The research is based on two theoretical and methodological approaches: the theory of collective action and the theory of collective identity. The empirical basis of the research is the data arrays obtained during a series of 12 focus group interviews among university students of the consortium of universities “Upper Volga – the Territory of innovation” and interviews with experts who directly interact with students or study the problems of modern Russian students.

Results. The study has revealed a significant potential of student associations for consolidation and solidarity of students through extracurricular activities. However, it also has made it possible to identify a number of deficits that reduce their effectiveness in this direction, the overcoming of which seems relevant in the modern social and political situation.

Discussion and Conclusion. Student and youth associations are an important institution for the consolidation and solidarization of Russian students. They form not only value-orientational attitudes, which a significant part of young people can accept and include in the concept of their own worldview, but are also able to organize various forms of activity for the practical activities of Russian students. The results of the study will be useful for improving the effectiveness of the work of youth public associations with students, as well as student associations in universities, involving young people in the activities of youth public organizations and consolidating Russian students in the interests of the country's development.

Keywords: students consolidation, students solidarization, students, youth, university, student associations, youth organizations

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the state task for the research of Yaroslavl State University under the project No. FENZ-2022-0001 “The potential of youth public organizations for the consolidation of Russian students in the interests of the country's development”.

For citation: Sokolov A.V., Isaeva E.A., Frolov A.A., Grebenko E.D. Opportunities for Solidarity and Consolidation of Students on the Basis of University Student Associations in the Conditions of Modern Political Reality. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):459–476. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476>

Введение. Современная российская молодежь является неотъемлемой частью социально-политических процессов России, а ее вовлечение в эти процессы способствует не только легитимизации решений органов власти, но и проработке механизмов совместного решения проблем современного общества с учетом интересов этой довольно большой и значимой социальной группы.

Сама по себе молодежь – достаточно неоднородная, дифференцированная группа, включающая множество подгрупп, разделенных не только по возрасту и другим демографическим критериям, но и по критериям определяющих их социальное положение в обществе. Одной из таких подгрупп является студенческая молодежь. Студенчество находится на важнейшем этапе социализации, где на базе учебных заведений у молодых людей формируются значимые ценностно-ориентационные установки, предопределяющие будущее мировоззрение и отношение к окружающей действительности.

Новая геополитическая и российская внутривластная ситуация демонстрируют актуальность консолидации гражданского общества в целом и его отдельных социальных групп в интересах развития страны. При этом наблюдаются риски разобщения, а нередко и противопоставления отдельных социальных групп друг другу, и более того – обособления отдельных групп от других в полном (или частичном) непринятии действий российского государства, выбираемых приоритетов развития. Как демонстрируют результаты социологических исследований, наиболее критически настроены представители молодежи, особенно обучающиеся в высших учебных заведениях (что, например, ярко видно на примере специальной военной операции¹).

Политические субъекты начинают использовать подобные настроения молодежи в своих узкогрупповых интересах. Это может серьезно подорвать устойчивость и потенциал развития политической системы России уже в ближайшей перспективе.

Несмотря на общую пассивность молодых людей, участие в деятельности молодежных объединений является наиболее распространенной формой социальной активности молодежи. В рамках учебных заведений подобными организациями выступают студенческие объединения и организации, например, различные формы союзов студентов, профкомы и другие профильные студенческие объединения. Главным образом они призваны консолидировать студенчество для принятия совместных решений через организацию самоуправления, что в свою очередь является логическим процессом социализации молодых людей, их подготовки к полноценному и сознательному гражданскому участию. Учебные заведения выступают в подобной схеме главными проводниками и ресурсными базами для реализации студенческих проектов и инициатив. Однако необходимо отметить, что сегодня существуют определенные проблемы в вовлечении студенчества

¹ Кузнецова Е. Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации. Женщины выступают против нее чаще мужчин [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f> (дата обращения: 05.01.2023).

в активность и организации современного студенческого самоуправления. Поэтому можно утверждать, что создание институтов и механизмов, позволяющих вовлечь молодежь в конструктивные формы гражданской активности и сотрудничества с властью в процессе решения социально значимых проблем, является ключевой задачей России на современном этапе. Молодежные общественные объединения могут выступить значимым субъектом социализации современной молодежи и консолидации ее в интересах развития страны. В связи с этим представляется актуальным изучение как самих молодежных общественных объединений, так и их деятельности.

Цель статьи – по материалам проведенного исследования определить потенциал солидаризации и консолидации студенчества через его вовлечение в деятельность студенческих организаций и объединений (на примере вузов консорциума университетов «Верхняя Волга – территория инноваций», созданного по инициативе Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова в рамках программы «Приоритет 2030»).

Обзор литературы. Важным феноменом, определяющим поведение и мировоззрение современной молодежи, является ее готовность к совместному коллективному действию, которое базируется на чувстве солидарности. При этом можно отметить, что в научном сообществе отсутствует единый подход к трактовке феномена солидарности.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, под солидарностью понимается деятельное сочувствие каким-либо мнениям или действиям, общность интересов, единодушие². В словаре американского наследия английского языка принцип солидарности определяется как единство интересов, целей или симпатий между членами группы [1].

Одно из направлений рассматривает солидарность как некую специфическую форму социального взаимодействия. Солидарность – это элемент человеческого общения, который подчеркивает сплоченную социальную связь, удерживающую отдельных людей или группу вместе [2]. В исследованиях часто отмечается, что солидарность также тесно связана с феноменом взаимной ответственности [3]. Так, П. Сорокин, представлял солидарность как позитивный модус взаимоотношений индивидов, предполагающий созвучность установок и поведения взаимодействующих участников, когда они помогают друг другу в достижении своих целей³. Иногда это мотивируется привязанностью и общими нормами и убеждениями, а иногда – рациональным выбором и личной заинтересованностью [4].

Усложнение структуры общества в XX в., растущий интерес к изучению аспектов поведения, мотивов участия разных социальных групп стимулировали изучение феномена социальной солидарности. Э. Дюркгейм утверждал, что сеть социальной солидарности представляет собой совокупность убеждений и чувств, которые являются общими для обычных членов общества. Гиддингс подчеркивал, что психологическая интерпретация социальной солидарности – это представление сознания индивида о добродетели или благодати [5]. Солидарность

² Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. [Электронный ресурс]. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/solidarnost/?q=742&n=204386> (дата обращения: 05.01.2023).

³ Ефременко Д. В. Введение к разделу // Социологический ежегодник, 2012: Сборник научных трудов. М. : ИНИОН РАН, 2013. С. 95–96.

подчеркивает сплоченные социальные связи, которые ценятся и понимаются всеми членами группы [6]. Многие концепции солидарности предполагают референтные группы, подразумевающие своего рода «членство» и ответственность за других [7]. В данных направлениях проблематикой становится вопрос возможного масштаба проявления социальной солидарности, среди которых выделяют: солидарность только на уровне малых групп; объединения больших социальных структур и локальных обществ; идея всеобщей/глобальной солидарности [8].

Солидарность включает в себя два компонента: индивидуальный и коллективный [2]. При этом в индивидуальных действиях присутствуют элементы доверия, альтруизма и взаимности. Коллективный компонент проявляется посредством объединения ресурсов, обмена информацией, пожертвований. Теория, демонстрирующая причины разнообразного коллективного поведения и раскрывающаяся через феномен солидарности, – теория коллективных действий. Она обнаруживает следующую закономерность: чем ниже субъективное восприятие своей группы в качестве существенно иерархизированной, тем больше вероятность проявления коллективных действий [9]. Солидарность представляет консенсус, симбиоз, коллективность, сплоченность, взаимозависимость и моральную интеграцию [2]. Коллективные идентичности особенно важны для солидарности, потому что они обозначают границы того, кто принадлежит к группе, а кто нет [10].

В общественных науках понятие солидарности раскрывается как качественная характеристика общности («солидарность группы»), как мотив социального действия, как ценностная ориентация личности, группы, общества [11]. Социализация рассматривается как чувство взаимной симпатии и ответственности между членами группы, которое способствует взаимной поддержке [12]. Так, С. Линденберг с коллегами выделили пять паттернов «солидарного поведения», которые определяют уровень солидарности, наблюдаемый в социальной группе: сотрудничество в решении социальных дилемм, справедливость в распределении ресурсов, поддержка других нуждающихся, избегание искушений нарушения и внимательность в аварийных ситуациях [13]. В рамках данных направлений солидарность рассматривается как элемент человеческого общения, который подчеркивает сплоченную социальную связь, удерживающую группу вместе, которая ценится и понимается всеми членами группы, и как общее обязательство в отношении социальных практик [14].

В тех случаях, когда отсутствует социальная солидарность, люди могут испытывать трудности с преодолением сбоев и сотрудничеством в реагировании на них [15]. Солидарность также может подорвать адаптивные реакции в тех случаях, когда потенциальная адаптация подрывает доминирующую или заметную коллективную идентичность в сообществе [16]. В связи с этим исследователи отмечают, что значимость феномена солидарности актуализируется в периоды кризисов, когда возрастают ожидания получения поддержки от других [2]. В связи с этим целесообразно рассматривать феномен вовлечения в совместную деятельность как фактор формирования солидарности. Мероприятия по вовлечению могут использоваться для инструментальных целей – для привлечения внимания сообщества, увеличения числа учащихся или обеспечения

бесперебойной исследовательской деятельности [17]. Вовлечение может также обеспечить достижение более важных целей, таких как проявление уважения или обеспечение чувства включенности, для решения назревших в обществе противоречий, выстраивания нового курса для органов власти и др.

Ряд исследователей отмечает ведущую роль в формировании мировоззрения молодежи образовательных учреждений различного уровня [18]. В частности, демонстрируется определяющая позиция педагога и педагогического сообщества в процессе формирования чувства солидарности у обучающихся [19]. При этом исследователи отмечают, что солидарность должна проявляться как в эмоциональной привязанности, так и в совместном действии [20]. Подчеркивается, что современным образовательным учреждениям уже недостаточно развивать только интеллект обучающихся, им необходимо также работать с гибкими навыками, формировать ценностный и мировоззренческий уровни, в том числе и чувство солидарности [21].

При этом классический образовательный процесс не в полной мере соответствует требованиям, позволяющим вовлекать обучающихся в практическую совместную коллективную деятельность. Это связано с его монологическим характером, а также низкой степенью адаптивности под особенности различных групп обучающихся. В связи с этим актуализируется потребность внедрения в образовательный процесс различных инновационных методик (например, проектного обучения, технологии *service learning*, геймификации процесса и др.) с учетом потребностей различных групп обучающихся [22].

Исследователи отмечают, что в учебных заведениях, где дисциплины по тематике гражданской активности включены в учебные программы и где поощряется участие в принятии решений и выражении мнений, обучающиеся лучше разбираются в гражданских вопросах [23], более внимательны к политическим вопросам и обладают повышенной способностью вносить вклад в гражданскую жизнь [24].

На примере проведенных исследований в 4 вузах консорциума университетов «Верхняя Волга – территория инноваций», созданного по инициативе Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова в рамках программы «Приоритет 2030», будут продемонстрированы основные мотивы участия в общественной деятельности на базе университетов и возможности солидаризации и консолидации студенческой молодежи на основе этой деятельности.

Материалы и методы. Исследование базируется на двух теоретико-методологических подходах: теории коллективного действия (объясняет причины и выявляет закономерности кооперации граждан для достижения коллективного блага) и теории коллективной идентичности (объясняет процессы формирования сообществ на основе формируемого чувства идентичности).

Эмпирические данные были собраны в ходе двух исследований:

1. Опрос экспертов, в котором приняли участие 17 респондентов из 7 субъектов Российской Федерации: 4 эксперта из Вологодской области, 3 – из Костромской, 3 – из Ярославской, 3 – из Владимирской, 2 – из г. Москвы, 1 – из Краснодарского края, 1 – из Алтайского края. Основной массив экспертов (13)

пришелся на регионы, представленные вузами консорциума «Верхняя Волга – территория инноваций» (Череповецкий государственный университет, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Костромской государственный университет, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых).

Общее направление профессиональной работы экспертов совпадает с практической реализацией деятельности в сфере молодежной политики и студенческого самоуправления, а также исследовательской деятельностью, затрагивающей проблематику современного российского студенчества и молодежи. В итоге в экспертном опросе участвовали:

- 10 представителей и работников подразделений вузов по молодежной политике и воспитательной работе;
- 4 представителя вузов, осуществляющих исследовательскую деятельность в поле проблематики, связанной с современным российским студенчеством и молодежью в целом;

- 3 представителя студенческих организаций вузов, включая руководителей.

2. 12 фокус-групповых интервью студенческой молодежи: по три в каждом из 4 университетов, указанных выше. По сформированным гайдам были опрошены следующие группы студенчества: руководители молодежных объединений, активисты студенческих объединений и не участвующие в деятельности сообществ студенты.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Результаты исследования. *Интерпретация понятий «солидарность» и «консолидация».* Большинство студентов воспринимают солидарность как процесс принятия иного мнения со стороны другого человека или другой социальной общности. Однако существуют некоторые уточнения трактовки понятия, свойственные каждой исследуемой группе. Так, руководители студенческих объединений понимают солидарность как групповой процесс принятия иных точек зрения и векторов развития, предложенных другими участниками общего взаимодействия, при этом солидаризация, по их мнению, происходит только внутри активной группы студенчества. Представители активной и неактивной групп студенчества склонны к трактовке солидарности как взаимопонимания и принятия каких-либо точек зрения на тот или иной социальный факт.

Абсолютное большинство участников всех групп студенчества сказали, что готовы солидаризироваться: для большинства главным объектом солидаризации, в первую очередь, является ближайшее окружение – друзья и родственники. При этом руководители и активисты студенческих организаций и объединений считают друзьями представителей их студенческих сообществ, в которых они работают и взаимодействуют. Другим объектом солидаризации для участников выступают индивиды и группы людей с похожим мировоззрением и взглядом на действительность. Важно отметить, что участники большинства групп студенчества заявили о неготовности к солидаризации с теми людьми, которые не имеют с ними общих точек соприкосновения в интерпретации ценностных установок и ориентиров.

Трактовка понятия «консолидация» вызывает у студентов некоторые затруднения. Так, определение понятию смогли дать, в основном, представители активного и неактивного студенчества. Большинство впервые услышали о нем только при проведении фокус-групп. В основном консолидация воспринимается как процесс объединения людей для достижения определенных целей. При этом прослеживается общее понимание консолидации у студентов как разового объединения людей для выполнения поставленных задач, а по их достижению смысл существования подобных объединений теряется.

Из-за сложности интерпретации понятия консолидации участники не могли предложить субъекта, с которым они смогли бы консолидироваться. Несмотря на это, респонденты заявили, что готовы к потенциальной консолидации с другими людьми для достижения конкретной цели, в которой заинтересованы все участники консолидированного объединения.

Готовность и потенциал консолидации студенчества на базе студенческих и молодежных организаций в интересах развития страны. У экспертов нет единого мнения относительно готовности современного студенчества к консолидации и солидаризации. Так, одна часть экспертов считает, что современное студенчество не готово к консолидации, так как высокая внутренняя дифференциация по ценностно-ориентационным установкам не позволяет на данный момент определить общие точки соприкосновения, на основе которых студенты смогли бы консолидироваться для решения совместных задач. При этом отмечается их общая способность к солидаризации в рамках общепринятых ценностей и норм, одобряемых большей частью молодежных групп. Другая часть экспертов утверждает, что студенчество способно как к солидаризации, так и к консолидации, хотя и отмечает, что все студенчество в подобные процессы вовлечь невозможно.

С необходимостью консолидации студенческих и молодежных групп в интересах развития страны согласны практически все эксперты. Большинство отмечает важность того, что подобная консолидация должна быть естественной, не навязанной, ведь в противном случае молодежь, как довольно личностно ориентированная группа населения, может не принять нормы и ценности, не отвечающие их запросам. Эксперты подчеркивают тот факт, что современная российская молодежь и студенчество, в частности, заинтересованы в преобразовании окружающей действительности и общества, но при этом не готовы массово участвовать в формализованных каналах взаимодействия, что затрудняет возможности для установления диалога между молодежью и властью.

Эксперты считают, что ценности, основанные на любви к Родине, чувстве патриотизма (с определенными особенностями восприятия среди молодежи) не теряют свою актуальность и могут быть основой для общей консолидации студенчества. При этом эксперты отмечают некоторый успех патриотических мероприятий, организованных студенческими сообществами, который выражался не только в принятии транслируемой повестки, но и сопровождался широким охватом аудитории. Ценности, основанные на оказании помощи другим, также могут способствовать консолидации. Так, на примере деятельности волонтерских

и добровольческих организаций экспертами отмечен высокий запрос среди молодежи и студенчества на участие в подобной деятельности.

Важно отметить, что эксперты обращают внимание на неэффективность действующих диалоговых институтов для совместного обсуждения и решения общественно-политических проблем, в том числе молодежных. Следовательно, развитие и модернизация механизмов вовлечения молодежи в совместные с органами власти решения может способствовать повышению уровня доверия к последним.

Взаимодействие студентов с университетом. В целом участники фокус-групп довольны характером взаимоотношений с университетами, образовательным процессом и средой. Однако были выделены значимые проблемные точки.

Практически все группы студентов акцентируют внимание на недостатках взаимодействия с университетом именно в учебной деятельности. Наиболее важной проблемой участники считают неравномерность распределения учебной нагрузки. Также студенты говорят, что в программе присутствуют предметы, которые не несут для них практической пользы в выбранном направлении обучения (например, занятия по физической культуре). При этом прослеживается определенный запрос на организацию практико-ориентированных дисциплин, которые смогли бы дать студентам возможность приобрести навыки и умения, необходимые в будущей профессиональной деятельности. Также некоторые отмечают, что постоянная переработка учебных планов негативно влияет на качество обучения и адаптацию студента к новым образовательным реалиям. Важным, по мнению участников исследования, является и выстраивание коммуникации с преподавателями и работниками университета. Представители всех групп студенчества отмечают, что между ними и преподавателями существует определенная дистанция, которая проявляется в процессе их учебного взаимодействия. У студентов присутствует запрос на то, чтобы преподаватели находились с ними на одном уровне коммуникационного взаимодействия, в том числе в неформальном общении.

Также достаточно большая доля респондентов отмечала, что университеты организуют образовательный процесс на достаточно устаревшем оборудовании, по устаревшей литературе, устаревшим форматам занятий.

Основной проблемой внеучебной активности во взаимодействии с университетом участники называют сложность получения материально-технической помощи со стороны руководства факультетов и вуза (аудитории, ресурсы для проведения мероприятий и т. д.).

Ценностно-ориентационные установки студентов по отношению к студенческим объединениям. Практически все группы студенчества заявили, что студенческие организации и объединения вызывают исключительно положительные эмоции. Участники студенческих объединений делают акцент на чувствах сопричастности, единения, а также внутреннего удовлетворения от реализации активностей и восхищения деятельностью объединений. Важно отметить, что руководители студенческих объединений понимают, что неактивных людей намного больше, чем активных, и сильного чувства разочарованности в неактивных студентах нет. При этом прослеживается определенное дистанцирование

представителей студенческого актива от неактивного большинства, в особенности это отмечают не вовлеченные в сообщества студенты.

В целом отношение к студенческим объединениям со стороны неактивного студенчества можно охарактеризовать как нейтрально-положительное. Они утверждают, что, несмотря на отсутствие непосредственного участия в деятельности студенческих организаций и объединений, им интересно наблюдать за работой и достижениями студенческого актива. Лишь некоторые студенты (меньшинство) заявляли о негативном отношении к студенческим объединениям, которое в большинстве случаев связано с их предыдущим личным опытом взаимодействия с последними.

Выделить основные идеи и ценности, которые привлекают в деятельности студенческих организаций, удалось только активным студентам и руководителям объединений. Для большинства значима возможность самореализации посредством участия в коллективе единомышленников, которые совместными усилиями преобразовывают окружающую действительность. Более личными ценностями для активистов является комфортность нахождения внутри социальной группы активных молодых людей. Участники отмечают, что школа не могла раскрыть потенциал и инициативы активистов, а в университете появилась возможность для подобной деятельности и быстрой социализации с активистами и объединениями. Представители студенческих объединений воспринимают внеучебную деятельность как основную (и более комфортную) – учебная деятельность становится «неизбежным злом». Особенно это заметно на фоне выраженных чувств счастья, комфортности и единения с «близкими по духу» людьми (активистами).

Характеристики активного и неактивного студенчества. Большинство экспертов отмечают, что студенты, участвующие в деятельности студенческих молодежных организаций, – это активные молодые люди, стремящиеся самореализоваться во внеучебной деятельности. Некоторые эксперты утверждают, что активная позиция молодых людей формируется еще во время обучения в школе, а в университете они продолжают участвовать в различных видах студенческого самоуправления и самодеятельности. Под активностью экспертами понимается именно готовность студента открыто и беспрепятственно вовлекаться в возможные форматы совместной деятельности, предложенные действующими студенческими организациями и объединениями.

Эксперты отмечают две группы мотивационных причин участия студентов в деятельности студенческих организаций: 1) возможность создания параллельной деятельности в рамках студенческих организаций с целью саморазвития, приобретения дополнительных навыков и умений, взаимодействия с близким по интересам окружением, а также участвовать и совместными усилиями реализовывать различные мероприятия; 2) материальные и иные положительные санкции за проявление активной позиции (стипендии, гранты, грамоты и сертификаты, возможность бесплатно или за частичную плату участвовать в выездных мероприятиях на территории другого региона или страны, встречи со статусными персонами и пр.).

Большинство экспертов при характеристике активного студенчества указывали, что неактивное студенчество обладает обратными характеристиками со

значительными различиями в мотивации участия. Так, главным образом, эксперты назвали студентов, не участвующих в деятельности студенческих объединений и организаций, не заинтересованных в этом участии по различным причинам. Большее количество экспертов уверены, что неактивные студенты заинтересованы в иных возможностях собственной самореализации – на работе, в учебном процессе, в других сферах самодеятельности, не связанных с университетом. Некоторые эксперты отметили, что неактивность у многих студентов связана с их личным взглядом на окружающую действительность.

В целом при оценке доли активного студенчества от количества всех студентов мнения экспертов, по большей части, сошлись. Так, долю «активного ядра» (те, кто не только состоит в студенческих организациях, но и постоянно вовлекаются во все мероприятия) эксперты оценили в 10 %. Еще 10 % студентов можно назвать активными по привлечению (не обязательно состоят в студенческих организациях, но могут вовлекаться в мероприятия). При этом оставшиеся 80 % эксперты солидарно не могут назвать полностью неактивными и считают их способными хотя бы к разовому и ситуативному вовлечению в мероприятия студенческих организаций и объединений. Определить долю действительно невовлекаемого студенчества эксперты затруднились (вероятно, из чувства солидарности официальной ориентации на необходимость вовлечения всех обучающихся).

Причины неучастия неактивного студенчества. Основными декларируемыми в ходе фокус-групп причинами неучастия студентов в деятельности студенческих организаций и объединений являются: сосредоточение на учебном процессе; текущая занятость по работе; отсутствие объединений и мероприятий, соответствующих их личностным интересам и запросам. В целом главной обобщающей причиной неучастия остается отсутствие свободного времени у студентов. Из локальных проблем участниками называются территориальная удаленность корпусов факультетов (институтов) друг от друга, что вызывает определенные сложности в присутствии на различных мероприятиях студенческих объединений. Необходимо также отметить, что большинство участников из неактивного студенчества акцентировали внимание на высоком приоритете личного времени, хотя не смогли раскрыть, какие активности они включают в него. Только некоторые студенты сказали, что занимаются самодеятельностью вне вуза и без помощи студенческих и молодежных организаций. Некоторые наиболее негативно настроенные к студенческим объединениям участники отмечают общую бесполезность мероприятий активистов. Также присутствуют настроения и желания сосредоточения на развитии личности без вовлечения в деятельность студенческих организаций и объединений.

Неактивные участники считают, что наличие большего количества событийных мероприятий и мероприятий, ориентированных на формирование профессиональных навыков и компетенций, в том числе на выбранную учебную специальность в вузе, могло бы способствовать их вовлечению в деятельность студенческих объединений.

Значимая группа студентов указала, что не вовлеклась в предлагаемые форматы и тематики внеучебной активности, так как не нашла в них ничего

интересного. Ими отмечалось, что предлагаемая активность является излишне традиционной и событийной. В то время как они хотели бы найти что-то более неформальное и соответствующее своим интересам (танцы, велосипедные занятия, киберспорт и т. д.).

Невовлеченные также отмечали, что университет не может обеспечить должную материально-техническую базу интересным для них мероприятиям, кружкам и объединениям. Студентов привлекли бы те мероприятия, в которых они видят статусность, востребованность другими, в том числе за счет участия в них авторитетных и популярных персон. Фактически их привлекает эксклюзивный и статусный формат узкогруппового общения, ориентированный на их узкие личные интересы.

Немаловажным указывается и возможность материального (стипендия, разовая выплата) и морального стимулирования (признание, грамоты, благодарности), которые могли бы способствовать их вовлечению в студенческую активность.

Вовлечение студентов в деятельность студенческих организаций и объединений и возможности повышения вовлеченности студенчества. В целом, по ответам представителей студенческих организаций и объединений можно выделить три основных механизма, по которым они попали в актив: первый – вовлекались через знакомых и других активистов (по личному приглашению); второй – вовлекались через разовое участие в мероприятиях объединений (понравился формат активности или имели какие-либо полезные навыки и умения); третий – вовлекались через собственную инициативу и интерес к деятельности конкретного объединения (когда рассказали про объединение и сами пришли в организацию).

Большинство участников-активистов отмечают, что были активистами и инициаторами в школьные годы, поэтому считали логичным продолжение активной деятельности и в студенчестве. Также некоторые имели специальные навыки, которые оказались полезными для студенческого актива (фотограф, звукорежиссер). Распространены и случаи, когда у студентов изначально не получалось влиться в актив, но затем они добились этого благодаря своим личным навыкам при реализации мероприятий объединений. В вузах, где присутствуют дисциплины по проектной деятельности, некоторые студенты вовлекались через воплощение собственного проекта в рамках учебного процесса (важно отметить, что это разовые случаи).

Для представителей студенческих организаций и объединений вовлечение друзей происходит посредством индивидуального подхода. В целом участники говорят, что предлагают друзьям поучаствовать в некоторых активностях объединений, но все же считают подобное вовлечение неэффективным. Некоторые студенты разграничивают дружбу (как сферу личных взаимоотношений) и активность в университете (как сферу общественной деятельности). При этом многие все же говорят, что обрели дружбу именно внутри студенческого актива. Наиболее ярко это проявляется у руководителей студенческих объединений, которые фокусируются в своих межличностных коммуникациях именно на своих коллегах и соратниках.

Главными же механизмами, которыми пользуются студенческие организации и объединения для вовлечения студентов, являются:

1) существующие организации и направления работы – через различные мероприятия они рассказывают про себя студентам первого курса (наиболее типичная ситуация – в ходе специально организуемых «вертушек» и «посвятов»), затем предоставляют весь возможный массив информации о внеучебной деятельности в университете, далее ждут инициативных студентов, которые придут к ним в объединение;

2) различные представители студенческого актива – они выступают кураторами для первокурсников и помогают им сориентироваться в выборе форматов внеучебной деятельности в вузе.

Указанные механизмы могут использоваться совместно, но представители студенческих объединений отмечают, что они направлены на вовлечение именно первокурсников. Механизмов вовлечения со стороны объединений для студентов старших курсов не выделено, что подтверждают как активные, так и неактивные студенты.

Мнение экспертов, принявших участие в исследовании, разделилось в вопросе о возможностях повышения вовлеченности студентов. Некоторые эксперты считают, что нет необходимости каким-либо образом влиять на процессы вовлечения, которые существуют на данный момент, так как вовлечь всех в итоге не получится. Создать максимально комфортные условия для вовлечения также невозможно ввиду внутреннего различия молодежных и студенческих групп. Другие же считают, что необходимо прорабатывать мотивационные установки участия. Причем они должны затрагивать максимально широкие группы студенчества и молодежи. Какими конкретно должны быть эти установки эксперты не назвали, так как им сложно определить все возможные сферы интересов современной молодежи и студенчества.

Тем не менее возможность вовлечения современного студенчества в гражданскую активность экспертами определена однозначно, но механизмы вовлечения в полной мере не сформированы. Ряд экспертов отмечает общую незаинтересованность современной российской молодежи в гражданской и политической деятельности, что является главным препятствием к ее вовлечению. Однако некоторые эксперты считают, что формирование единых идеологических и ценностно-ориентационных основ должно способствовать повышению заинтересованности современной молодежи к консолидирующим формам взаимодействия.

Работа студенческих объединений в условиях спецоперации. Большинство представителей студенческих сообществ заявили, что не видят значительных изменений в структуре работы студенческих организаций после начала специальной военной операции. Некоторые участники отметили только определенные перемены в транслируемой информации и запросе на организацию мероприятий, связанных с патриотической тематикой со стороны руководства университетов. Также в условиях санкционной политики студенческие сообщества практически перестали взаимодействовать со студенческими организациями из других стран.

Большинство экспертов не считают, что общественно-политические вопросы и проблемы широко обсуждаются среди членов студенческих организаций, так как, несмотря на общие ценностные совпадения в рамках одного сообщества, политические взгляды участников могут отличаться. Поэтому обсуждение политики

и состояния общества, особенно на фоне сложной общественно-политической обстановки в мире, может привести к конфликту в группе. Можно сказать, что студенческие сообщества не готовы открыто обсуждать (как в положительном, так и в негативном ключе) политическую повестку, в том числе связанную со спецоперацией. Навязывание политических тематик «сверху» (от вуза) или снизу (от лидеров сообществ) воспринимается в негативно-нейтральной форме, данные инициативы остаются, как правило, максимально незамеченными или проигнорированными со стороны студентов.

Обсуждение и заключение. Студенческие объединения вовлекают в свою работу лишь незначительную часть обучающихся. Отсутствие гибких механизмов вовлечения не способствует массовому привлечению студентов в деятельность студенческих организаций и объединений. Фокус-группы показали, что в молодежные студенческие объединения на системной основе приходит незначительное количество обучающихся. Как правило, на первых курсах студентам обозначается линейка активностей вуза, но потом информация теряется и ее не всегда можно найти. Нет системного вовлечения, при этом некоторые неучаствующие в работе молодежных объединений студенты готовы были бы участвовать, если бы их системно приглашали и они бы знали, где заранее получить информацию об активностях. Также важным фактором является наличие мотивационных элементов (поездки в лагерь, участие в интересных мероприятиях и пр.), но на них отбирают уже зарекомендовавших себя студентов, новичкам сложно пробиться, войти в круг успешных и поощряемых. Одна из важных декларируемых причин неучастия во внеучебной деятельности – это боязнь стать неуспевающим по учебе. Поэтому важно встраивать социально значимую деятельность в образовательный процесс. Тем самым будут формироваться конкретные профессиональные знания, умения и навыки, а также социально значимый эффект для территории и социума.

Во взаимодействии с университетом студентов смущает излишний консерватизм преподавателей и сотрудников. Студенты ожидают более равной и оперативной коммуникации, признания себя в качестве значимого субъекта образовательной деятельности. В плане учебной жизни основной проблемой студентов является незаинтересованность в непрофильных предметах (при этом часть предметов, являющихся формально профильными, по мнению студентов, преподаются в «старых» / «не интересных» форматах). Также не интересны форматы «начитывания» лекций, без практико-ориентированных занятий. Это актуализирует более четкую демонстрацию полезности всех дисциплин учебного плана для формирования профессиональной личности.

Личная мотивация, личная выгода – это то, что стимулирует вовлечение студентов в объединения (замена семьи, поиск новых друзей, досуг, приобщение к успеху и др.). Каждый из активных студентов выделил для себя мотивирующие к участию в молодежных объединениях факторы, которые имели общие черты. Для одних студентов включение в студенческую активность послужило логичным переходом после такой же бурной школьной общественной жизни, для других – абсолютно новым открытием, особенно для тех, кто переехал из отдаленных небольших населенных пунктов, для третьих – механизмом формирования нового

круга общения, новых интересов, базой для личных достижений. Студенты чувствуют возможность социального лифта через общественную активность, возможность продвижения и гордость за успехи во внеурочной деятельности.

Не участвующие в работе молодежных объединений студенты отмечали, что для них был бы интересен формат совмещения активности с будущими профессиональными интересами, но таких форматов они не видят. Расширение линейки активностей молодежных объединений позволит стимулировать позитивную гражданскую активность большего числа студентов.

При этом было выявлено, что невовлеченные во внеучебную активность студенты более критически настроены по отношению к университету, учебному процессу, получаемым знаниям. Чем большая степень вовлеченности во внеучебную деятельность наблюдается у респондентов, тем более теплыми словами ее характеризуют и тем более она значима по сравнению с учебой. Чем большая степень вовлеченности во внеучебную деятельность наблюдается у респондентов, тем больший ее вклад декларируется респондентами в развитие их профессиональных навыков (в первую очередь, soft skills).

Таким образом, исследование демонстрирует значительный потенциал студенческих объединений для консолидации и солидаризации обучающихся посредством внеучебной активности. Однако оно также позволило выявить целый ряд дефицитов, снижающих их эффективность в данном направлении, преодоление которых представляется актуальным в современной общественно-политической ситуации.

Аналогию можно провести и со взаимоотношениями государства и студенческих объединений, где, на наш взгляд, установление взаимодействия, взаимопонимания крайне важно. Возможность выстраивания конструктивных отношений, в том числе через вовлечение молодежных объединений в конструктивную гражданскую активность, возможность формирования для молодежного обсуждения актуальной повестки помогут государству понимать настроения студенчества, канализировать потенциал гражданского участия. Для успешного и устойчивого развития государства важен потенциал молодежи; исключение наиболее активного слоя населения из государственной повестки, на наш взгляд, приводит и к дистанцированию государства и студенческих формирований.

Таким образом, результаты исследования будут полезны для повышения эффективности работы молодежных общественных объединений со студенчеством, а также студенческих объединений в вузах, вовлечения молодежи в деятельность молодежных общественных организаций и консолидации российского студенчества в интересах развития страны. Выводы являются значимыми для органов молодежной политики, так как позволяют соотнести текущую деятельность в отношении образовательных учреждений и стимулированию деятельности общественных объединений на их базе. Они могут быть использованы при формировании новых приоритетных для Российской Федерации направлений вовлечения академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики по вопросам государственности

и ценностных ориентиров российского общества, в частности в новом курсе по основам российской государственности.

Перспективными видятся дальнейшие исследования причин уклонения студентов от вовлечения в более активную учебную и внеучебную деятельность, а также выявление установок студенчества относительно своей роли и возможностей в современном российском государстве, оценке потенциала вовлечения студенчества в конструктивные формы гражданской активности в интересах развития страны на региональном и федеральном уровнях.

REFERENCES

1. Raufelder D., Bukowski W.M., Mohr S. Thick Description of the Teacher Student Relationship in the Educational Context of School: Results of an Ethnographic Field Study. *Journal of Education and Training Studies*. 2013;1(2):1–18. <https://doi.org/10.11114/jets.v1i2.108>
2. Igwe P.A., Ochianwata C., Ochianwata N., Adeyeye J.O., Ikpok I.M., Nwakpu S.E., et al. Solidarity and Social Behaviour: How did this Help Communities to Manage COVID-19 Pandemic? *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2020;40(9/10):1183–1200. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-07-2020-0276>
3. Buzek J., Surdej A. Paradigm Lost, Paradigm Rediscovered? Prospects for the Development of Solidarity-Oriented Economy in Post-Communist Poland. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2012;32(1/2):56–69. <https://doi.org/10.1108/01443331211201761>
4. Covi G. Europe's Crisis: Reconsidering Solidarity with Leela Gandhi and Judith Butler. *Synthesis: An Anglophone Journal of Comparative Literary Studies*. 2016;(9):147–57. <https://doi.org/10.12681/syn.16231>
5. Okatov A.V. Problem of Social Solidarity in Classical Sociology. *Tambov University Review. Series Social Sciences*. 2017;3(1):57–65. Available at: <http://journals.tsutmb.ru/a8/upload/upload--2017-12-12/pdf.dd27fd7a6ec88512d147b51013b11dde.pdf> (accessed 05.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Rehg W. Solidarity and the Common Good: An Analytic Framework. *Journal of Social Philosophy*. 2007;38(1):7–21. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9833.2007.00363.x>
7. Fotaki M. Solidarity in Crisis? Community Responses to Refugees and Forced Migrants in the Greek Islands. *Organization*. 2022;29(2):295–323. <https://doi.org/10.1177/13505084211051048>
8. Kuzmenko I.S. To a Question of Social Solidarity: General Review of a Problem. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2017;(2):223–226. Available at: <http://libkrumvd.ru/museum/files/vestnik/v-2017-2-2.pdf> (accessed 09.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Postmes T., Branscombe N.R., Spears R., Young H. Comparative Processes in Personal and Group Judgments: Resolving the Discrepancy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999;76(2):320–338. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.2.320>
10. Gamson J. Messages of Exclusion: Gender, Movements, and Symbolic Boundaries. *Gender and Society*. 1997;11(2):178–99. <https://doi.org/10.1177/089124397011002003>
11. Chervjakov A.A. Solidarity Culture as Phenomenon of Global Culture. *Science. Innovations. Technologies*. 2007;(50):269–276. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-solidarnosti-kak-fenomen-globalnoy-kultury> (accessed 09.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Wilde L. The Concept of Solidarity: Emerging from the Theoretical Shadows? *The British Journal of Politics and International Relations*. 2007;9(1):171–181. <https://doi.org/10.1111/j.1467-856x.2007.00275.x>
13. Bianchi F., Flache A., Squazzoni F. Solidarity in Collaboration Networks when Everyone Competes for the Strongest Partner: A Stochastic Actor-Based Simulation Model. *The Journal of Mathematical Sociology*. 2020;44(4):249–266. <https://doi.org/10.1080/0022250X.2019.1704284>
14. Adair S. Status and Solidarity: A Reformulation of Early Durkheimian Theory. *Sociological Enquiry*. 2008;78(1):97–120. <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.2008.00223.x>
15. Leap B., Thompson D. Social Solidarity, Collective Identity, Resilient Communities: Two Case Studies from the Rural U.S. and Uruguay. *Social Sciences*. 2018;7(12):250. <https://doi.org/10.3390/socsci7120250>

16. Messer C.M., Shriver T.E., Adams A.E. Collective Identity and Memory: A Comparative Analysis of Community Response to Environmental Hazards. *Rural Sociology*. 2015;80(3):314–339. <https://doi.org/10.1111/ruso.12069>
17. Reynolds L., Sariola S. The Ethics and Politics of Community Engagement in Global Health Research. *Critical Public Health*. 2018;28(3):257–268. <https://doi.org/10.1080/09581596.2018.1449598>
18. Bayram Özdemir S., Stattin H., Özdemir M. Youth's Initiations of Civic and Political Discussions in Class: Do Youth's Perceptions of Teachers' Behaviors Matter and Why? *Journal of Youth and Adolescence*. 2016;45(11):2233–2245. <https://doi.org/10.1007/s10964-016-0525-z>
19. Boucher M.L. More than an Ally: A Successful White Teacher Who Builds Solidarity with His African American Students. *Urban Education*. 2016;51(1):82–107. <https://doi.org/10.1177/0042085914542982>
20. Crisp G., Baker V.L., Griffin K.A., Lunsford L.G., Pifer M.J. Mentoring Undergraduate Students. *ASHE Higher Education Report*. 2017;43(1):7–103. <https://doi.org/10.1002/aehe.20117>
21. Mufatakhah L., Rejkiningsih T., Triyanto. Improving Student's Social Solidarity Value Awareness through Learning Community-Based Mentoring. *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*. 2019;8(5C):373–378. <https://doi.org/10.35940/ijeat.E1053.0585C19>
22. Cate R., Russ-Eft D. Expanding Circles of Solidarity: A Comparative Analysis of Latin American Community Social Justice Project Narratives. *Power and Education*. 2020;12(1):55–77. <https://doi.org/10.1177/1757743819871320>
23. Barber C., Torney-Purta J., Wilkenfeld B., Ross J. Immigrant and Native-Born Adolescents' Civic Knowledge and Attitudes in Sweden and the United States: Emergent Citizenship within Developmental Niches. *Research in Comparative and International Education*. 2015;10(1):23–47. <https://doi.org/10.1177/1745499914567818>
24. Pasek J., Feldman L., Romer D., Jamieson K.H. Schools as Incubators of Democratic Participation: Building Long-Term Political Efficacy with Civic Education. *Applied Development Science*. 2008;12(1):26–37. <https://doi.org/10.1080/10888690801910526>

Поступила 09.01.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 22.03.2023.
Submitted 09.01.2023; revised 13.03.2023; accepted 22.03.2023.

Об авторах:

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>, alex8119@mail.ru

Исаева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7001-6161>, elenia2000@mail.ru

Фролов Александр Альбертович, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8775-016X>, a.a.froloff@gmail.com

Гребенко Егор Дмитриевич, ассистент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9978-077X>, grebenkoegor76@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

А. В. Соколов – формулирование проблемы; разработка теоретической концепции; анализ литературы по проблеме исследования; критический анализ и доработка текста; формулирование выводов и результатов исследования.

Е. А. Исаева – анализ литературы по проблеме исследования; доработка текста статьи; формулирование выводов.

А. А. Фролов – разработка основной концепции статьи; анализ литературы по проблеме исследования; доработка текста статьи; формулирование выводов.

Е. Д. Гребенко – обработка данных; подготовка текста статьи, графических результатов исследования; формулирование выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Alexander V. Sokolov, Dr. Sci. (Polit.), Head of Department, Department of Social and Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University (14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>, alex8119@mail.ru

Elena A. Isaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Social and Family Legislation of the Faculty of Law, P. G. Demidov Yaroslavl State University (14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7001-6161>, elenia2000@mail.ru

Alexander A. Frolov, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Department of Social and Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University (14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8775-016X>, a.a.froloff@gmail.com

Egor D. Grebenko, Assistant, Department of Social and Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University (14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9978-077X>, grebenkoegor76@gmail.com

Contribution of the authors:

A. V. Sokolov – formulation of the paper's problem; creation of a theoretical concept; analysis of the literature on the research problem; critical analysis and revision of the paper's text; formulation of conclusions and research results.

E. A. Isaeva – analysis of the literature on the research problem; revision of the text of the article; formulation of conclusions.

A. A. Frolov – creation of the main concept of the article; analysis of the literature on the research problem; revision of the paper's text; formulation of conclusions.

E. D. Grebenko – data processing; preparation of the paper's text, graphic results of the study; formulation of conclusions.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ
ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT
OF NATIONAL ECONOMY**

УДК 332.1

doi: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

**Модельное представление регулируемой дифференциации
региональных социально-экономических систем****В. В. Глинский** ✉**Л. К. Серга****М. А. Алексеев**

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск, Российская Федерация),
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ»
(г. Новосибирск, Российская Федерация)*
✉ s444@ngs.ru

Аннотация

Введение. В соответствии с законом дифференциации неравномерное развитие элементов системы ведет к ее неоднородности и выступает необходимой предпосылкой процесса эволюции. Ослабляя связи между элементами системы, дифференциация инициирует нарушения в протекании координационных процессов. Преодолеть объективно существующее в организации социально-экономических систем противоречие между координацией и дифференциацией можно путем управления процессом дифференциации элементов системы. Цель статьи – по материалам проведенного исследования построить экономико-математическую модель регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем, позволяющую установить условия и ограничения равновесных траекторий их функционирования, а также определить параметры дифференциации, стимулирующей экономический рост.

Материалы и методы. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о влиянии внутритерриториальной дифференциации на рост экономики и социально-экономическое развитие региона. Предложен и реализован методологический подход, основанный на представлении модели неравномерности развития территорий в сопоставлении с динамическими характеристиками их экономического развития и предполагающий изучение свойств нелинейных автономных динамических систем. Модель представлена в виде системы дифференциальных уравнений в пространстве значений децильного коэффициента дифференциации и среднедушевого валового регионального продукта.

Результаты исследования. Проведенные расчеты на статистических данных по субъектам Федерации за 2 года эмпирически подтвердили выдвинутую гипотезу о влиянии внутритерриториальной дифференциации на экономическое развитие субъектов Федерации. Полученные результаты дополняют теоретические представления о стимулирующих эффектах неравномерности территориального развития и подтверждают непротиворечивость положений концепции регулируемой дифференциации социально-экономического развития территорий.

© Глинский В. В., Серга Л. К., Алексеев М. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования могут применяться при построении динамической экономико-математической модели регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем (субъектов Российской Федерации, страны в целом), которая позволяет определить параметры дифференциации, стимулирующей экономический рост, а также при разработке на ее основе нормативных стратегий территориального развития.

Ключевые слова: неравномерное развитие, концепция регулируемой дифференциации, стимулирующий уровень дифференциации, экономический рост, устойчивое развитие

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00629 «Методология построения Экологического барометра на основе технологий искусственного интеллекта» (<https://rscf.ru/project/22-28-00629/>).

Для цитирования: Глинский В. В., Серга Л. К., Алексеев М. А. Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 477–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>

Original article

Model Representation of Adjustable Differentiation of Regional Socio-Economic Systems

V. V. Glinskiy ✉, L. K. Serga, M. A. Alekseev

*Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation),
Novosibirsk State University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russian Federation)*

✉ s444@ngs.ru

Abstract

Introduction. According to the law of differentiation, the uneven development of the elements of the system leads to its heterogeneity and is a necessary precondition for the process of evolution. By weakening the links between the elements of the system, differentiation initiates disturbances during coordination processes. The objectively existing contradiction in the organization of socio-economic systems between coordination and differentiation can be overcome by managing the process of differentiation of the elements of the system. The aim of the study is to build an economic and mathematical model of regulated differentiation of regional socio-economic systems (subjects of the Russian Federation, the country as a whole), allowing to establish the conditions and limitations of equilibrium trajectories of their functioning, as well as to determine the parameters of differentiation that stimulates economic growth.

Materials and Methods. The hypothesis of the study is an assumption about the influence of intra-territorial differentiation on economic growth and socio-economic development of the region. The methodological approach based on the representation of the model of uneven development of territories in comparison with the dynamic characteristics of their economic development is proposed and implemented. The approach is based on the study of the properties of nonlinear autonomous dynamic systems. The model is presented in the form of a system of differential equations in the space of values of the decile coefficient of differentiation and gross regional product per capita.

Results. The calculations carried out on statistical data for the constituent entities of the Russian Federation for 2 years empirically confirmed the hypothesis put forward about the impact of intra-territorial differentiation on the economic development of the constituent entities of the Russian Federation. The results obtained complement the theoretical ideas about the stimulating effects of uneven territorial development and confirm the consistency of the provisions of the concept of regulated differentiation of socio-economic development of territories.

Discussion and Conclusion. The scope of application of the research results consists in the possibility of building a dynamic economic-mathematical model of regulated differentiation of regional socio-economic systems (subjects of the Russian Federation, the country as a whole), allowing to determine the parameters of differentiation that stimulates economic growth, and the development on its basis of normative strategies for territorial development.

Keywords: Uneven development, concept of regulated differentiation, “stimulating” level of differentiation, economic growth, sustainable development

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00629 “Methodology for constructing the Ecological Barometer based on artificial intelligence technologies” (<https://rscf.ru/project/22-28-00629/>).

For citation: Glinskiy V.V., Serga L.K., Alekseev M.A. Model Representation of Adjustable Differentiation of Regional Socio-Economic Systems. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):477–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>

Введение. Эволюция любой системы, в том числе социально-экономической, возможна только при наличии различий в развитии ее компонентов. В конце XIX в. Г. Спенсер предложил подход к представлению эволюции как дихотомии процессов интеграции и дифференциации: «Эволюция в первичном своем виде – переход из менее связной формы в более связную, производимый рассеянием движения, и интеграцию материи, – это истина, но не полная истина. Вместе с переходом от бессвязности к связности идет переход из однообразия в разнообразие. ... Вся масса интегрируется и одновременно с тем дифференцируется от других масс; и каждая из ее частей также интегрируется и одновременно с тем дифференцируется от других частей»¹.

Закон дифференциации требует разложения исходного целого на его особые элементы как необходимого условия для запуска и усиления эволюционного процесса. Дифференциация ослабляет связи между этими элементами, вызывая нарушения координационных процессов системы, что приводит к неэффективному функционированию, плохой адаптивности, самоорганизации и, в итоге, проявляется в разрушении системы².

Переноса законы эволюции на развитие социально-экономических систем, академик А. Г. Гранберг в середине 1990-х гг. сформулировал рамочные условия научной проблемы функционирования региональных экономических систем: «Остановлюсь на главных, на мой взгляд, современных трансформационных тенденциях, имеющих место в российском экономическом пространстве. К ним относятся: продолжающееся усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации (неоднородности); дезинтеграционные и интеграционные процессы; переход от экономического спада к экономическому росту»³.

Разделение национальной экономики на пространственные социально-экономические системы, отличающиеся неоднородностью и неравномерностью развития, принято называть территориальной дифференциацией.

Неоднородность и неравномерность развития экономического пространства страны является следствием слишком большой дифференциации внутри ее

¹ Спенсер Г. Основные начала / пер. с англ. СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1897.

² Bertalanffy L. von. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. Penguin University Books, 2003. 289 p.; Богданов А. А. *Тектология: Всеобщая организационная наука / сост., предисл. и комм. Г. Д. Гловели, послесловие В. В. Попкова*. М. : Финансы, 2003; Williamson O. *Transaction Cost Economics: How it Works; Where it is Headed* // *De Economist*. 1998. Vol. 146, issue 1. Pp. 23–58.

³ Гранберг А. Г. К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга: Ученый, Учитель, Человек / под ред. чл.-корр. РАН В. И. Сулова, д. э. н. С. А. Суспицына. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2016. С. 103.

субъектов (внутритерриториальной дифференциации). Под внутритерриториальной дифференциацией понимается неравномерность социально-экономического развития территориальных единиц одного уровня внутри изучаемой социально-экономической системы (страны, региона и т. д.) [1].

В основе анализа внутритерриториальной дифференциации лежит взаимосвязка двух процессов: внутритерриториальная дифференциация, с одной стороны, отражает увеличение разрыва между наиболее и наименее развитыми муниципальными образованиями внутри субъектов Федерации, с другой – влияет на экономическое развитие всей территории, стимулируя рост или ведя к застою.

В отличие от исследований А. Г. Гранберга, который делал упор на межрегиональную дифференциацию, утверждая, что «усиление межрегиональной дифференциации сопровождается расширением территорий особой депрессивности, отсталости, бедности»⁴, представленное исследование не просто рассматривает неравномерность развития регионов, а переводит изучение названных проблем на внутрирегиональный уровень, выделяя внутритерриториальную дифференциацию в специализированный фактор, обуславливающий развитие всего региона.

Определенный уровень территориальной дифференциации социально-экономических систем полезен вследствие создания своего рода пространственной конкуренции, способствующей общему развитию. Однако усиление региональных различий создает проблему для эффективной государственной политики в плане координации социально-экономического развития субъектов страны и приближения их характеристик к уровню более развитых регионов, так как в результате оттока капитала и трудоспособного населения из бедных регионов в более богатые возрастает риск региональных кризисов и межрегиональных конфликтов. Дифференциация в данном случае выступает препятствием для развития, и следовательно, ее необходимо уменьшать.

Таким образом, в организации территориальной системы и связанных с ней социально-экономических процессов наблюдается объективно существующее противоречие между координацией и дифференциацией.

С позиций указанного противоречия доминирующая в настоящее время методология анализа дифференциации социально-экономического развития регионов носит преимущественно фрагментарный характер. Внимание уделяется проблемам диспропорций территориальной организации, дисбалансу развития социально-экономических систем и эффектам дестимулирующего влияния дифференциации на экономический рост. Большинство исследований в практической плоскости сконцентрировано на разработке механизмов противодействия негативным эффектам чрезмерной дифференциации путем сглаживания территориальных различий. При этом научный консенсус в понимании допустимого (равновесного, эффективного) уровня территориальной дифференциации не достигнут. Как следствие, возникает угроза того, что преимущественная ориентация на выравнивание социально-экономического состояния территорий выступит искусственно сформированным ограничителем экономического роста.

⁴ Гранберг А. Г. К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга... С. 103.

На снятие указанного выше противоречия и решение вызванных им проблем направлена введенная и апробированная авторами концепция регулируемой дифференциации социально-экономических систем.

Цель статьи – на основе проведенного исследования построить экономико-математическую модель регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем, которая позволит установить условия и ограничения равновесных траекторий функционирования социально-экономических систем, а также согласовать параметры экономического роста.

Обзор литературы. Теоретической основой многих современных исследований региональной неравномерности развития являются положения теории размещения производительных сил, истоки зарождения которой ведут к древним философам – Аристотелю и Платону. Исследованием проблем пространственного развития экономики основательно начали заниматься в XVIII в. Р. Кантильон, Дж. Стюарт, А. Смит, Д. Рикардо⁵, в XIX в. – И. Г. фон Тюнен, В. Лаунхардт, А. Вебер, Т. Паландер⁶ [2; 3]. С начала XX в. экономисты В. Кристеллер и А. Лёш в рамках системного подхода сосредоточили внимание на оптимальном размещении населенных пунктов, регионов и отраслей промышленности, на описании основных принципов теории пространственного экономического равновесия⁷. Во второй половине XX в. на базе исследований У. Изарда⁸ по адаптации методов макроэкономического анализа и положений теории размещения производительных сил к изучению регионов и межрегиональных отношений сформировалась «региональная наука».

Над проблемами размещения производительных сил и региональной науки работали и многие отечественные исследователи. Наиболее изученными направлениями были проблемы экономического районирования, формирования региональных хозяйственных комплексов и планирования территориального развития. К концу XX в. видное место заняло изучение неравномерности регионального развития. В связи с этим возникла необходимость разработки эконометрических инструментов для оценки региональных асимметрий и их влияния на возникновение диспропорций в социально-экономическом положении жителей разных регионов.

Анализ научной литературы последних двух десятилетий по вопросам региональной дифференциации свидетельствует о том, что большинство работ в основном включают варианты решения проблемы типизации регионов по уровням социально-экономического развития. Так, С. Г. Бычкова, О. А. Хохлова в качестве вариантов типологии регионов используют как отдельные показатели (например, валовой региональный продукт, доходы населения), так и системы показателей, характеризующих один или несколько аспектов социально-экономического развития⁹ [4].

⁵ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ. М. : Дело Лтд, 1994. 720 с.

⁶ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.; Тюнен И. Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике / пер. с нем. Т. I. М. : Экономическая жизнь, 1926. 219 с.

⁷ Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Jena : Gustav Fischer, 1933; Лёш А. Пространственная организация хозяйства / пер. с нем. М. : Наука, 2007. 663 с.

⁸ Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / пер. с англ. В. М. Хомана, Ю. Г. Липеца, С. Н. Тагера. М. : Прогресс, 1966. 660 с.

⁹ Бычкова С. Г. Статистическое исследование дифференциации регионов Российской Федерации по уровню жизни населения : моногр. М. : ГУУ, 2005. 271 с.

Для проведения типологии регионов С. Г. Бычкова в своей работе применяет методы многомерной классификации, такие как кластерный анализ, дискриминантный анализ¹⁰, Ю. С. Зайцева – факторный и компонентный анализ и др. [5]. Достаточно часто исследователями (например, А. И. Костяевым¹¹, В. А. Кривошей [6]) предлагается использовать методику анализа коэффициентов вариации отдельных показателей социально-экономического развития регионов.

Во многих случаях эти исследования направлены на решение прикладных задач, поэтому обобщенные показатели, непосредственно характеризующие уровень дифференциации и ее пороговые значения, не используются. Решение данных вопросов заложило основу наших исследований [7].

Вопросам расчета показателей неравенства (коэффициента Джини, индексов Тейла, Аткинсона, Херфиналя – Хиршмана, Гувера, децильного коэффициента дифференциации и др.) в экономико-статистических исследованиях для измерения неравномерности развития (дифференциации, асимметрии, неравенства различий и т. п.) посвящены работы К. П. Глушенко [8], В. В. Глинского, Л. К. Серга, А. М. Булкиной [1], Л. С. Архиповой, Г. Ю. Гагариной [9], М. Ю. Малкиной [10], В. Г. Теслина [11], Б. Л. Лавровского [12].

В исследовании А. Н. Буфетовой, Е. А. Коломак, направленном на «получение количественных оценок национальной неоднородности в регионах России, используются индексы фракционализации и поляризации с учетом лингвистической дистанции между группами». Показано также, «что в условиях относительно стабильной институциональной среды в стране национальная неоднородность усиливает положительные эффекты экономического развития, при этом потенциал негативных эффектов, заложенных в поляризованном обществе, не развивается» [13, с. 130].

Изучению проблемы дифференциации социально-экономических систем, отдельных ее составляющих и аспектов, ее дестимулирующего влияния на экономическое развитие посвящены работы К. П. Глушенко [8], Б. Л. Лавровского [12], А. Н. Буфетовой, Е. А. Коломак [13], С. В. Баранова, Т. П. Скуфьиной [14], Ю. С. Зайцевой [5], М. В. Морозкиной [15], Е. Н. Катаева, Е. А. Погодиной [16] и других ученых.

В ряде публикаций предложены модели математического описания процессов формирования трендов роста и спада, а также их совместного проявления, причем в разновременной проекции¹² [17], а также модель функционирования экономических субъектов в пространстве «доходность – ликвидность» [18]. В основе данных моделей лежит решение дифференциальных уравнений, направленных на представление как позитивных, так и негативных воздействий информационных процессов на экономические системы. В. Н. Борисов, О. В. Почукаева в своей статье [19] предлагают метод исследования, находящийся в определенной

¹⁰ Бычкова С. Г. Статистическое исследование дифференциации регионов Российской Федерации по уровню жизни населения.

¹¹ Костяев А. И. Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: вопросы методологии и теории : моногр. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2006. 240 с.

¹² Model of Formation of Destructive Horizontal Processes and Counteraction to Them / V. Minakov [et al.] // CEUR WORKSHOP PROCEEDINGS, Selected Papers of XI International Scientific and Technical Conference on Secure Information Technologies (BIT 2021). CEUR Workshop Proceedings, 2021. Pp. 125–132.

логической связи с предыдущим и оценивающий влияние инвестиций на динамику конкурентоспособности российской инвестиционной техники; он направлен на определение основных факторов и количественное оценивание эффективности их воздействия на региональный экономический рост.

Считается, что чем меньше разница в уровне развития между территориями, тем более уравновешенным и стабильным является общество. На этом основании большинством исследователей (А. Г. Гранбергом¹³, Е. А. Коломак [20], А. Ш. Ахмедуевым [21], Л. С. Архиповой, Г. Ю. Гагариной [9]) отмечается отрицательное воздействие чрезмерной дифференциации территориальных образований на их социально-экономическое развитие и необходимость его выравнивания путем дотаций и субвенций.

Обобщая сложившиеся представления, нами предложен теоретико-методологический подход, в рамках которого выдвинута и статистически подтверждена гипотеза, что различия в развитии муниципальных образований внутри регионов имеют двойственный характер: либо способствуют, либо противодействуют экономическому развитию; разработана технология определения оптимального, «стимулирующего» уровня дифференциации с целью выхода региональной экономики на траекторию устойчивого развития; осуществлена типологическая группировка территорий по степени воздействия дифференциации на экономическое развитие и социальную стабильность; выдвинута концепция регулируемой дифференциации социально-экономического развития [7; 22].

Практическое использование указанной концепции выдвигает необходимость рассмотрения региональной экономики с позиций логико-математической модели, позволяющей установить качественные и количественные характеристики состояния равновесия и траектории устойчивого развития. Применение аппарата экономико-математического моделирования позволит найти количественную оценку интервала значений стимулирующей дифференциации, достижение которой позволит положительно воздействовать на экономический рост. Регулирование уровня дифференциации приведет от негативного ее воздействия на социально-экономическое развитие территории к стимулирующему, тем самым будет решена важная народно-хозяйственная проблема – снятие противоречия между координацией и дифференциацией социально-экономического развития территорий. Это реализуется в рамках предлагаемого методологического подхода, основанного на модельном представлении неравномерности развития территорий в сопоставлении с динамическими характеристиками их экономического развития.

Материалы и методы. Для экономико-математического моделирования связи внутритерриториальной дифференциации и тенденций развития регионов предлагается подход, базирующийся на математическом моделировании нелинейных автономных динамических систем, теории устойчивости и модели равновесного экономического роста. Предлагаемый подход расширяет представления об условиях и ограничениях равновесных траекторий функционирования социально-экономических систем, включая элементы согласования параметров экономического роста.

¹³ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики.

Траектория развития региональной экономики в исследовании определяется уровнем внутритерриториальной дифференциации (при условии отсутствия влияния прочих факторов) и может быть отражена в двумерном пространстве, задаваемом осями: Ox – характеризует уровень внутритерриториальной дифференциации; Oy – индикатор экономического развития.

Модельное представление траектории развития может быть в виде системы дифференциальных уравнений в вышеуказанном двумерном фазовом пространстве.

В основу расчета уровня внутритерриториальной дифференциации положен децильный коэффициент дифференциации [1; 23]. В указанных публикациях в целях оценки уровня дифференциации муниципальных районов отдельных субъектов Федерации представлена методология построения и практическая технология использования децильного коэффициента дифференциации для пространственных переменных. В качестве индикатора экономического развития применяется уровень валового регионального продукта (ВРП) на душу населения.

Модель включает также управляющие параметры: u_{11} , u_{22} , u_{12} и u_{21} . Параметры u_{11} , u_{22} , принимая значения 1 или -1 , характеризуют динамические эффекты самовоздействия введенных фазовых переменных. Представим автономный (не зависящий от влияния прочих факторов) темп роста уровня территориальной дифференциации через $r_x > 0$, а индикатор экономического развития через $r_y > 0$. Тогда, например, выражение $u_{11} r_x = -r_x < 0$ при значении параметра $u_{11} = -1$ говорит о том, что величина децильного коэффициента дифференциации снижается и наблюдается эффект предельного насыщения накопленными различиями в социально-экономической системе. Наоборот, выражение $u_{11} r_x = -r_x > 0$ для $u_{11} = 1$ характеризует динамические особенности функционирования системы, для которой в отсутствии влияния прочих факторов уровень территориальной дифференциации нарастает. Аналогичные рассуждения применимы и к автономным изменениям темпов роста среднедушевого ВРП.

Оставляем в стороне случай, для которого параметры управления $u_{11} = 0$ и $u_{22} = 0$, т. е. текущие уровни переменных, характеризующих внутритерриториальную дифференциацию и экономическое развитие, не оказывают прямого влияния на свои будущие состояния.

Между фазовыми переменными, задающими поведение нелинейной автономной системы, допускаем взаимовлияние. Динамические характеристики функционирования социально-экономической системы предполагают существование некоторой связи между изменением уровня территориальной дифференциации и достигнутыми значениями переменных x и y . Одновременно с этим предполагаем, что изменения в региональном развитии также зависят от сочетания фактических значений уровня территориальной дифференциации и уровня экономического развития.

Характер взаимовлияния фазовых переменных задаем параметрами управления u_{12} и u_{21} : плюс (+1), ноль (0) или минус (-1), что предопределяет динамические характеристики системы в целом.

Интенсивность взаимовлияния фазовых переменных зададим через коэффициенты $r_{xy} > 0$, $r_{yx} > 0$ и управляющие параметры u_{12} , u_{21} .

Исходя из вышеизложенного, траектория регионального экономического развития во взаимосвязи уровня дифференциации территориальных образований и интенсивности их экономического развития, задается системой дифференциальных уравнений:

$$\begin{cases} \dot{x} = u_{11}r_x x + u_{12}r_{xy}xy \\ \dot{y} = u_{21}r_{yx}xy + u_{22}r_y y' \end{cases} \quad (1)$$

где x – уровень внутритерриториальной дифференциации социально-экономического развития субъекта Федерации (децильный коэффициент дифференциации); y – индикатор экономического развития (среднедушевой ВРП субъекта Федерации); r_x – темп роста уровня внутритерриториальной дифференциации (x); r_y – темп роста индикатора экономического развития (y); \dot{x} – темп прироста уровня внутритерриториальной дифференциации (x); \dot{y} – темп прироста индикатора экономического развития (y).

В случае, когда фазовые переменные не оказывают какого-либо влияния друг на друга, т. е. $u_{12} = 0$ и/или $u_{21} = 0$, система (1) имеет единственную стационарную точку – точку тривиального равновесия $M(0,0)$, характеризующую так называемую смерть системы.

Рассмотрим случай, когда $u_{12} \neq 0$ и $u_{21} \neq 0$. В сделанных начальных предположениях для системы (1) существует точка равновесия с положительными координатами, если выполнены тождества:

$$u_{11} + u_{12} = 0, u_{21} + u_{22} = 0. \quad (2)$$

Условия (2) говорят о том, что социально-экономическая система имеет равновесное состояние тогда и только тогда, когда изменения экономического развития и уровня территориальной дифференциации разнонаправлены, т. е. при ослаблении территориальной дифференциации экономический рост стимулирует региональные различия и диспропорции, и наоборот, при усилении территориальных различий экономический рост приводит к их сглаживанию. Зеркальные утверждения возможно выдвинуть и для описания условия противодействия территориальной дифференциации экономическому росту.

В этом случае $M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ – единственная точка равновесия с положительными координатами. Нас интересуют дополнительные условия, налагаемые на управляющие параметры, при которых решение $(x, y) = \left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ устойчиво.

При анализе сформулированной модели связи внутритерриториальной дифференциации с экономическим ростом воспользуемся аппаратом анализа, подробно раскрытого в работах М. Интрилигатора¹⁴ и Э. Маленво¹⁵. Якобиан системы (1) в точке $M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ примет вид:

¹⁴ Intriligator M. *Mathematical Optimization and Economic Theory*. New York : Prentice-Hall, 1971. 508 p.

¹⁵ Маленво Э. Лекции по микроэкономическому анализу / пер. с фр. Х. А. Аташкиева ; под ред. К. А. Багриновского. М. : Наука, 1985. 392 с.

$$J = \left(\begin{array}{cc} u_{11}r_x + u_{12}r_{xy} & u_{12}r_{xy}x \\ u_{21}r_{yx} & u_{21}r_{yx}x + u_{22}r_y \end{array} \right) \Big|_{M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)} = \left(\begin{array}{cc} u_{11}r_x + u_{12}r_x & u_{12}r_{xy} \frac{r_y}{r_{yx}} \\ u_{21}r_{yx} \frac{r_x}{r_{xy}} & u_{21}r_y + u_{22}r_y \end{array} \right).$$

Найдем определитель якобиана $\det(J) = (u_{11}r_x + u_{12}r_x)(u_{21}r_y + u_{22}r_y) - u_{12}u_{21}r_xr_y = r_xr_y(u_{11} + u_{12})(u_{21} + u_{22}) - u_{12}u_{21}r_xr_y$.

Используя равенство (2), получаем значения определителя матрицы Якоби: $\det(J) = -u_{12}u_{21}r_xr_y$.

Необходимым условием устойчивости системы дифференциальных уравнений двух переменных является неравенство $\det(J) \geq 0$, следовательно, $u_{12} \neq u_{21}$, т. е. соответствующие управляющие параметры должны иметь различные знаки. Рассматриваемое неравенство возможно в случае разнонаправленного взаимного влияния внутритерриториальной дифференции и экономического роста на темпы изменения соответствующих фазовых переменных. А именно, если территориальная дифференциация усиливает экономический рост, то экономический рост должен сглаживать территориальные различия.

В силу равенства (2) имеем: $\text{tr}(J) = 0$, где $\text{tr}(J)$ – след матрицы J .

Таким образом, собственные значения якобиана имеют нулевую действительную часть, и мы не можем сделать вывод об устойчивости по первому приближению. Проведем исследование на устойчивость, подобрав функцию Ляпунова. Если удастся показать, что решение $(x, y) = \left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ устойчиво, то

в силу того, что собственные значения имеют нулевую действительную часть, точка равновесия будет центром.

Осуществим замену переменных:

$$\tilde{x} = \ln x, \tilde{y} = \ln y, \dot{\tilde{x}} = \frac{\dot{x}}{x}, \dot{\tilde{y}} = \frac{\dot{y}}{y}.$$

Получаем систему дифференциальных уравнений

$$\begin{cases} \dot{\tilde{x}} = u_{11}r_x + u_{12}r_{xy}e^{\tilde{y}} \\ \dot{\tilde{y}} = u_{21}r_{yx}e^{\tilde{x}} + u_{22}r_y \end{cases} \quad (3)$$

и точку равновесия $\tilde{M} \left(\ln \frac{r_y}{r_{yx}}, \ln \frac{r_x}{r_{xy}} \right)$.

Рассмотрим случай, когда $u_{11} = 1$, $u_{22} = -1$ и в силу равенства (2) $u_{12} = -1$, $u_{21} = 1$. Тогда уравнение (3) примет вид:

$$\begin{cases} \dot{\tilde{x}} = r_x - r_{xy}e^{\tilde{y}} \\ \dot{\tilde{y}} = r_{yx}e^{\tilde{x}} - r_y \end{cases} \quad (4)$$

Для подбора функции Ляпунова сделаем еще одну замену переменных, которая переместит точку равновесия в начало координат:

$$\hat{x} = \tilde{x} - \ln \frac{r_y}{r_{yx}}, \hat{y} = \tilde{y} - \ln \frac{r_x}{r_{xy}}.$$

В результате система (3) имеет вид:

$$\begin{cases} \dot{\hat{x}} = r_x - r_{xy} e^{\hat{y} + \ln \frac{r_x}{r_{xy}}} \\ \dot{\hat{y}} = r_{yx} e^{\hat{x} + \ln \frac{r_y}{r_{yx}}} - r_y \end{cases}.$$

Проделав определенные арифметические действия, получим систему дифференциальных уравнений

$$\begin{cases} \dot{\hat{x}} = r_x - r_x e^{\hat{y}} \\ \dot{\hat{y}} = r_y e^{\hat{x}} - r_y \end{cases}$$

с точкой равновесия $\hat{M}(0, 0)$.

Рассмотрим функцию $V(\hat{x}, \hat{y}) = r_y (e^{\hat{x}} - \hat{x} - 1) + r_x (e^{\hat{y}} - \hat{y} - 1)$. Легко видеть, что:

- 1) $V(0, 0) = 0$;
- 2) $V(\hat{x}, \hat{y}) > 0$, при $(\hat{x}, \hat{y}) \neq (0, 0)$;
- 3) $\frac{dV}{dt} = \frac{\partial V}{\partial \hat{x}} \dot{\hat{x}} + \frac{\partial V}{\partial \hat{y}} \dot{\hat{y}} = r_y (e^{\hat{x}} - 1)(r_x - r_x e^{\hat{y}}) + r_x (e^{\hat{y}} - 1)(r_y e^{\hat{x}} - r_y) = 0 \leq 0$.

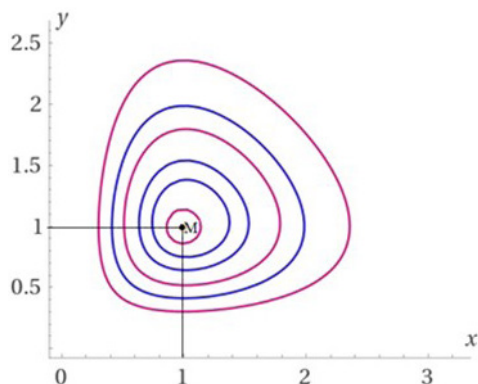
Значит, $V(\hat{x}, \hat{y})$ – функция Ляпунова и точка равновесия $\hat{M}(0, 0)$ – центр. А следовательно, и точка равновесия первоначальной системы дифференциальных уравнений $M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ также является центром.

Случай, когда $u_{11} = -1, u_{22} = 1$, рассматривается полностью аналогично. Таким образом, если выполнены условия $u_{11} + u_{12} = 0, u_{21} + u_{22} = 0, u_{12} \neq u_{21}$, система (1) имеет единственную точку равновесия с положительными координатами

$M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$, которая является центром.

Приведем графики траекторий на фазовом пространстве при начальных условиях из окрестности точки равновесия $M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ для случая, когда $r_x = r_y = r_{xy} = r_{yx} = 1$ (рисунок).

Выводы по точкам равновесия подкреплены статистическими расчетами, что подтверждает отсутствие противоречивости с разработанной математической моделью.

Р и с у н о к. Фазовые траектории развития социально-экономической системы в пространстве «территориальная дифференциация – экономическое развитие»¹⁶

F i g u r e. Phase trajectories of the development of the socio-economic system in space “Territorial differentiation – Economic development”

Результаты исследования. Объектом наблюдения в исследовании в качестве изучаемых социально-экономических систем выступают субъекты Российской Федерации, пространственными подсистемами которых являются муниципальные образования (муниципальные районы и городские округа как самостоятельные элементы системы), дифференциация и неравномерность развития которых влияют на общий экономический рост системы. Проверим предложенную модель на статистических данных об уровне внутритерриториальной дифференциации и уровне среднедушевого ВРП как индикаторе экономического развития регионов.

Информационная база исследования построена на данных государственной статистики (Росстата) за 2014, 2015 гг. (см. Приложение¹⁷):

1) на основе базы данных региональной статистики установлен ВРП на душу населения¹⁸ в разрезе субъектов Федерации;

2) на основе информации об индикаторах развития муниципальных образований¹⁹ сформирован массив показателей социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов, положенный в основу оценки уровня дифференциации в субъектах.

Уровень внутритерриториальной дифференциации рассчитан по формуле децильного коэффициента дифференциации K_d :

$$K_d = \frac{D_{9\text{СЭР}}}{D_{1\text{СЭР}}},$$

где K_d – уровень внутритерриториальной дифференциации субъекта Федерации; $D_{1\text{СЭР}}$, $D_{9\text{СЭР}}$ – первая и девятая децили в упорядоченном по возрастанию множестве

¹⁶ Рисунок составлен авторами статьи.

¹⁷ Приложение. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.488>

¹⁸ Региональная статистика. Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Росстат : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm (дата обращения: 25.01.2023).

¹⁹ База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] // Росстат : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 25.01.2023).

значений уровня социально-экономического развития муниципальных образований, входящих в административно-территориальный состав изучаемого субъекта.

Анализ выполнен по 1 782 территориальным единицам 74 из 85 субъектов Российской Федерации. Из расчетов были исключены:

1) города федерального значения, в составе которых отсутствуют муниципальные образования;

2) автономные округа, входящие в состав субъектов Российской Федерации, учитываемые как их административно-территориальные единицы (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра);

3) субъекты, не разрабатывающие информацию по муниципальным районам в полном объеме: Калининградская область, Республика Ингушетия, Республика Крым;

4) субъекты, в административно-территориальный состав которых входит очень малое количество муниципальных районов: Сахалинская область и Чукотский автономный округ (один и три муниципальных района соответственно).

Методика оценки уровня социально-экономической дифференциации территориальных единиц в форме интегрального индикатора подробно представлена в нашей более ранней публикации [1]. Для обеспечения сопоставимости показателей, выбранных для расчета уровня (интегрального индикатора) социально-экономического развития территориальных единиц и имеющих разные единицы измерения, реализована процедура нормирования по модулю максимального значения конкретного показателя для всех анализируемых муниципальных районов и городских округов. Это позволило получить строгие границы варьирования значений полученного индикатора социально-экономического развития муниципальных образований в диапазоне (от –1 до 1). Кроме того, для приведения к одинаправленности показателей, формирующих интегральный индикатор, те из них, которые оказывают негативное влияние на социально-экономическое развитие, учитывались в расчетах со знаком «–».

Выбор временного среза (2014–2015 гг.) для проверки справедливости положений предложенной математической модели и сформированных эмпирических данных обусловлен существенными сдвигами в функционировании национальной социально-экономической системы под интенсивными внешними воздействиями, как на уровне страны в целом, так и в разрезе отдельных территориальных образований.

Сформированные эмпирические ряды значений децильного коэффициента дифференциации протестированы на выбросы. Из рассмотрения исключены данные по Псковской области, поскольку для нее значения показателя составили 50,93 для 2014 г. и 16,219 для 2015 г. Таким образом, в исследовательскую выборку вошли данные по 73 субъектам Федерации.

Статистические расчеты позволили для данных 2014 г. получить следующие оценочные значения системы (1):

$$\begin{cases} \dot{x} = -2,1967x + 0,0005xy \\ \dot{y} = -0,0042xy + 0,0744y \end{cases} \quad (5)$$

Знаки и значения управляющих параметров соответствуют теоретическим представлениям о равновесии из предыдущего раздела. Для 2014 г. обоснование первого уравнения системы (5) представлено в таблицах 1 и 2, второго – в таблицах 3 и 4.

Таблица 1. Статистическое оценивание множественной регрессии первого уравнения системы (5) для 2014 г.²⁰

Table 1. Statistical estimation of multiple regression of the first equation of system (5) for 2014

Регрессионная статистика / Regression statistics	Значение / Meaning
Множественный R / Multiple R	0,925
R-квадрат / R-square	0,855
Нормированный R-квадрат / Normalized R-square	0,851
Стандартная ошибка / Standard error	1,573
Наблюдения / Observations	73

Таблица 2. Статистические оценки множественной регрессии для статистического оценивания первого уравнения системы (5)

Table 2. Statistical estimates of multiple regression for statistical estimation of the first equation of the system (5)

Показатель / Indicator	Коэффициенты / Coefficients	Нижние 95 % / Lower 95%	Верхние 95 % / Upper 95%
Переменная x / Variable x	-2,1967	-2,45557	-1,93776
Переменная xy / Variable xy	0,0005	-0,00025	0,00141

Таблица 3. Статистическое оценивание множественной регрессии второго уравнения системы (5) для 2014 г.

Table 3. Statistical estimation of multiple regression of the second equation of system (5) for 2014

Регрессионная статистика / Regression statistics	Значение / Meaning
Множественный R / Multiple R	0,677
R-квадрат / R-square	0,458
Нормированный R-квадрат / Normalized R-square	0,442
Стандартная ошибка / Standard error	12,938
Наблюдения / Observations	73

Таблица 4. Статистические оценки множественной регрессии для статистического оценивания второго уравнения системы (5)

Table 4. Statistical estimates of multiple regression for statistical estimation of the second equation of system (5)

Показатель / Indicator	Коэффициенты / Coefficients	Нижние 95 % / Lower 95%	Верхние 95 % / Upper 95%
Переменная xy / Variable xy	-0,0042	-0,0121	0,0037
Переменная y / Variable y	0,0744	0,0496	0,0992

²⁰ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами.

Данные 2015 г. проявили следующие характеристики системы (1):

$$\begin{cases} \dot{x} = -0,5749x + 0,0002xy \\ \dot{y} = -0,0173xy + 0,1696y' \end{cases} \quad (6)$$

что также не противоречит ранее выдвинутым теоретическим положениям.

Представим результаты проведенного эксперимента для 2015 г.: обоснование первого уравнения системы (6) в таблицах 5 и 6, второго – в таблицах 7 и 8.

Таблица 5. Статистическое оценивание множественной регрессии первого уравнения системы (6) для 2015 г.

Table 5. Statistical estimation of multiple regression of the first equation of system (6) for 2015

Регрессионная статистика / Regression statistics	Значение / Meaning
Множественный R / Multiple R	0,515
R-квадрат / R-square	0,265
Нормированный R-квадрат / Normalized R-square	0,244
Стандартная ошибка / Standard error	0,918
Наблюдения / Observations	73

Таблица 6. Статистические оценки множественной регрессии для оценивания первого уравнения системы (6) для 2015 г.

Table 6. Statistical estimates of multiple regression for estimating the first equation of system (6) for 2015

Показатель / Indicator	Коэффициенты / Coefficients	Нижние 95 % / Lower 95%	Верхние 95 % / Upper 95%
Переменная x / Variable x	-0,5749	-0,81017	-0,33972
Переменная xy / Variable xy	0,0002	-0,00019	0,00066

Таблица 7. Статистическое оценивание множественной регрессии второго уравнения системы (6) для 2015 г.

Table 7. Statistical estimation of multiple regression of the second equation of system (6) for 2015

Регрессионная статистика / Regression statistics	Значение / Meaning
Множественный R / Multiple R	0,825
R-квадрат / R-square	0,681
Нормированный R-квадрат / Normalized R-square	0,672
Стандартная ошибка / Standard error	18,641
Наблюдения / Observations	73

Таблица 8. Статистические оценки множественной регрессии для оценивания второго уравнения системы (6) для 2015 г.

Table 8. Statistical estimates of multiple regression for estimating the second equation of system (6) for 2015

Показатель / Indicator	Коэффициенты / Coefficients	Нижние 95 % / Lower 95%	Верхние 95 % / Upper 95%
Переменная xy / Variable xy	-0,0173	-0,03195	-0,00258
Переменная y / Variable y	0,1696	0,12886	0,21040

Полученные оценочные значения систем (5) и (6) позволяют определить точки равновесия между внутритерриториальной дифференциацией и экономическим ростом с положительными координатами $M\left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}}\right)$ для соответствующих периодов. Результаты вычислений приведены в таблице 9.

Таблица 9. Характеристики точек равновесия системы (1) для 2014–2015 гг.

Table 9. Characteristics of equilibrium points of system (1) for 2014–2015

Показатель / Indicator	2014	2015	Коэффициент роста / Growth coefficient
Равновесное значение внутритерриториальной дифференциации, коэффициент / Equilibrium value of intraterritorial differentiation, coefficient	17,79	9,82	0,552
Равновесное значение валового регионального продукта на душу населения, тыс. руб. / Equilibrium value of the gross regional product per capita, thousand rubles	3 797	2 469	0,650

Проведенные вычисления на основе построенной модели (табл. 9) выявили недостаточный (ниже равновесного значения) уровень внутритерриториальной дифференциации для всех субъектов Федерации. Одновременно с этим, на имеющихся эмпирических данных, наблюдаем и недостаточный уровень экономического развития (ниже 3 797 тыс. руб. и 2 469 тыс. руб. в 2014 и 2015 гг. соответственно). Таким образом, в рассматриваемые периоды внутритерриториальная дифференциация носила дестимулирующий характер.

Развитие субъектов Федерации в 2014 г. и переход к 2015 г. свидетельствует о сжатии траектории развития экономики России и движении точки равновесия по направлению к так называемой смерти системы ($M(0,0)$). Уменьшение равновесного значения валового регионального продукта на душу населения свидетельствует о влиянии экономических санкций на экономику России в 2014–2015 гг., оценочное значение которого позволяет получить построенная модель. Если применить значения коэффициента темпа роста равновесного значения ВРП на душу населения в анализируемых годах ($2469 / 3797 = 0,65$) к ВВП России в 2014 г. (2 трлн 057 млрд долл. США²¹), то расчетное (модельное) представление ВВП России в 2015 г. составляет 1 трлн 337 млрд долл. США, при фактическом значении – 1 трлн 363 млрд. Различия в оценках объясняются в том числе валютной политикой Центробанка России. Модельная оценка количественного сжатия (при стабильном состоянии валютных курсов) дает значения негативного воздействия территориальной дифференциации в интервале от 300 до 350 млрд долл. США ($2057 \cdot \frac{0,552}{0,650}$).

Обсуждение и заключение. Проведенные расчеты на статистических данных по субъектам Федерации за 2 года эмпирически подтвердили выдвинутую гипотезу о влиянии внутритерриториальной дифференциации на экономическое

²¹ ВВП (в текущих долларах США) – Российская Федерация: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=RU> (дата обращения: 25.01.2023).

развитие субъектов Федерации. Модельный подход предлагает определенное расширение представлений об условиях и ограничениях равновесных траекторий функционирования социально-экономических систем, включает в себя элементы согласования параметров экономического роста и тем самым развивает положения концепции регулируемой дифференциации.

В рассматриваемых модельных представлениях экономическое развитие территории имеет равновесное состояние тогда и только тогда, когда тенденции, характеризующие экономический рост и уровень территориальной дифференциации, разнонаправлены, при этом экономический рост противодействует дальнейшему усилению территориальной дифференциации, а рост территориальной дифференциации препятствует экономическому спаду.

Доказано, что точка равновесия рассматриваемой социально-экономической системы является центром, так что траектория развития системы в пространстве фазовых координат (внутритерриториальная дифференциация, экономическое развитие) замкнута.

Эмпирически установлены точки равновесия с положительными координатами

$M \left(\frac{r_y}{r_{yx}}, \frac{r_x}{r_{xy}} \right)$, позволяющие в том числе определить предельный уровень терри-

ториальной дифференциации, уровень, выше которого она будет способствовать экономическому росту. Таким образом, точки равновесия выступают основой для определения пределов уровня стимулирующей дифференциации развития региона (страны).

Предложенное модельное представление вносит определенный вклад в разработку теории стимулирующей неравномерности. Развитие исследования видим в расширении временного ряда, построении типологической группировки регионов по характеру взаимовлияния фазовых переменных и разработке нормативных стратегий развития региональных единиц, применении выдвинутых модельных представлений к иным объектам наблюдения, подверженным влиянию дифференциации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинский В. В., Серга Л. К., Булкина А. М. Дифференциация муниципальных образований как фактор экономического развития территорий // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 46–52. URL: <https://vopstat.elpub.ru/jour/article/view/377> (дата обращения: 25.01.2023).
2. Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Денисова О. Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. № 2. С. 21–32. <https://doi.org/10.17059/2014-2-2>
3. Жаркова Е. С. Экономические теории размещения производства: от штандорта к кластерам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2011. № 1. С. 145–150. URL: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/2812> (дата обращения: 25.01.2023).
4. Хохлова О. А. Статистическая оценка социально-экономической асимметрии муниципальных образований региона // Вопросы статистики. 2006. № 2. С. 32–38. EDN: **HTBYZD**
5. Зайцева Ю. С. Межрегиональная дифференциация в странах БРИК: возможности оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 44–51. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-5-44-51>
6. Кривошей В. А. Государственное регулирование региональной дифференциации уровня и качества жизни населения // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 6. С. 35–40. URL: https://www.ruc.su/science/publications/nauchno_toreticheskiy_zhurnal/ (дата обращения: 25.01.2023).

7. Глинский В. В., Серга Л. К. Регулируемая дифференциация как механизм устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. С. 297–310. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-297-310>
8. Глущенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39–58. <https://doi.org/10.14530/se.2015.4.039-058>
9. Архипова Л. С., Гагарина Г. Ю. Пространственная дифференциация регионов РФ и их конкурентоспособность // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2015. Т. 25, № 4. С. 19–27. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/3359/3301> (дата обращения: 25.01.2023).
10. Малкина М. Ю. Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла – Бернулли // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 16–37. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.016-037>
11. Теслин В. Г. Асимметрия развития инвестиционных процессов в Центральной России // Транспортное дело России. 2009. № 1. С. 22–25. EDN: JXVGWD
12. Лавровский Б. Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. Т. 7, № 4. С. 524–537. URL: <https://ej.hse.ru/2003-7-4/26560890.html> (дата обращения: 25.01.2023).
13. Буфетова А. Н., Коломак Е. А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 120–142. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
14. Баранов С. В., Скуфына Т. П. Сравнительная динамика экономического роста и межрегиональная дифференциация территории российского Севера // Вопросы статистики. 2015. № 11. С. 69–77. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/285> (дата обращения: 25.01.2023).
15. Морощкина М. В. Межрегиональная дифференциация субъектов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 45. С. 20–26. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=64112> (дата обращения: 25.01.2023).
16. Погодина Е. А., Катаев Е. Н. Оценка уровня и глубины дифференциации экономического и социального развития регионов Приволжского федерального округа // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 21. С. 30–37. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=62012> (дата обращения: 25.01.2023).
17. Минаков В. Ф. Информационные процессы в формировании ажиотажных циклов // Развитие территорий. 2021. № 2 (24). С. 76–82. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-76-82>
18. Алексеев М. А. Моделирование финансового цикла и поведение компании в информационном пространстве финансового рынка // Вестник НГУЭУ. 2017. № 3. С. 131–146. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1063/661> (дата обращения: 25.01.2023).
19. Борисов В. Н., Почукаева О. В. Развивающее импортозамещение как следствие роста конкурентоспособности инвестиционной техники // Развитие территорий. 2021. № 2 (24). С. 10–18. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-10-18>
20. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–106. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
21. Ахмедуев А. Ш. Проблемы чрезмерной поляризации уровня социально-экономического развития регионов России и императивы модернизации государственной региональной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6. С. 37–51. URL: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/589/513> (дата обращения: 25.01.2023).
22. Glinkiy V. V., Serga L. K., Alekseev M. A. Territorial Differentiation as the Factor of Sustainable Economic Development // Procedia Manufacturing. 2020. Vol. 43. Pp. 263–268. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.02.152>
23. Investigation of Correlation between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation / V. Glinkiy [et al.] // Procedia Manufacturing. 2017. Vol. 8. Pp. 323–329. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.041>

Поступила 12.02.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 05.04.2023.

Об авторах:

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией устойчивого развития социально-экономических систем Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации (630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6); профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ» (630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7149-3020>, Researcher ID: B-1136-2016, Scopus ID: 56790071400, s444@ngs.ru

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бизнес-аналитики и статистики Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6); доцент кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ» (630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-8876>, Researcher ID: F-4352-2017, Scopus ID: 56790089700, serga-lk@ranepa.ru

Алексеев Михаил Анатольевич, доктор экономических наук, доцент, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории устойчивого развития социально-экономических систем, профессор кафедры бизнес-аналитики и статистики Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6); профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ» (630099, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9678-297X>, Researcher ID: AAE-8562-2021, Scopus ID: 57202749050, alekseev-ma@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

В. В. Глинский – разработка методологии исследования; постановка научной проблемы; сбор данных; анализ результатов; формулирование выводов.

Л. К. Серга – обзор литературы по теме исследования; сбор данных; проведение численного эксперимента; анализ результатов; формулирование выводов.

М. А. Алексеев – построение модели; сбор данных; проведение численного эксперимента; анализ результатов; формулирование выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Glinskiy V.V., Serga L.K., Bulkina A.M. Differentiation of Municipal Entities as a Factor of Economic Development of Territories. *Voprosy statistiki*. 2016;(8):46–52. Available at: <https://vopstat.elpub.ru/jour/article/view/377> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Animitsa E.G., Animitsa P.E., Denisova O.Yu. Evolution of Knowledge about Distribution of Productive Forces. *Economy of Regions*. 2014;(2):21–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/2014-2-2>
3. Zharkova E.S. Economic Theories of Industrial Allocation: from the Standort to Clusters. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2011;(1):145–150. Available at: <https://economics-journal.spbu.ru/article/view/2812> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Khokhlova O.A. Statistical Assessment of Social and Economic Asymmetry of Municipalities. *Voprosy statistiki*. 2006;(2):32–38. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: HTBYZD
5. Zaitseva Yu.S. Interregional Differentiation in BRIC Countries: Possibilities for Assessment. *World Economy and International Relations*. 2010;(5):44–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-5-44-51>
6. Krivoshey V.A. [State Regulation of Regional Differentiation of the Level and Quality of Life of the Population]. *Fundamental and Applied Research Studies of the Economics Cooperative Sector*. 2013;(6):35–40. Available at: https://www.ruc.su/science/publications/nauchno_teoreticheskiy_zhurnal/ (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Glinskiy V.V., Serga L.K. Adjustable Differentiation as a Mechanism of Sustainable Development. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;222:297–310. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-297-310>

8. Gluschenko K.P. On Estimation of Inter-Regional Inequality. *Spatial Economics*. 2015;(4):39–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2015.4.039-058>
9. Arkhipova L.S., Gagarina G.Yu. Spatial Differentiation of Russian Regions and their Competitiveness. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2015;25(4):19–27. Available at: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/3359/3301> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Malkina M.Yu. Evaluation of the Factors of Russian Regions' Convergence / Divergence in the Level of Budget Provision Based on the Decomposition of the Theil – Bernoulli Index. *Spatial Economics*. 2016;(3):16–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.016-037>
11. Teslin V.G. Asymmetry in Development of Investment Processes in the Central Russia. *Transport Business of Russia*. 2009;(1):22–25. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: JXVGWD
12. Lavrovskiy B.L. Regional Asymmetry in Russian Federation: Estimation and Approaches to its Reduction. *HSE Economic Journal*. 2003;7(4):524–537. Available at: <https://ej.hse.ru/2003-7-4/26560890.html> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Bufetova A.N., Kolomak E.A. National Heterogeneity in the Russian Regions: Assessment, Change, Impact on Economic Development. *Voprosy ekonomiki*. 2021;(1):120–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
14. Baranov S.V., Skufina T.P. Comparative Dynamics of Economic Growth and Interregional Differentiation of the Northern Region of Russia. *Voprosy statistiki*. 2015;(11):69–77. Available at: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/285> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Moroshkina M.V. Trans-Regional Differentiation of Subjects of the Russian Federation. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2014;(45):20–26. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=64112> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Pogodina E.A., Kataev E.N. An Assessment of Differentiation Degree of Economic and Social Development of the Volga Federal District's Regions. *National Interests: Priorities and Security*. 2014;(21):30–37. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=62012> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Minakov V.F. Information Processes in the Formation of Hype Cycles. *Territory Development*. 2021;(2):76–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-76-82>
18. Alekseev M.A. The Model of a Company's Financial Cycle and Behavior in Financial Market Information Space. *Vestnik NSUEM*. 2017;(3):131–146. Available at: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1063/661> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Developing Import Substitution as a Result of the Growth of the Competitiveness of Investment Equipment. *Territory Development*. 2021;(2):10–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-2-10-18>
20. Kolomak E.A. Spatial Development of Russia in XXI Century. *Spatial Economics*. 2019;15(4):85–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
21. Akhmeduev A.Sh. Problems of Excessive Polarization of the Level of Social-Economic Development of the Regions of Russia and Imperatives of Modernization of the State Regional Policy. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2017;(6):37–51. Available at: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/589/513> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Glinskiy V.V., Serga L.K., Alekseev M.A. Territorial Differentiation as the Factor of Sustainable Economic Development. *Procedia Manufacturing*. 2020;43:263–268. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.02.152>
23. Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Bulkina A., Litvintseva G. Investigation of Correlation between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation. *Procedia Manufacturing*. 2017;8:323–329. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.02.041>

Submitted 12.02.2023; revised 24.03.2023; accepted 05.04.2023.

About the authors:

Vladimir V. Glinskiy, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Research Laboratory “Sustainable Development of Socio-Economic Systems”, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk 630102, Russian Federation); Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya St., Novosibirsk 630099, Russian

Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7149-3020>, Researcher ID: B-1136-2016, Scopus ID: 56790071400, s444@ngs.ru

Lyudmila K. Serga, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Business Analytics and Statistics, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk 630102, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya St., Novosibirsk 630099, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8934-8876>, Researcher ID: F-4352-2017, Scopus ID: 56790089700, serga-lk@ranepa.ru

Mikhail A. Alekseev, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Laboratory “Sustainable Development of Socio-Economic Systems”, Professor of the Department of Business Analytics and Statistics, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk 630102, Russian Federation); Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya St., Novosibirsk 630099, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9678-297X>, Researcher ID: AAE-8562-2021, Scopus ID: 57202749050, alekseev-ma@ranepa.ru

Contribution of the authors:

V. V. Glinskiy – development of research methodology; formulation of a scientific problem; data collection; analysis of results; conclusions and applications.

L. K. Serga – literature review on the research topic; data collection; numerical experiment; analysis of results; conclusions and applications.

M. A. Alekseev – building a model; collecting data; numerical experiment; analysis of results; conclusions and applications.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России

А. М. Носонов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
artno@mail.ru*

Аннотация

Введение. Современное развитие России основано на приоритетном росте высокотехнологичных отраслей производства и соответствующей инфраструктуры как предпосылок достижения технико-технологического лидерства в мировой экономике. Инновационное развитие страны во многом зависит от успешности научно-технологической политики на региональном уровне. Цель статьи – проанализировать пространственные закономерности функционирования инновационных территориальных кластеров для обоснования перспективных направлений государственной кластерной политики.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики, информационно-аналитических докладов Ассоциации кластеров, технопарков и особых экономических зон России, официальных рейтингов инновационного развития регионов, законодательных актов федерального и регионального уровней. С помощью геоинформационных технологий создана серия аналитических карт, отражающих и визуализирующих различные аспекты функционирования инновационных территориальных кластеров в разрезе всех регионов Российской Федерации.

Результаты исследования. Выявлены пространственные закономерности формирования инновационных территориальных кластеров в регионах России. Отмечается, что проведение кластерной политики способствует более рациональному использованию средств федерального бюджета за счет определения приоритетных направлений инвестирования и установлению на этой основе обладающих наибольшим потенциалом получателей государственной поддержки в кластере в условиях ограниченных финансовых ресурсов. Особенно это перспективно при обосновании стимулирования новых высокотехнологичных отраслей и предприятий. Определены закономерности функционирования и тенденции развития инновационных территориальных кластеров. Сформулированы перспективные направления совершенствования кластерной политики России.

Обсуждение и заключение. Главным назначением формирующихся инновационных территориальных кластеров считаем насыщение внутреннего рынка высокотехнологическими товарами, услугами и технологиями с целью достижения технологической независимости страны. Полученные результаты исследования могут быть использованы организациями и лицами, принимающими решения, для обоснования путей совершенствования кластерной политики в регионах страны.

Ключевые слова: инновационный территориальный кластер, геоинформационные технологии, инфраструктура, высокотехнологичная продукция, факторы кластеризации

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Носонов А. М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Носонов А. М. Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России // Регионология. 2023. Т. 31, № 3. С. 498–513. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.498-513>

Original article

Formation of Innovative Territorial Clusters in the Regions of Russia

A. M. Nosonov

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
artno@mail.ru

Abstract

Introduction. The modern development of Russia is based on the priority development of high-tech industries and the corresponding infrastructure as prerequisites for achieving technical and technological leadership in the global economy. The innovative development of the country largely depends on the success of scientific and technological policy at the regional level. The purpose of the study is to analyze the spatial regularities of the functioning of innovative territorial clusters to justify promising directions of state cluster policy.

Materials and Methods. The study was carried out on the basis of official statistical information of the Federal State Statistics Service, information and analytical reports of the Association of Clusters, Technoparks and Special Economic Zones of Russia, official ratings of innovative development of regions, legislative acts of the federal and regional levels. Based on geo-information technologies, a series of analytical maps have been created that reflect and visualize various aspects of the functioning of innovative territorial clusters in the context of all regions of the Russian Federation.

Results. Spatial patterns of the formation of innovative territorial clusters in the regions of Russia have been identified. It is noted that the implementation of the cluster policy contributes to a more rational use of federal budget funds by determining priority investment areas and establishing on this basis the recipients of state support in the cluster with the greatest potential in the context of limited financial resources. This is especially promising when justifying the stimulation of new high-tech industries and enterprises. The patterns of functioning and development trends of innovative territorial clusters are identified. Promising directions for improving Russia's cluster policy are formulated.

Discussion and Conclusion. The author considers that the main purpose of the emerging innovative territorial clusters is the saturation of the domestic market with high-tech goods, services and technologies to achieve the technological independence of the country. The results of the study can be used by organizations and decision makers to substantiate ways to improve cluster policy in the regions of the country.

Keywords: innovative territorial cluster, geo-information technologies, infrastructure, high-tech products, clustering factors

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Nosonov A.M. Formation of Innovative Territorial Clusters in the Regions of Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):498–513. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.498-513>

Введение. Современное развитие России основано на приоритетном развитии высокотехнологичных отраслей производства и соответствующей инфраструктуры как предпосылки достижения технико-технологического лидерства в мировой экономике. Инновационное развитие страны во многом зависит от успешности научно-технологической политики на региональном уровне¹. Главным направлением модернизации экономики России является генерация новых знаний как основа коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности

¹ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России. М. : Университетская книга, 2017. 358 с.

и распространение достижений научно-технического прогресса во всех отраслях общественной деятельности² [1; 2]. Только на этой основе возможно достичь конкурентоспособности страны и обеспечить ее дальнейшее устойчивое развитие, главным критерием которого является высокое качество жизни населения³.

Наиболее эффективными компонентами инновационной инфраструктуры являются научные, промышленные технопарки и инновационные территориальные кластеры. Они служат центрами генерации новых знаний, коммерциализации и диффузии инноваций в другие регионы страны⁴ [3–5]. Поэтому определение пространственных закономерностей функционирования и развития этих объектов научно-производственной инфраструктуры с использованием ГИС-технологий является необходимой основой разработки федеральной и региональной инновационной политики. ГИС-технологии позволяют определить и визуализировать особенности специализации и эффективность функционирования инновационных территориальных кластеров как основы дельнейшего формирования экономики России преимущественно на основе высокотехнологических производств⁵ [4]. Уровень концентрации и диверсификация объектов технико-технологической инфраструктуры является важной предпосылкой инновационного развития регионов, оказывая мультипликативное воздействие на развитие всех секторов экономики⁶. Инфраструктурные факторы инновационного развития имеют сильное влияние на социально-экономический потенциал субъектов Российской Федерации. Как правило, регионы, наиболее насыщенные инновационными инфраструктурными компонентами (Москва, Санкт-Петербург, республики Башкортостан и Татарстан), отличаются значительными показателями валового регионального продукта и высоким качеством жизни населения⁷ [4].

Цель статьи – выделить и исследовать пространственные закономерности функционирования инновационных территориальных кластеров на основе анализа их пространственной дифференциации, динамики развития, организационно-правового статуса, численности занятых для обоснования перспективных направлений осуществления национальной и региональной кластерной политики.

² Региональная инновационная система Иркутской области / В. А. Баринаева [и др.]. М. : Изд. дом «Дело». РАНХиГС, 2015. 232 с.

³ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London & New York : Taylor & Francis e-Library, 2003. 460 p.

⁴ Torrisi G. Public Infrastructure: Definition, Classification and Neasurement Issues / Munich Personal RePEc Archive. MPRA Paper No 12990, posted 25 January 2009. Pp. 2–34. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/12990/1> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵ Earls J., Dixon B. Spatial Interpolation of Rainfall Data Using ArcGIS: A Comparative Study // Proceedings of the 27th Annual ESRI International User Conference. 2007. Vol. 31. Pp. 1–9. URL: http://proceedings.esri.com/library/userconf/proc07/papers/papers/pap_1451.pdf (дата обращения 09.02.2023); Тесленок С. А., Носонов А. М., Тесленок К. С. Геоинформационное моделирование диффузии инноваций // Материалы международной конференции «ИнтерКарто/ИнтерГИС». М., 2014. Т. 20. С. 159–169. <https://doi.org/10.24057/2414-9179-2014-1-20-159-169>; Modeling Spatial Pattern of Precipitation with GIS and Multivariate Geostatistical Methods in Chongqing Tobacco Planting Region, China / X. Wang [et al.] // International Conference on Computer and Computing Technologies in Agriculture. Berlin : Springer, 2010. Pp. 512–524. https://doi.org/10.1007/978-3-642-18354-6_60

⁶ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / В. Л. Абашкин [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 274 с.

⁷ Рейтинг инновационных регионов России Ассоциации инновационных регионов России. М. : АИРР, 2018. 54 с.

Обзор литературы. Инновационные территориальные кластеры на современном этапе развития экономики России становятся важным компонентом инновационной инфраструктуры регионов, которая является главным фактором их развития. Под инновационной инфраструктурой понимается объединенная общими механизмами управления единая система технико-технологических объектов, информационных технологий, научных учреждений и образовательных организаций, финансовых учреждений, главная функция которых заключается в создании инноваций, их коммерциализации, вывода на рынок высокотехнологичной продукции и внедрения в реальные сектора экономики, что является необходимым условием национального и регионального инновационного развития [2; 4]. Инфраструктурные объекты обеспечивают субъектам инноваций финансирование инновационных проектов, предоставляют в пользование офисы и рабочие площадки, высокотехнологичные приборы, современное оборудование и другой инструментарий для проведения исследований и разработок инновационного характера⁸.

По классическому определению М. Портера кластер представляет собой совокупность технически, технологически и организационно взаимосвязанных предприятий и институтов, расположенных на ограниченной территории с целью достижения эффективного производства определенной продукции в результате реализации своих конкурентных преимуществ⁹.

Важным аспектом исследования современной инновационной деятельности является рассмотрение территориальной дифференциации такого объекта производственно-технологической инфраструктуры, как инновационные территориальные кластеры, которые вносят решающий вклад в создание, коммерциализацию и диффузию инноваций [6]. В большинстве современных исследований национальной и региональных инновационных систем и роли инфраструктурных объектов в их формировании и развитии наибольшее внимание уделяется:

– теоретико-методологическим основам исследования инновационной инфраструктуры как междисциплинарного научного направления, включая определения этого термина¹⁰ [6; 7];

– влиянию отдельных компонентов инновационной инфраструктуры на процессы диффузии инноваций и перетоки знаний как предпосылки повышения эффективности социально-экономического развития стран и регионов¹¹ [8];

– анализу структуры и результативности функционирования объектов производственно-технологической инфраструктуры в разных государствах и регионах¹² [9–11].

Большое значение при анализе инновационного развития регионов России имеют теоретико-методологические работы, которые посвящены методам исследования инновационного потенциала, выявлению и изучению

⁸ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / отв. ред. А. Н. Пилясов. Смоленск : Ойкумена, 2012. 760 с.

⁹ Портер М. Конкуренция. М. : Изд. дом «Вильямс», 2018. 608 с.

¹⁰ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России.

¹¹ Карта кластеров России [Электронный ресурс]. URL: <https://map.cluster.hse.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

¹² Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akitrf.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

пространственно-временных закономерностей и особенностей инновационных процессов¹³. Большое внимание в современных публикациях уделяется особенностям формирования инновационных территориальных кластеров, направлениям перетоков научных знаний, проблеме развития образования в области управления инновационными проектами. В ряде работ обобщаются результаты функционирования и развития зарубежных и российских инфраструктурных объектов, анализируются территориальные различия и эффективность инновационной деятельности в европейских странах и регионах, исследуются наиболее результативные технопарки и региональные инновационные кластеры в Северной Америке, Европе и Восточной Азии¹⁴. В большинстве зарубежных публикаций инфраструктурные компоненты рассматриваются как главные факторы социально-экономического развития, лидерства в области высоких технологий, обеспечивающие повышение качества жизни населения стран [9; 12–14]. Значительная часть научных работ посвящена проблеме функционирования и развития инновационных территориальных кластеров в экономически развитых странах Европы и Америки и их роли как средства региональной политики для выравнивания внутригосударственных территориальных различий в уровне социально-экономического развития [8; 9; 15].

Кластерный подход имеет ряд преимуществ перед другими формами организации производства [16; 17]. Они заключаются в следующем:

1. Усиление производственно-технологических и организационно-производственных связей между взаимодействующими предприятиями, научными и образовательными учреждениями является важной предпосылкой повышения эффективности производства субъектов кластера. Это создает благоприятные условия для взаимодействия предприятий разного масштаба, поддержки местного предпринимательства региональными органами власти. Отдельный экономический эффект достигается за счет территориальной смежности предприятий кластера при помощи совместного использования общей инфраструктуры, сокращения транспортных и транзакционных издержек.

2. Более рациональное использование средств федерального бюджета за счет определения приоритетных направлений инвестирования и установление на этой основе обладающих наибольшим потенциалом получателей государственной поддержки в кластере в условиях ограниченных финансовых ресурсов. Это направление перспективно при обосновании стимулирования новых высокотехнологичных отраслей и предприятий.

3. Государственная кластерная политика имеет системный характер в результате совместного участия федеральных и региональных органов власти при реализации комплексных социально-экономических программ поддержки инновационного предпринимательства с использованием всех институтов развития.

4. Кластерный подход повышает качество принимаемых решений за счет стратегического взаимодействия между органами власти на федеральном и региональном уровне, научно-техническими и предпринимательскими сообществами.

¹³ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России.

¹⁴ Синергия пространства...

Наличие обратной связи между всеми субъектами кластера, организациями, лицами, принимающими решения, позволяет сгладить негативные последствия реформирования экономики.

5. Оптимальное взаимодействие предпринимательского сообщества и органов власти в инновационных территориальных кластерах позволяет региону найти свою нишу в специализации на перспективных рынках в соответствии с имеющимися компетенциями.

Формирование кластеров может охватывать несколько десятилетий, в течение которых они проходят следующие стадии¹⁵ [18]:

- потенциальный кластер (высокая концентрация на территории предприятий одной отрасли как предпосылка кластеризации);
- протокластер (при высоком уровне концентрации производства появление взаимосвязанных предприятий одной или нескольких отраслей);
- предкластер (увеличение количества взаимосвязанных компаний нескольких отраслей производства);
- территориально-производственный кластер (аналог территориально-производственного комплекса, разработанного в отечественной науке);
- инновационно-территориальный кластер (значительное количество взаимосвязанных и конкурирующих фирм на определенной территории, производящих высокотехнологическую продукцию);
- инновационно-территориальный кластер с центром кластерного развития (тоже с наличием единой системы управления);
- эффективный инновационно-территориальный кластер с центром кластерного развития (тоже с высокой эффективностью производства в результате возникновения синергетических эффектов от кластеризации).

Таким образом, инновационные территориальные кластеры являются важным компонентом производственно-технологической инфраструктуры регионов, обуславливающим их эффективное социально-экономическое развитие. Намечившаяся в России тенденция к повышению уровня кластеризации экономики определяет актуальность рассмотрения территориальных аспектов формирования, функционирования и развития инновационных кластеров, многие направления исследования которых недостаточно освещены в современной научной литературе.

Материалы и методы. Информационной основой исследования служат официальные данные Федеральной службы государственной статистики¹⁶. Используются результаты рейтинга инновационных регионов России, проведенные Высшей школой экономики¹⁷ и Ассоциацией инновационных регионов России¹⁸. Состав и основные характеристики объектов производственно-технологической

¹⁵ Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России; Birudavolu S., Nag V. Regional Factors Influencing Innovation // Business Innovation and ICT Strategies. 2018. Pp. 211–238. https://doi.org/10.1007/978-981-13-1675-3_8

¹⁶ Федеральная служба государственной статистики России [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

¹⁷ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / В. Л. Абашкин [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 274 с.

¹⁸ Рейтинг инновационных регионов России Ассоциации инновационных регионов России. М. : АИРР, 2018. 54 с.

инфраструктуры представлены на сайте Ассоциации кластеров, технопарков и особых экономических зон России¹⁹ и сайте «Карта кластеров России»²⁰. Последний является информационной основой исследования, но различные виды данных представлены в нем в табличной форме, что не позволяет эффективно выявить пространственные закономерности размещения этого объекта инновационной инфраструктуры. Более действенных подходов визуализации данных по сравнению с геоинформационными системами о кластерах не существует, поэтому наша визуализация при помощи геоинформационных систем (ГИС), представленная в статье, является авторским подходом к изучению пространственных закономерностей функционирования и развития кластеров. Дополнительная информация получена на сайтах Министерства экономического развития Российской Федерации²¹, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации²², сайтах инновационных территориальных кластеров России. Эти данные отражают специализацию, показатели результативности инновационной деятельности, количественные показатели функционирования объектов инновационной инфраструктуры. Были проанализированы федеральные и региональные нормативно-правовые акты, регламентирующие кластерную политику России.

Информационной основой исследования являются электронные базы данных специализированной геоинформационной системы «Инновационные территориальные кластеры России». Разработана методика и проведены работы по проектированию их возможных вариантов и созданию их структуры на основе целевой ГИС-программы ArcGIS компании ESRI. Был создан соответствующий геоинформационный проект в ГИС-программе ArcGIS путем формирования спроектированных векторных слоев по регионам России, а также осуществлена общая настройка проекта и настройка его отдельных векторных слоев, в атрибутивных таблицах отражены поля с определенными ранее технологическими параметрами.

На начальном этапе исследования были созданы аналитические электронные карты для перспективной специализированной геоинформационной системы «Инновационная производственно-технологическая инфраструктура России (технопарки и инновационные территориальные кластеры)» с целью последующего проведения ГИС-картографирования характеристик географического распределения основных характеристик этих объектов производственно-технологической инфраструктуры. Объектом ГИС-проекта являются территориальные образования в разрезе субъектов Российской Федерации, предметом – определение и анализ пространственных закономерностей формирования и развития кластерных структур как основы регионального социально-экономического развития.

На следующем этапе исследования были выявлены территориальные различия дифференциации инновационных территориальных кластеров инновационной производственно-технологической инфраструктуры. Определены пространственные

¹⁹ Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akitrf.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

²⁰ Карта кластеров России [Электронный ресурс]. URL: <https://map.cluster.hse.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

²¹ Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

²² Министерство промышленности и торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

закономерности локализации отдельных компонентов инновационной инфраструктуры. Обобщающим результатом исследования стали выводы о путях совершенствования развития инновационных территориальных кластеров в регионах России на основе обнаруженных пространственных закономерностей функционирования этого важного компонента инновационной инфраструктуры.

Результаты исследования. Понятие «инновационный территориальный кластер» появилось лишь в 1970-х гг. Практическая реализация кластерной политики в экономически развитых странах началась в 1980-е гг. В настоящее время кластеры получили широкое развитие в Западной Европе (более 50 % занятых в экономике и науке, большая часть патентов) и в США (около 35 % занятых в экономике и науке, половина доходов и более 90 % объектов интеллектуальной собственности). Причем в наибольшей степени кластерные структуры присутствуют в производстве высокотехнологичной продукции и услуг.

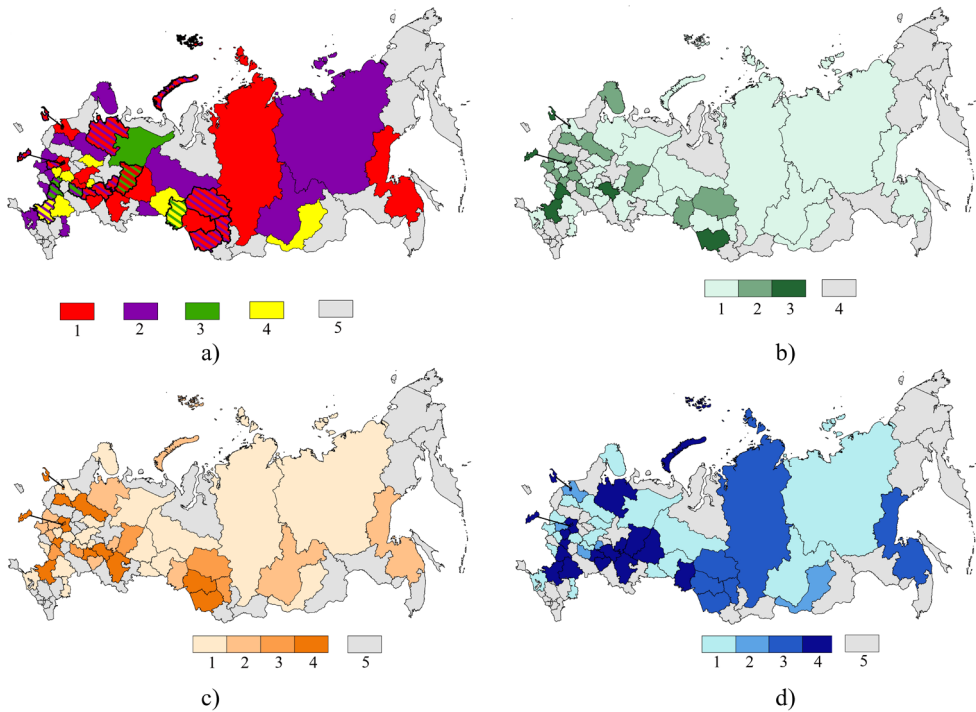
В России кластерные инициативы начали реализовываться с середины 1990-х гг. Основными структурами, осуществляющими кластерную политику, являются федеральные органы власти – Министерство экономического развития России, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. В ряде регионов России функционируют центры кластерного развития. При обосновании проведения кластерной политики в России проанализирован и частично учтен опыт западноевропейских кластерных инициатив. Был детально изучен опыт немецкой программы поддержки биотехнологий BioRegio, в процессе реализации которой удалось привлечь 700 млн евро, в 4 раза увеличить число компаний отрасли и создать более 9 000 высококвалифицированных рабочих мест. Реализация этой кластерной инициативы позволила Германии стать лидером Европы в области биотехнологий. Был учтен также опыт французской кластерной инициативы Competitiveness clusters, осуществление которой позволило создать 7 кластеров мирового уровня, 10 – потенциально мирового уровня и 54 конкурентоспособных кластера национального уровня в различных высокотехнологичных отраслях [19].

Законодательно обеспечение кластерной политики в России было заложено еще в 2008 г. в распоряжениях Правительства Российской Федерации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г.»²³ и «Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г.»²⁴. В дальнейшем законодательное регламентирование деятельности инновационных территориальных кластеров было организационно закреплено в 2012 г. в рамках программы поддержки пилотных инновационных территориальных кластеров. На конкурсной основе из 94 заявок на статус «пилотный инновационный территориальный кластер» было отобрано 25. В настоящее время их количество расширено до 27 (рис. 1). В России в настоящее время функционируют более 100 кластеров, в том числе 6 межрегиональных, в 46 регионах. В 39 регионах страны инновационные территориальные кластеры отсутствуют. Наряду с пилотными инновационными

²³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р. URL: <http://government.ru/docs/all/66158/> (дата обращения: 09.02.2023).

²⁴ Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 08 дек. 2011 г. № 2227-р. URL: <http://government.ru/docs/9282/> (дата обращения: 09.02.2023).

территориальными кластерами существуют следующие виды федеральной поддержки кластерных структур: поддержка центром кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России по поддержке малого и среднего предпринимательства и включение в перечень промышленных кластеров, утверждаемый Минпромторгом России (рис. 1). Незначительная часть кластеров поддерживается только региональными органами власти.

Р и с. 1. Основные показатели по инновационным территориальным кластерам:
а) статус кластеров: 1 – включен в перечень пилотных инновационных территориальных кластеров; 2 – поддерживается центром кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России по поддержке малого и среднего предпринимательства; 3 – включен в перечень промышленных кластеров, утверждаемый Минпромторгом России; 4 – поддерживается региональными органами власти; 5 – кластеры отсутствуют;
б) количество кластеров, ед.: 1 – 1–2; 2 – 3–4; 3 – более 4; 4 – кластеры отсутствуют;
в) число участников кластеров, ед.: 1 – менее 40; 2 – 40–70; 3 – 71–100; 4 – более 100; 5 – кластеры отсутствуют;
г) численность работников кластеров, чел.: 1 – менее 10 000; 2 – 10 000–20 000; 3 – 20 001–30 000; 4 – более 30 000; 5 – кластеры отсутствуют²⁵

Fig. 1. Main indicators for innovative territorial clusters:

- a) the status of clusters: 1 – included in the list of pilot innovative territorial clusters; 2 – supported by the cluster development center within the framework of the Ministry of Economic Development of Russia program to support small and medium-sized businesses; 3 – included in the list of industrial clusters approved by the Ministry of Industry and Trade of Russia; 4 – supported by regional authorities; 5 – there are no clusters;
- b) number of clusters, units: 1 – 1–2; 2 – 3–4; 3 – more than 4; 4 – there are no clusters;
- c) number of cluster members, units: 1 – less 40; 2 – 40–70; 3 – 71–100; 4 – more than 100; 5 – there are no clusters;
- d) number of cluster employees, people: 1 – less 10000; 2 – 10000–20000; 3 – 20001–30000; 4 – more than 30,000; 5 – there are no clusters

²⁵ Рисунок составлен автором статьи.

Организационное оформление и формирование инновационных территориальных кластеров произошло в России значительно позже, чем в экономически развитых странах мира. Только в 2012 г. в рамках программы поддержки пилотных инновационных территориальных кластеров были созданы первые 25 кластеров. В дальнейшем отмечаются одни из самых высоких темпов кластеризации экономики в мире. В соответствии с компонентом кластерной концентрации Глобального инновационного индекса в 2018 г. Россия занимала 101 место, в 2020 г. – 85, а в 2022 г. – уже 54²⁶.

Наибольшая концентрация инновационных кластеров характерна для регионов с высоким уровнем инновационного развития: Санкт-Петербург и Москва, Центральная Россия (Брянская, Воронежская, Липецкая, Московская, Новгородская, Пензенская, Рязанская, Смоленская области), Поволжье (Республика Татарстан, Волгоградская область), Северный Кавказ (Ростовская область), Урал и Сибирь (Алтайский и Пермский края, Томская, Омская области). В этих регионах формируется от 3 до 4 инновационных территориальных кластеров. По 2 кластера размещено в 29 субъектах страны, а в большинстве других регионов – по одному. Лишь 10 % кластеров имеют высокий уровень развития, пятая часть – средний. Основная часть кластеров (около 70 %) находится на начальной стадии формирования. Сложившаяся ситуация свидетельствует об отсутствии в большинстве инновационных территориальных кластеров устойчивых технико-технологических, производственных, научно-технических, организационно-управленческих связей между структурными компонентами кластеров, в большинстве случаев они носят эпизодический, стохастический характер [20].

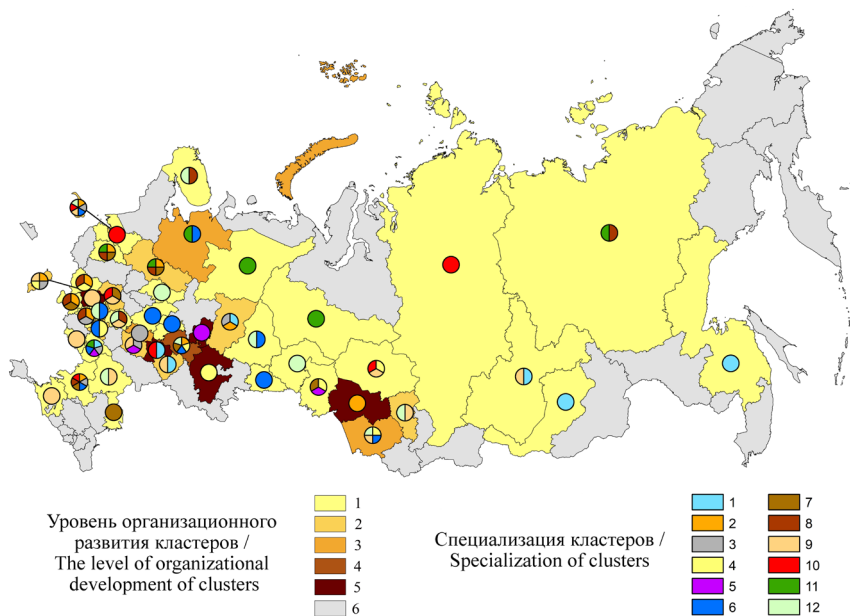
В функционировании кластеров участвуют около 4 тыс. инновационных предприятий, технопарков, научных и образовательных организаций. В большинстве регионов России количество субъектов инновационной деятельности, которые входят в состав кластерных структур, составляет несколько десятков (от 1 до 100). Наибольшая территориальная концентрация участников кластеров отмечается в Республике Татарстан (более 500), г. Санкт-Петербурге (около 300), г. Москве, Новосибирской области, Республике Башкортостан (более 200) (рис. 1).

Общая численность работников кластеров превышает 1,5 млн чел., что составляет около 2 % от всех занятых в экономике. Отмечается крайняя неравномерность распределения этого параметра по регионам России. В большинстве кластеров занято менее 1 тыс. чел. Самая большая численность работников, занятых в кластерах, наблюдается в Татарстане (более 200 тыс. чел.), Москве и Санкт-Петербурге (более 100 тыс. чел.) (рис. 1). Лидерами по числу занятых являются Самарский аэрокосмический кластер (космическая промышленность), Удмуртский машиностроительный кластер (оборонно-промышленный комплекс), инновационный территориальный кластер «Технополис «Новый Звездный»» (ракетное и авиационное двигателестроение) – более 155 тыс. чел., Камский инновационный кластер (автомобилестроение), фармацевтические кластеры – Инновационный территориальный кластер «ФИЗТЕХ XXI», Волгоградский фармацевтический кластер, Томский фармацевтический кластер – около

²⁶ Global Innovation Index. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/> (дата обращения: 09.02.2023).

150 тыс. чел., Архангельский инновационный кластер и Композитный кластер Санкт-Петербурга (судостроение) – более 50 тыс. чел. [20].

Инновационные территориальные кластеры представлены большим набором отраслей специализации (рис. 2).

Р и с. 2. Уровень организационного развития и специализация кластеров в регионах России. Уровень организационного развития кластеров: 1 – низкий; 2 – низкий и средний; 3 – средний; 4 – средний и высокий; 5 – высокий; 6 – кластеры отсутствуют. Специализация кластеров: 1 – аэрокосмическая промышленность; 2 – информационно-коммуникационные технологии; 3 – микроэлектроника и приборостроение; 4 – новые материалы; 5 – оборонная промышленность; 6 – производство среднетехнологической продукции машиностроения; 7 – отрасли АПК; 8 – туризм; 9 – фармацевтика и биотехнологии; 10 – ядерные и радиационные технологии; 11 – лесная промышленность; 12 – прочие отрасли²⁷

Fig. 2. The level of organizational development and specialization of clusters in the regions of Russia. The level of organizational development of clusters: 1 – low; 2 – low and medium; 3 – medium; 4 – medium and high; 5 – high; 6 – there are no clusters. Specialization of clusters: 1 – aerospace industry; 2 – information and communication technologies; 3 – microelectronics and instrumentation; 4 – new materials; 5 – defense industry; 6 – production of medium-technological engineering products; 7 – agricultural industries; 8 – tourism; 9 – pharmaceuticals and biotechnology; 10 – nuclear and radiation technologies; 11 – forestry industry; 12 – other industries

Специализация формируется под воздействием следующих факторов: наличие отдельных видов природных ресурсов (отрасли АПК, лесная, нефтяная, газовая промышленность, туризм), наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов и соответствующей инфраструктуры (аэрокосмическая промышленность, микроэлектроника, приборостроение, отрасли оборонно-промышленного комплекса, фармацевтика). На государственном уровне приоритетное развитие

²⁷ Рисунок составлен автором по: Карта кластеров России [Электронный ресурс]. URL: <https://map.cluster.hse.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).

получили кластеры, специализирующиеся на высокотехнологичных отраслях экономики, в которых Россия отстает от мировых лидеров: микроэлектроника и точное приборостроение, фармацевтика и биотехнологии, производство нано- и композитных материалов и среднетехнологичной продукции машиностроения, информационно-коммуникационные технологии. Достаточно большое значение приобретают туристские инновации, что обусловлено необходимостью более активного освоения огромного внутреннего рекреационного рынка. Благодаря значительному количеству инноваций в отраслях АПК обеспечивается поддержание и укрепление высокого уровня обеспечения продовольственной безопасности страны.

Исследование инновационных территориальных кластеров России позволило выявить пространственные закономерности и факторы их формирования и развития. Благоприятными предпосылками создания и формирования региональных инновационных кластеров являются уровень социально-экономического развития регионов, степень концентрации и диверсификации объектов инновационной инфраструктуры, инновационная активность промышленных предприятий, высокое качество человеческого капитала, а также уровень развития информационно-коммуникационных технологий [20].

Обсуждение и заключение. Результаты исследования пространственных закономерностей функционирования инновационных территориальных кластеров в регионах России позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Инновационные территориальные кластеры являются одним из важнейших факторов социально-экономического развития регионов России. Геоинформационные системы – наиболее эффективный метод определения и анализа пространственных закономерностей функционирования важных объектов производственно-технологической инфраструктуры с точки зрения их динамики, организационно-правового статуса, численности занятых и определения перспектив развития этих объектов инновационной инфраструктуры. Геоинформационное моделирование также становится наиболее оптимальным средством обнаружения степени диверсификации инновационных территориальных кластеров, которое позволяет наглядно отразить уровень концентрации и взаимосвязи различных инфраструктурных объектов.

2. Выявлены следующие закономерности функционирования и развития инновационных территориальных кластеров:

– организационные формы инновационных территориальных кластеров в России сформировались значительно позже, чем в экономически развитых странах мира. В настоящее время это компенсируется высокими темпами кластеризации экономики, о чем свидетельствуют показатели кластерной концентрации Глобального инновационного индекса;

– главные факторы территориальной концентрации инновационных территориальных кластеров: высокий уровень социально-экономического развития, насыщенность и диверсификация объектов технико-технологической инфраструктуры, степень инновационной активности промышленных предприятий, научный и образовательный потенциал региона, высокая квалификация трудовых ресурсов;

– большая пространственная неравномерность размещения инновационных территориальных кластеров. Большинство их сосредоточено в регионах, где наблюдаются наилучшая обеспеченность всеми компонентами инновационной инфраструктуры и высокий уровень развития информационных технологий;

– специализация создаваемых кластеров определяется приоритетами научно-технологического развития России. В соответствии с этим в кластерах в первую очередь развиваются такие высокотехнологичные отрасли экономики, как микроэлектроника и точное приборостроение, фармацевтика и биотехнологии, производство нано- и композитных материалов и информационно-коммуникационные технологии;

– проявляются тенденции к росту количества инновационных территориальных кластеров, числа участников и занятых работников в них, а также увеличению регионов России, вовлеченных в кластерные инициативы.

3. Главное назначение формирующихся инновационных территориальных кластеров – это насыщение огромного внутреннего рынка высокотехнологическими товарами, услугами и технологиями с целью достижения технологической независимости страны. Инновационные территориальные кластеры финансируются в основном из федерального бюджета при недостаточном применении механизмов государственно-частного партнерства и слабом привлечении корпоративных и частных капиталовложений в реализацию инновационных проектов. Данный подход требует повышения инвестиционной привлекательности при создании инновационных территориальных инфраструктурных объектов. Для их резидентов должны быть созданы максимально благоприятные финансовые, арендные, налоговые условия, обеспечен доступ для работы на новейшем оборудовании.

4. Совершенствование кластерной политики России должно осуществляться одновременно по двум направлениям: во-первых, увеличение количества организаций, учебных, научных заведений и инновационно-активных предприятий, прежде всего малого и среднего бизнеса, и увеличение числа занятых в кластерах, во-вторых, усиление технологических, организационно-производственных связей внутри инновационных территориальных кластеров и при взаимодействии с другими кластерами. Данные меры позволят повысить уровень конкурентности кластеров, что является главной движущей силой их дальнейшего развития. Это требует диверсификации всех компонентов кластерных структур в направлении усиления прикладных аспектов исследовательской деятельности в соответствии с приоритетами научно-технологического развития страны на современном этапе.

Таким образом, региональные направления исследования важной организационной структуры национальной инновационной системы – территориальных кластеров – еще находятся на начальном этапе развития. В то же время данные исследования имеют важную научную и практическую значимость. Они необходимы для организаций и лиц, принимающих решения в области определения кластерной политики государства для обоснования стратегии ее реализации. Главные направления проводимой кластерной политики должны быть основаны на решении следующих практических вопросов объективного процесса формирования и развития кластеров: совершенствовании соответствующей

нормативно-правовой базы; формировании эффективной маркетинговой системы коммерциализации инноваций; трансформации системы высшего образования в направлении усиления роли инновационного менеджмента и навыков управления технико-технологическими проектами. Это обусловлено тем, что дальнейшее развитие экономики страны во многом связано с нарастанием уровня кластеризации высокотехнологичных отраслей производства, что является важной предпосылкой научно-технологической конкурентоспособности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подходы к оценке эффективности функционирования объектов инновационной инфраструктуры в России / В. А. Барина [и др.] // *Инновации*. 2014. № 3. С. 42–51. URL: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2014/innovacii-n3-2014/podhody-k-ocenke-dostatochnosti-i-effektivnosti-funkcionirovaniya-obektov-innovacionnoj-infrastruktury-v-rossii> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Макар С. В., Носонов А. М. Оценка и пространственные закономерности развития инновационной деятельности в регионах России // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Т. 10, № 4. С. 96–106. URL: http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2017_№4.pdf (дата обращения: 09.02.2023).
3. Королева Л. П., Кандрашкина М. А. Инновационная инфраструктура: сущность и тенденции развития в Республике Мордовия // *Системное управление*. 2014. Вып. 3 (24).
4. Носонов А. М. Производственно-технологическая инновационная инфраструктура регионов России // *Региология*. 2019. Т. 27, № 3. С. 436–460. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.436-460>
5. Терехова С. В. Инновационная инфраструктура в регионе: проблемы и направления развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 6 (36). С. 199–212. <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.15>
6. Hasan S., Klaiber H. A., Sheldon I. The Impact of Science Parks on Small- and Medium-Sized Enterprises Productivity Distributions: The Ease of Taiwan and South Korea // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 54. Pp. 1–19. <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0083-8>
7. Miguelez E., Moreno R. Knowledge Flows and the Absorptive Capacity of Regions // *Research Policy*. 2015. Vol. 44, issue 4. Pp. 833–848. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.01.016>
8. Moreno R., Paci R., Usai S. Innovation Clusters in the European Regions // *European Planning Studies*. 2006. Vol. 14, issue 9. Pp. 1235–1263. <https://doi.org/10.1080/09654310600933330>
9. Cooke P. Biotechnology Clusters as Regional, Sectoral Innovation Systems // *International Regional Science Review*. 2002. Vol. 25, issue 1. Pp. 8–37. <https://doi.org/10.1177/016001760202500102>
10. Creativity, Clusters and the Competitive Advantage of Cities / R. Martin [et al.] // *Competitiveness Review*. 2015. Vol. 25, issue 5. Pp. 482–496. <https://doi.org/10.1108/CR-07-2015-0069>
11. Scholl T., Brenner T. Detecting Spatial Clustering Using a Firm-Level Cluster Index // *Regional Studies*. 2016. Vol. 50, issue 6. Pp. 1054–1068. <https://doi.org/10.1080/00343404.2014.958456>
12. Audretsch D. B., Heger D., Veith T. Infrastructure and Entrepreneurship // *Small Business Economics*. 2015. Vol. 44, issue 2. Pp. 219–230. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9600-6>
13. Romer P. M. Mathiness in the Theory of Economic Growth // *American Economic Review*. 2015. Vol. 105, no. 5. Pp. 89–93. <https://doi.org/10.1257/aer.p20151066>
14. Scranton P. Infrastructure: Reappraisal and Reorientation // *Enterprise, Organization, and Technology in China*. Palgrave Macmillan Cham, 2019. Pp. 199–230. https://doi.org/10.1007/978-3-030-00398-2_7
15. Sunny S. A., Shu C. Investments, Incentives, and Innovation: Geographical Clustering Dynamics as Drivers of Sustainable Entrepreneurship // *Small Business Economics*. 2019. Vol. 52, issue 4. Pp. 905–927. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9941-z>
16. Десять лет кластерной политики в России: логика ведомственных подходов / Е. С. Куценко [и др.] // *Инновации*. 2017. № 12 (230). С. 46–58. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/214022951.pdf> (дата обращения: 09.02.2023).
17. Tassegy G. Modeling and Measuring the Economic Roles of Technology Infrastructure // *Economics of Innovation and New Technology*. 2008. Vol. 17, issue 7-8. Pp. 617–631. <https://doi.org/10.1080/10438590701785439>

18. Caiazza R., Richardson A., Audretsch D. J. Knowledge Effects on Competitiveness: From Firms to Regional Advantage // *The Journal of Technology Transfer*. 2015. Vol. 40, issue 6. Pp. 899–909. <https://doi.org/10.1007/s10961-015-9425-8>
19. Абашкин В. Л., Бояров А. Д., Куценко Е. С. Кластерная политика в России: от теории к практике // *Форсайт*. 2012. Т. 6, № 3. С. 16–27. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2012.3.16.27>
20. Носонов А. М., Сарайкина С. В. Территориальные инновационные кластеры как перспективный компонент инновационной инфраструктуры России // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2022. Т. 8, № 3. С. 208–216. URL: <http://geopolitika.cfuv.ru/территориальные-инновационные-кластеры/> (дата обращения: 09.02.2023).

Поступила 27.02.2023; одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 11.04.2023.

Об авторе:

Носонов Артур Модестович, доктор географических наук, профессор кафедры физической и социально-экономической географии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>, Researcher ID: S-1126-2016, Scopus ID: 57190430793, artno@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Barinova V.A., Maltseva A.A., Sorokina A.V., Eremkin V.A. Approaches to Assessing the Adequacy and Efficiency of the Innovation Infrastructure Facilities in Russia. *Innovations*. 2014;(3):42–51. Available at: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2014/innovacii-n3-2014/podhody-k-ocenke-dostatochnosti-i-effektivnosti-funkcionirovaniya-obektov-innovacionnoj-infrastruktury-v-rossii> (accessed 09.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Makar S.V., Nosenov A.M. Assessment and Spatial Regularities of the Innovative Activity Development in the Regions of Russia. *Economics, Taxes & Law*. 2017;10(4):96–106. Available at: http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2017_№4.pdf (accessed 09.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Koroleva L.P., Kandrashkina M.A. [Innovation Infrastructure: Essence and Tendencies of Development in the Republic of Mordovia]. *Sistemnoye upravleniye*. 2014;(3). (In Russ.)
4. Nosenov A.M. Productive and Technological Innovation Infrastructure of the Regions of Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(3):436–460. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.436-460>
5. Terebova S.V. Innovation Infrastructure in the Region: Problems and Directions of Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2014;(6):199–212. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.15>
6. Hasan S., Klaiber H.A., Sheldon I. The Impact of Science Parks on Small- and Medium-Sized Enterprises Productivity Distributions: The Case of Taiwan and South Korea. *Small Business Economics*. 2018;54:1–19. <https://doi.org/10.1007/s11187-018-0083-8>
7. Miguelez E., Moreno R. Knowledge Flows and the Absorptive Capacity of Regions // *Research Policy*. 2015;44(4):833–848. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.01.016>
8. Moreno R., Paci R., Usai S. Innovation Clusters in the European Regions. *European Planning Studies*. 2006;14(9):1235–1263. <https://doi.org/10.1080/09654310600933330>
9. Cooke P. Biotechnology Clusters as Regional, Sectoral Innovation Systems. *International Regional Science Review*. 2002;25(1):8–37. <https://doi.org/10.1177/016001760202500102>
10. Martin R., Florida R., Pogue M., Mellander C. Creativity, Clusters and the Competitive Advantage of Cities. *Competitiveness Review*. 2015;25(5):482–496. <https://doi.org/10.1108/CR-07-2015-0069>
11. Scholl T., Brenner T. Detecting Spatial Clustering Using a Firm-Level Cluster Index. *Regional Studies*. 2016;50(6):1054–1068. <https://doi.org/10.1080/00343404.2014.958456>
12. Audretsch D.B., Heger D., Veith T. Infrastructure and Entrepreneurship. *Small Business Economics*. 2015;44(2):219–230. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9600-6>

13. Romer P.M. Mathiness in the Theory of Economic Growth. *American Economic Review*. 2015;105(5):89–93. <https://doi.org/10.1257/aer.p20151066>
14. Scranton P. Infrastructure: Reappraisal and Reorientation. In: Scranton P. Enterprise, Organization and Technology in China. Palgrave Macmillan, Cham; 2019. p. 199–230. https://doi.org/10.1007/978-3-030-00398-2_7
15. Sunny S.A., Shu C. Investments, Incentives, and Innovation: Geographical Clustering Dynamics as Drivers of Sustainable Entrepreneurship. *Small Business Economics*. 2019;52(4):905–927. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9941-z>
16. Kutsenko E.S., Abashkin V.L., Fiyaksel V.A., Islankina E.A. A Decade of Cluster Policy in Russia: A Comparative in Outlook. *Innovations*. 2017;(12):46–58. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/214022951.pdf> (accessed 09.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Tassej G. Modeling and Measuring the Economic Roles of Technology Infrastructure. *Economics of Innovation and New Technology*. 2008;17(7-8):617–631. <https://doi.org/10.1080/10438590701785439>
18. Caiazza R., Richardson A., Audretsch D.J. Knowledge Effects on Competitiveness: From Firms to Regional Advantage. *The Journal of Technology Transfer*. 2015;40(6):899–909. <https://doi.org/10.1007/s10961-015-9425-8>
19. Abashkin V.L., Boyarov A.D., Kutsenko E.S. Cluster Policy in Russia: From Theory to Practice. *Foresight*. 2012;6(3):16–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2012.3.16.27>
20. Nosonov A.M., Saraikina S.V. Territorial Innovation Clusters as a Promising Component of Russia's Innovation Infrastructure. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2022;8(3):208–216. Available at: <http://geopolitika.cfuv.ru/территориальные-инновационные-класт/> (accessed 09.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 27.02.2023; revised 29.03.2023; accepted 11.04.2023.

About the author:

Arthur M. Nosonov, Dr. Sci. (Geogr.), Professor, Department of Physical and Socio-Economic Geography, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4719-0166>, Researcher ID: S-1126-2016, Scopus ID: 57190430793, artno@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 334.7:316.334.52

doi: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.514-526

Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

A Review of Academic Research on Regional Entrepreneurship: A Bibliometric Analysis

M. Olumekor^a ✉S. N. Polbitsyn^aU. K. Singh^b

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)

^b University of Delhi (New Delhi, India)
✉ molumekor@urfu.ru

Abstract

Introduction. Prior studies have connected entrepreneurship to the economic growth of regions. This fact has led to an increase in academic interest on regional entrepreneurship in Russia and around the world. However, these studies are highly diverse in their research scope, goals, methodologies and results. Therefore, the goal of this paper is to provide some coherence and synthesis to academic research on regional entrepreneurship in Russia.

Materials and Methods. Using a bibliometric method of analysis, this research presents an empirical review of academic studies on entrepreneurship in Russian regions. To maintain a quality threshold, our research focus was limited to studies indexed in the Scopus citation database. We analysed 361 articles from 2006 to 2022. The research includes a thorough performance analysis and a scientific mapping of the field.

Results. Our results show that the main thematic clusters include entrepreneurship, innovation system, government support, knowledge economy and competitiveness, while emerging themes include pandemic, digitalisation, higher education and investment attractiveness, among others. Also, we identified a number of research gaps, particularly in the sociological research of entrepreneurs, and propose suggestions for future research.

Discussion and Conclusion. This article provides an important resource for scholars interested in the study of regional entrepreneurship in Russia and around the world.

Keywords: entrepreneurial sociology, regional entrepreneurship, bibliometric, individual entrepreneur, regional economy, entrepreneurial behaviour, socio-economic development

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University project within the Priority 2030 program).

For citation: Olumekor M., Polbitsyn S.N., Singh U.K. A Review of Academic Research on Regional Entrepreneurship: A Bibliometric Analysis. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):514–526. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.514-526>

© Olumekor M., Polbitsyn S. N., Singh U. K., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Обзор исследований по региональному предпринимательству: библиометрический анализ

М. Олумекор¹ ✉, С. Н. Полбицын¹, У. К. Сингх²

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

² Делийский университет (г. Нью-Дели, Индия)

✉ molumekor@urfu.ru

Аннотация

Введение. Предыдущие исследования связывали развитие предпринимательства с экономическим ростом регионов. Понимание этого факта привело к росту академического интереса к исследованию регионального предпринимательства в России и во всем мире. Однако эти исследования весьма разнообразны по целям, применяемым методологиям и полученным результатам. Цель статьи – на основе проведенного библиометрического анализа обеспечить согласованность и обобщение академических исследований по региональному предпринимательству в России.

Материалы и методы. Проведен эмпирический обзор академических публикаций по предпринимательству в российских регионах с использованием библиометрического анализа. Для обеспечения качества проведенного исследования наше внимание было ограничено работами, индексируемыми в базе данных цитирования Scopus. Проанализирована 361 статья с 2006 по 2022 г. В исследовании также применялись тщательный анализ производительности и научное картирование области.

Результаты исследования. Определено, что основные тематические кластеры включают следующие темы: предпринимательство, инновационная система, государственная поддержка, экономика знаний и конкурентоспособность; среди новых тем ученых интересуют пандемия, цифровизация, высшее образование и инвестиционная привлекательность. Выявлен ряд пробелов в научной литературе, особенно в социологических исследованиях предпринимателей. Предложены рекомендации для будущих исследований.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование и полученные результаты представляют собой важный академический ресурс для ученых, заинтересованных в изучении регионального предпринимательства в России и во всем мире.

Ключевые слова: социология предпринимательства, региональное предпринимательство, библиометрия, индивидуальный предприниматель, региональная экономика, предпринимательское поведение, социально-экономическое развитие,

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Для цитирования: Олумекор М., Полбицын С. Н., Сингх У. К. Обзор исследований по региональному предпринимательству: библиометрический анализ // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 514–526. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.514-526>

Introduction. There is an increasing interest in developing entrepreneurship at the regional level in many countries of the world. There is now a broad consensus in academic research that entrepreneurship can lead to regional economic growth, job creation and poverty reduction [1–4]. Furthermore, academic interest in entrepreneurship continues to rise.

The purpose of this study is to thoroughly investigate academic research on the analysis of entrepreneurship in regions of Russia. In order to control the quality of studies included in this review, we exclusively focus on articles indexed in the Scopus scientific database. Also, an earlier version of this research was presented

at the 17th International Conference “Russian Regions in the Focus of Change” in November 2022¹. Scopus is a reputable international database and is one of the most frequently used data sources for review studies [5]. In addition, Scopus has one of the leading collections of peer reviewed journals, books, conference proceedings and other scientific publications. Also, unlike eLibrary.ru which is more focussed on publications from Russia, Scopus provides an international benchmark for academic research in all parts of the world.

Literature Review. In different parts of the world, regional entrepreneurship has been analysed from the perspective of the knowledge economy [6], economic growth [7], electronic commerce and the internet [8–10], the triple helix model and entrepreneurial ecosystems [11; 12], job creation [2; 4], and COVID-19² [13], among others. In Russia, studies on regional entrepreneurship include research on indigenous and rural entrepreneurship³, gender issues in regional entrepreneurship [14], techno-entrepreneurship in Russian regions [15], the effects of COVID-19 on regional entrepreneurship [16], and entrepreneurship in the leisure industry of Russian regions⁴, among others.

A bibliometric method of analysis is a quantitative approach to literature review. It comprises of two main systems of analysis: a scientific mapping and analysis of performance [5; 17]. Unlike a traditional literature review, a bibliometric approach provides an objective method analysing large volumes of data, and for analysing the content and development of a research field. The bibliometric method of analysis for this research follows guidelines proposed by Donthu et al. [17] and recent standards in business and management research [18–20].

Within entrepreneurship research, bibliometric analyses have been used to examine entrepreneurship within public sector organisations [19], the ethical aspect of entrepreneurship [20], the rise of social entrepreneurship [21], the relationship between religion and entrepreneurship [22], the growth of rural entrepreneurship [23], and the relationship between crisis and entrepreneurship [24], among others.

To the best of our knowledge, our research provides the first quantitative review of academic research on entrepreneurship in Russian regions. The results include important suggestions for future research and provide a much-needed guide for researchers in the field. The research is structured in the following way. The following sections include the methodological process, results, discussion/research suggestions and conclusions/limitations.

¹ Olumekor M., Polbitsyn S. Entrepreneurship in Russian Regions: A Bibliometric Analysis. In: [17th International Conference “Russian Regions in the Focus of Changes” Coll. of Report]. Ekaterinburg: Azhur; 2023. p. 521–526.

² Olumekor M., Polbitsyn S. Problems for Regional Entrepreneurs Due to Economic Digitalisation and COVID-19. In: Collection of the XVI International Conference. 2022. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; 2022. p. 242–246.

³ Polbitsyn S. National Ruralities as the Blockchain for Global Agriinnovation System // Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship. 2018. p. 596–603; Abilova E., Zakharova E., Davydov D. Rural Entrepreneurship in the Region. In: E3S Web Conference EDP Sciences. 2021;258:06034. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806034>

⁴ Boyarchuk N.K., Bukreev I.A. Simulation of Entrepreneurship Development Scenarios in the Recreational Sphere of the Region. 2021. 12 p. Available at: <https://ceur-ws.org/Vol-2914/paper8.pdf> (accessed 14.03.2023).

Materials and Methods. This research uses a bibliometric method of analysis following the systematic process proposed in the guidelines of Donthu et al. [17], and the recent practice of Olumekor [19]. We aim to answer the following research questions:

RQ₁: What are the development patterns and bibliometric variables of academic research on entrepreneurship in Russian regions?

RQ₂: What are the gaps in academic research on entrepreneurship in Russian regions?

Before beginning the data collection process, it was important to set clear inclusion criteria to ensure objectivity and transparency. Therefore, studies would only be included in this research if they met all of the following inclusion criteria:

1. Articles must specifically analyse entrepreneurship or new business creation. Therefore, studies on other areas of business/economics would be excluded.

2. Studies must exclusively analyse one or more regions in Russia. Studies on other countries, or national studies on Russia without a direct examination of regions would be excluded.

3. Studies would be included only if they are indexed in the Scopus citation database. Therefore, studies in other scientific databases such as eLibrary.ru, Google Scholar and the Web of Sciences would be excluded unless they are also included in Scopus.

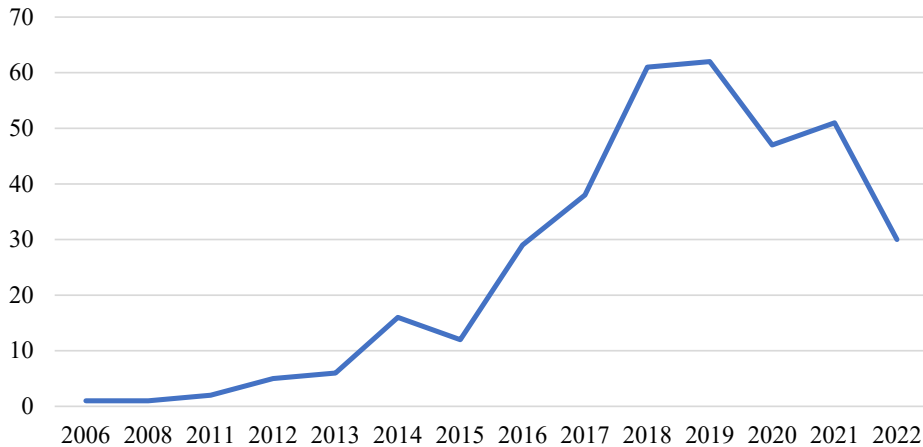
4. Studies that meet all of the aforementioned criteria would be included regardless of the type of publication. As such, studies in books, book chapters, conference proceedings and journal articles would be included.

Following a delineation of the inclusion criteria, we proceeded to begin the data collection process on Scopus. The main search was conducted on the 10th of November 2022 and includes the following search code: *TITLE-ABS-KEY (entrepreneurship AND region) OR (entrepreneur W/ region) AND (LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY,"Russian Federation"))*.

Following the search on Scopus, 387 articles ($n = 387$) were retrieved. All 387 articles were sorted using Microsoft Excel. The data included 243 journal articles ($n = 243$), 82 conference proceedings ($n = 82$), 41 book chapters ($n = 41$), 20 reviews ($n = 20$) and 1 data paper ($n = 1$). The next stage of analysis involved a painstaking screening of the title, abstract, key words and full article in doubtful cases. 24 articles were excluded for not meeting all of the outlined inclusion criteria. As a result, 361 articles ($n = 361$) were included in our results. The results include manual analyses/calculations, and a visualisation analysis using the VOSviewer software [25].

Results. Performance analysis. Number of publications. The first analysis was to examine the development of academic interest in regional entrepreneurship in Russia. We measured this by the number of publications on the topic. We found that studies on entrepreneurship in Russian regions have risen since they first began appearing in Scopus in 2006.

Figure 1 shows that while research output on regional entrepreneurship has increased since 2006, it has not always maintained a year-on-year increase. For examples, research output declined in the years 2015 and 2020. We believe the lower productivity for the year 2020 could be due to the COVID-19 pandemic. There was also a decline in 2022.

Note. 2022 shows data until the 10th of November 2022.

Source. Authors' calculations. Data from Scopus.

Fig. 1. Publications per year

Figure 1 shows that while research output on regional entrepreneurship has increased since 2006, it has not always maintained a year-on-year increase. For examples, research output declined in the years 2015 and 2020. We believe the lower productivity for the year 2020 could be due to the COVID-19 pandemic. There was also a decline in 2022.

Most productive universities. A frequently analysed metric in bibliometric studies is to analyse the most productive research institutions on a given topic. For our research, we analysed the Russian academic institutions with the most articles on regional entrepreneurship in Russia. Table 1 shows our results for this.

Table 1. Productive research organisations

Institutions	Number of articles
Russian Academy of Sciences	27
HSE University	24
Plekhanov Russian University of Economics	21
Ural Federal University	20
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)	20
Kazan Federal University	18
Financial University under the Government of the Russian Federation	14
Lomonosov Moscow State University	12
Institute of Economics of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences	12

Source. Authors' calculations. Data from Scopus.

Table 1 shows the results for the most productive research organisations. To calculate this, only research institutions with at least 12 articles on entrepreneurship in regions ($n \geq 12$) were included. The results show that the Russian Academy of

Sciences (RAN) is the leading institution in the research field ($n = 27$), while the Higher School of Economics is a close second ($n = 24$).

Leading authors. To calculate the leading authors, we analysed the authors with the greatest number of published researches on regional entrepreneurship in Russia. Other methods of analysis can include analysing the number of citations, or the Hirsch index (*h*-index) of the authors on the specific topic. The results of calculations: S. Zemtsov – 10 publications, V. A. Barinova – 7, R. I. Malikov – 6, R. A. Abramov – 5, M. S. Sokolov – 5, N. Z. Solodilova – 5.

For the leading authors, we included only authors with 5 or more articles in our calculations ($n \geq 5$). Productive authors include Zemtsov of RANEPa ($n = 10$), Barinova also of RANEPa ($n = 10$) and Malikov of Ufa State Petroleum Technological University ($n = 6$).

Leading journals and publications. To calculate the leading journals on regional entrepreneurship in Russia, we analysed journals and other types of publications with the highest number of published articles on the topic. Only journals/publications with at least 5 articles were included in the results ($n \geq 5$) which are shown in Table 3 below.

The results show (Table 2) that *Economy of Region* is the most active journal on regional entrepreneurship in Russia with 26 publications beginning in 2011. The *IOP Conference Series* is next with 24 publications. However, unlike *Economy of Region* which has been publishing on the topic for more than twelve years, studies in the *IOP Conference Series* have been published in the recent years. The high concentration of studies in the last five years means that the *IOP Conference Series* is presently the favourite method of publication for scholars of regional entrepreneurship. Other publications include the Springer book series, *Lecture Notes in Networks and Systems* ($n = 17$), and the *E3S Web of Conferences* ($n = 10$).

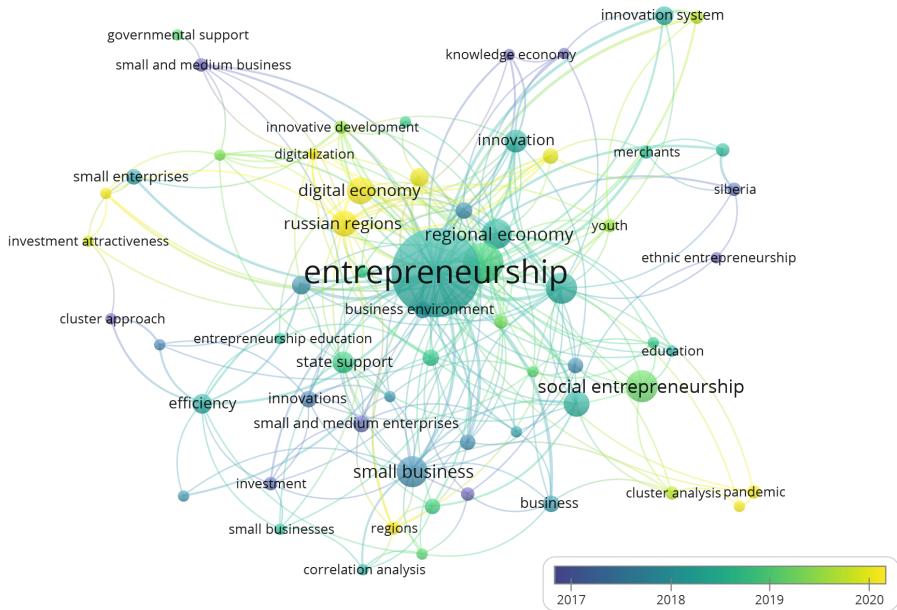
Table 2. Leading journals and publications

Journal / Publication	Number of articles	Published years
1	2	3
Academy of Entrepreneurship Journal	9	2018, 2019, 2020
ACM International Conference Proceeding Series	5	2020, 2021
Advances in Intelligent Systems and Computing	6	2018, 2020, 2021
Bylye Gody	6	2016, 2017, 2018, 2019, 2021
Contributions to Economics	6	2017, 2019, 2020
E3S Web of Conferences	10	2019, 2020, 2021
Economy of Region	26	2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2022
Espacios	5	2017, 2018, 2019
European Research Studies Journal	6	2016, 2018
International Journal of Supply Chain Management	5	2018, 2019, 2020
IOP Conference Series	24	2018, 2019, 2020, 2021, 2022
Journal of Advanced Research in Law and Economics	5	2015, 2017, 2019, 2020

Figure 2 shows that the leading thematic clusters include the entrepreneurship, small business, social entrepreneurship, digital economy, innovation, state support, and efficiency, among others.

In addition, we performed an overlay analysis of the co-word analysis. This type of analysis adds a time period to the thematic analysis and is therefore useful for analysing the emerging trends and themes on a topic [19; 25]. The results are shown in Figure 3 below.

Source. Author’s elaboration using VOSviewer. Data from Scopus.

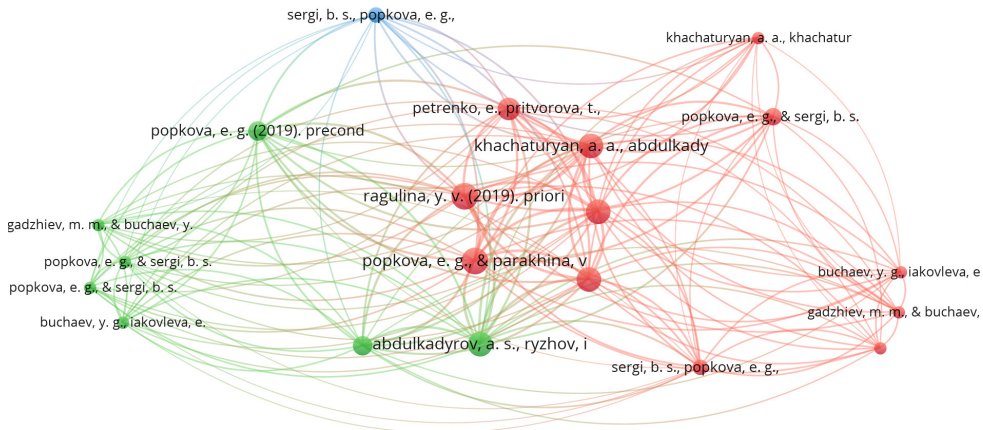
Fig. 3. Overlay analysis of co-word

Figure 3 shows that the trending/emerging themes include modernisation, pandemic, digital economy, investment attractiveness, digitalisation, cluster analysis, and higher education, among others. Furthermore, although themes like small business, investment analysis and cluster approach or analysis have remained constant, other themes such as regional innovative system, knowledge economy, agriculture, and food security have dwindled in recent years.

Co-citation analysis. Analysis of co-citation examines the references of studies within a research area to find analysis is to find similar themes [17; 27]. Co-citation presumes that two articles are similar in content if they are cited frequently together. To be included in our co-citation analysis, studies must be co-cited a minimum of 3 times ($n \geq 3$). Twenty-one studies met this threshold ($n = 21$).

From Figure 4, the most co-cited studies (in the red cluster) are not actually directly focussed on regional entrepreneurship. They include works by Ragulina [28] and Popkova & Parakhina [29], and Abdulkadyrov et al. [30]. Leading studies in other clusters include Popkova et al. [31] and Sergi⁵.

⁵ Tech, Smart Cities, and Regional Development in Contemporary Russia. In: Sergi B.S., editor. Tech, Smart Cities, and Regional Development in Contemporary Russia. Emerald Publishing Limited; 2019. p. i–xxiv. <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-881-020191001>

Source. Author's elaboration using VOSviewer. Data from Scopus.

Fig. 4. Co-citation

Discussion and Conclusion. Our results revealed that studies on regional entrepreneurship in Russia first appeared on Scopus in 2006 [32]. Since then, the academic field has grown exponentially to become one of the most vibrant areas of entrepreneurial research in Russia. Following international standards of bibliometric analysis [17; 33], this study contained a performance analysis providing a scoping review of the field, and scientific mapping, analysing the content, links and patterns in the field. The results of the performance analysis show the most productive academic institutions to be the Russian Academy of Sciences and Higher School of Economics (Table 1). Also, an analysis of the leading authors shows S. Zemtsov was the most productive, while an analysis of the leading journals shows the *Economy of Region* published the greatest number of articles on the topic (Table 2). Furthermore, results from the scientific mapping showed the most dominant thematic clusters include entrepreneurship, government support, knowledge economy, and correlation analysis, among others (Figure 2). The emerging and trending themes include investment attractiveness, digitalisation, pandemic, and others (Figure 3). While the growth and diversity of regional entrepreneurship research was evident in our analysis, we discovered a number of important gaps and propose them as future research directions.

Studies on entrepreneurship have discovered the presence of a lag structure from when a new business is created to when it produces direct and indirect economic benefits for the region [1; 2; 34]. However, very few studies in Russia have looked into this. Also, there are a number of gaps in the sociological aspect of regional entrepreneurial research. First, there has been a rising interest in social media entrepreneurship around the world, and studies have established a connection between social media usage and small business performance [35–37]. However, even though social media entrepreneurship is popular in Russia, academic research on it remains very limited. In addition, we found a significant gap in studies on the socio-economic behaviour of entrepreneurs in Russia. Whereas international entrepreneurial studies have long established the distinct behaviour and personalities of

entrepreneurs [38; 39], very few studies have looked into this in Russia. For example, studies have shown differences in the risk tolerance, need for achievement and locus of control between entrepreneurs and non-entrepreneurs [38; 39]. Similarly, we found some research gaps on entrepreneurial motivation in Russia. Prior studies have discovered a difference between necessity entrepreneurs, those pushed into entrepreneurship by negative circumstances, and opportunity entrepreneurs, those who go into entrepreneurship as a choice [40–42]. Nevertheless, in Russia, studies on this phenomenon are few. While these research gaps are by no means exhaustive, future studies should consider them.

This paper provides a synthesis of studies on regional entrepreneurship in Russia. We used a bibliometric system of analysis to quantitatively review the development of the field. Our analysis was composed of a performance review which included an investigation of the most productive authors and research organisations. Furthermore, we used a scientific mapping system to analyse the leading and trending themes within regional entrepreneurship research. To keep a quality threshold for the study, this research only includes studies from the Scopus citation database. Therefore, a limitation of this research is that it does not include studies in other bibliometric sources such as the Web of Sciences, eLibrary.ru and Google Scholar. The results should be carefully interpreted to reflect this.

REFERENCES

1. Fritsch M., Mueller P. Effects of New Business Formation on Regional Development over Time. *Regional Studies*. 2004;38(8):961–975. <https://doi.org/10.1080/0034340042000280965>
2. Fritsch M., Mueller P. The Evolution of Regional Entrepreneurship and Growth Regimes. In: Fritsch M., Schmude J., editors. *Entrepreneurship in the Region*. Boston, MA: Springer US; 2006. p. 225–244. https://doi.org/10.1007/0-387-28376-5_11
3. Van Stel A., Storey D.J. The Link between Firm Births and Job Creation: Is there a Upas Tree Effect? *Regional Studies*. 2004;38(8):893–909. <https://doi.org/10.1080/0034340042000280929>
4. Stel A. The Link between Firm Births and Job Creation. In: Stel A. *Empirical Analysis of Entrepreneurship and Economic Growth*. Boston, MA: Springer US; 2006. p. 113–144. https://doi.org/10.1007/0-387-29419-8_6
5. Linnenluecke M.K., Marrone M., Singh A.K. Conducting Systematic Literature Reviews and Bibliometric Analyses. *Australian Journal of Management*. 2020;45(2):175–194. <https://doi.org/10.1177/0312896219877678>
6. Vlasov M., Polbitsyn S.N., Olumekor M., Oke A. The Influence of Socio-Cultural Factors on Knowledge-Based Innovation and the Digital Economy. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022;8(4):194. <https://doi.org/10.3390/joitmc8040194>
7. Fritsch M., Wyrwich M. The Effect of Entrepreneurship on Economic Development – an Empirical Analysis Using Regional Entrepreneurship Culture. *Journal of Economic Geography*. 2017;17(1):157–189. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbv049>
8. Cumming D., Johan S. The Differential Impact of the Internet on Spurring Regional Entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2010;34(5):857–884. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2009.00348.x>
9. Olumekor M., Polbitsyn S.N. A Review of the Development of Electronic Commerce in Russia and Its Implications for Small Businesses. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2022;16(1):143–148. <https://doi.org/10.14529/em220114>
10. Olumekor M., Haddad H., Al-Ramahi N.M. The Relationship between Search Engines and Entrepreneurship Development: A Granger-VECM Approach. *Sustainability*. 2023;15(6):5053. <https://doi.org/10.3390/su15065053>

11. Sá E., Casais B., Silva J. Local Development through Rural Entrepreneurship, from the Triple Helix Perspective: The Case of a Peripheral Region in Northern Portugal. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2018;25(4):698–716. <https://doi.org/10.1108/IJEBR-03-2018-0172>
12. Roundy P.T., Fayard D. Dynamic Capabilities and Entrepreneurial Ecosystems: The Micro-Foundations of Regional Entrepreneurship. *The Journal of Entrepreneurship*. 2019;28(1):94–120. <https://doi.org/10.1177/0971355718810296>
13. Olumekor M., Stojić A., Kehler T., Polo F. The Impact of COVID-19 on the Quality of Life and Happiness of Care Home Residents in Croatia: A Cross-Sectional Study. *Behavioral Sciences*. 2022;12(11):463. <https://doi.org/10.3390/bs12110463>
14. Mikhaylova A.V., Popova L.N. Digital Economy and the Development of Women's Entrepreneurship: A Regional Aspect. In: Ashmarina S.I., Mantulenko V.V., editors. *Digital Economy and the New Labor Market: Jobs, Competences and Innovative HR Technologies*. Cham: Springer International Publishing; 2021. p. 329–335. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60926-9_42
15. Mantaeva E.L., Goldenova V.S., Slobodchikova I.V., Avadaeva I.V. The Role of Technological Entrepreneurship in the System of Regional Economy: Problems and Perspectives of Development. In: Popkova E.G., Sergi B.S., editors. "Smart Technologies" for Society, State and Economy. Cham: Springer International Publishing; 2021. p. 1406–1412. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_154
16. Zemtsov S., Chepurenko A., Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions. *Foresight and STI Governance*. 2021;15(4):61–77. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.61.77>
17. Donthu N., Kumar S., Mukherjee D., Pandey N., Lim W.M. How to Conduct a Bibliometric Analysis: An Overview and Guidelines. *Journal of Business Research*. 2021;133:285–296. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.04.070>
18. Zupic I., Čater T. Bibliometric Methods in Management and Organization. *Organizational Research Methods*. 2015;18(3):429–472. <https://doi.org/10.1177/1094428114562629>
19. Olumekor M. Public Sector Entrepreneurship: Scientific Mapping and Research Agenda. *Organizacija*. 2022;55(4):259–271. <https://doi.org/10.2478/orga-2022-0017>
20. Vallaster C., Kraus S., Merigó Lindahl J.M., Nielsen A. Ethics and Entrepreneurship: A Bibliometric Study and Literature Review. *Journal of Business Research*. 2019;99:226–237. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.02.050>
21. Rey-Martí A., Ribeiro-Soriano D., Palacios-Marqués D. A Bibliometric Analysis of Social Entrepreneurship. *Journal of Business Research*. 2016;69(5):1651–1655. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.10.033>
22. Block J., Fisch C., Rehan F. Religion and Entrepreneurship: A Map of the Field and a Bibliometric Analysis. *Management Review Quarterly*. 2020;70(4):591–627. <https://doi.org/10.1007/s11301-019-00177-2>
23. Pato M.L., Teixeira A.A.C. Twenty Years of Rural Entrepreneurship: A Bibliometric Survey. *Sociologia Ruralis*. 2016;56(1):3–28. <https://doi.org/10.1111/soru.12058>
24. Xu Z., Wang X., Wang X., Skare M. A Comprehensive Bibliometric Analysis of Entrepreneurship and Crisis Literature Published from 1984 to 2020. *Journal of Business Research*. 2021;135:304–318. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.06.051>
25. van Eck N.J., Waltman L. Software Survey: VOSviewer, a Computer Program for Bibliometric Mapping. *Scientometrics*. 2010;84(2):523–538. <https://doi.org/10.1007/s11192-009-0146-3>
26. Tal D., Gordon A. Women as Political Leaders: A Bibliometric Analysis of the Literature. *Society*. 2018;55(3):256–261. <https://doi.org/10.1007/s12115-018-0248-8>
27. Sweileh W.M. A Bibliometric Analysis of Health-Related Literature on Natural Disasters from 1900 to 2017. *Health Research Policy and Systems*. 2019;17(11):18. <https://doi.org/10.1186/s12961-019-0418-1>
28. Ragulina Y.V. Priorities of Development of Industry 4.0 in Modern Economic Systems with Different Progress in Formation of Knowledge Economy. In: Popkova E.G., Ragulina Y.V., Bogoviz A.V., editors. *Industry 4.0: Industrial Revolution of the 21st Century*. Cham: Springer International Publishing; 2019. Vol. 169. p. 167–174. https://doi.org/10.1007/978-3-319-94310-7_16
29. Popkova E.G., Parakhina V.N. Managing the Global Financial System on the Basis of Artificial Intelligence: Possibilities and Limitations. In: Popkova E.G., editor. *The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony*. Cham: Springer International Publishing; 2019. Vol. 57. p. 939–946. https://doi.org/10.1007/978-3-030-00102-5_100

30. Abdulkadyrov A.S., Ryzhov I.V., Stokov A.I., Kamzolov Yu.V. Current Aspects of Improving the Organization of Production of High-Tech Products. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Textile Industry Technology*. 2017;371:18–27. Available at: https://http.ivgpu.com/wp-content/uploads/2018/04/371_4.pdf (accessed 14.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
31. Popkova E.G., Egorova E.N., Popova E., Pozdnyakova U.A. The Model of State Management of Economy on the Basis of the Internet of Things. In: Popkova E.G., editor. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham: Springer International Publishing; 2019. Vol. 826. Pp. 1137–1144. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_116
32. Matsnev O. Venture Entrepreneurship: International Experience and Russian Practice. *Problems of Economic Transition*. 2006;49(8):33–43. <https://doi.org/10.2753/PET1061-1991490802>
33. Olumekor M.O. A Comparative Study of Higher Educational Institutions in Russia and England: Analyzing the Fulfilment Levels of Students. In: Bogoviz A.V., Ragulina J.V., editors. *Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration*. Cham: Springer International Publishing; 2021. Vol. 280. p. 1011–1019. https://doi.org/10.1007/978-3-030-80485-5_113
34. Baptista R., Escária V., Madruga P. Entrepreneurship, Regional Development and Job Creation: The Case of Portugal. *Small Business Economics*. 2008;30(1):49–58. <https://doi.org/10.1007/s11187-007-9055-0>
35. Mei M.Q., Genet C. Social Media Entrepreneurship: A Study on Follower Response to Social Media Monetization. *European Management Journal*. 2022. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.04.006>
36. Johnson N.E., Short J.C., Chandler J.A., Jordan S.L. Introducing the Contentpreneur: Making the Case for Research on Content Creation-Based Online Platforms. *Journal of Business Venturing Insights*. 2022;18:e00328. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00328>
37. Gustafsson V., Khan M.S. Monetising Blogs: Enterprising Behaviour, Co-creation of Opportunities and Social Media Entrepreneurship. *Journal of Business Venturing Insights*. 2017;7:26–31. <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2017.01.002>
38. Kerr S.P., Kerr W.R., Xu T. Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. 2018;14(3):279–356. <http://doi.org/10.1561/03000000080>
39. Collins C.J., Hanges P.J., Locke E.A. The Relationship of Achievement Motivation to Entrepreneurial Behavior: A Meta-Analysis. *Human Performance*. 2004;17(1):95–117. https://doi.org/10.1207/S15327043HUP1701_5
40. Acs Z. How is Entrepreneurship Good for Economic Growth? In: Acs Z. *Entrepreneurship, Growth and Public Policy*. Edward Elgar Publishing; 2008. p. 291–301. <https://doi.org/10.4337/9781035305421.00030>
41. Fairlie R.W., Fossen F.M. Opportunity Versus Necessity Entrepreneurship: Two Components of Business Creation. CESifo Working Paper Series No. 6854. 2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3140340>
42. Block J.H., Wagner M. Necessity and Opportunity Entrepreneurs in Germany: Characteristics and Earnings Differentials. *Schmalenbach Business Review*. 2010;62(2):154–174. <https://doi.org/10.1007/BF03396803>

Submitted 22.01.2023; revised 27.03.2023; accepted 06.04.2023.

Поступила 22.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 06.04.2023.

About the authors:

Michael Olumekor, Research Laboratory “Regional Development Strategies: Sustainability and Security of Economic Systems”, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1764-2240>, molumekor@urfu.ru

Sergey N. Polbitsyn, Dr. Sci (Econ.), Professor, Department of Regional Economy, Innovative Entrepreneurship and Security, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0640-616X>, s.n.polbitsyn@urfu.ru

Utsav Kumar Singh, Dr. Sci (Econ.), Associate Professor, Department of Economics, Shaheed Bhagat Singh College, University of Delhi (Sheikh Sarai, New Delhi 110017, India), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2309-3302>, adh.utsav@sbs.du.ac.in

Contribution of the authors:

M. Olumekor – conceptualization; methodology; data curation; formal data analysis; writing the original draft of the manuscript; data visualisation.

S. N. Polbitsyn – conceptualization; provision of resources; project administrator; scientific guidance.

U. K. Singh – conceptualization; methodology; data collection.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Об авторах:

Олумекор Майкл, исследователь научно-исследовательской лаборатории «Стратегии регионального развития: устойчивость и безопасность экономических систем» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1764-2240>, molumekor@urfu.ru

Полбицын Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0640-616X>, s.n.polbitsyn@urfu.ru

Сингх Утсав Кумар, доктор экономических наук, доцент экономического факультета Делийского университета (Шейх Сарай, г. Нью-Дели 110017, Индия), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2309-3302>, adh.utsav@sbs.du.ac.in

Заявленный вклад авторов:

М. Олумекор – изучение концепции; методология; курирование данных; формализованный анализ данных; написание первоначального проекта рукописи; визуализация данных.

С. Н. Полбицын – изучение концепции; обеспечение ресурсами; администратор проекта; научное руководство.

У. К. Сингх – изучение концепции; методология; сбор данных и доказательств.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

УДК 39:316.7

doi: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.527-547

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Этнособытийная привлекательность региона: анализ и оценка

И. А. Пакшина

*Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)
iraida-69@mail.ru*

Аннотация

Введение. Одним из инструментов позиционирования территории и способом создания положительного имиджа является демонстрация ее уникального этнического наследия. Мордовия, имея богатый опыт организации мегасобытий, в настоящее время ориентирована на проведение большого количества маломасштабных мероприятий. Цель статьи – на основе выполненного исследования определить отношение населения к проводимым этнофольклорным праздникам и оценить уровень интереса, проявляемый к ним, в контексте проблематики продвижения имиджа региона.

Материалы и методы. Информационную основу исследования составили результаты, полученные с применением совокупности методов: социологического опроса (населения и целевой группы) и анализа интерактивных документов (статистика запросов по ключевым словам в поисковой системе «Яндекс»). Данные онлайн-опроса позволили определить отношение населения к исследуемому портфелю событийных мероприятий. Сопоставление интенсивности поисковых запросов с ситуативным контекстом дало возможность зафиксировать и оценить интерес, проявляемый к этническим праздникам.

Результаты исследования. Выявлено, что идея продвижения региона с помощью проведения этнокультурных мероприятий пользуется поддержкой среди населения. Существенное значение им придают сотрудники учреждений культуры; население отдает приоритет спортивным состязаниям и театральным фестивалям. Для респондентов, позитивно воспринимающих регион, большей ценностью обладают этнические и фольклорные праздники. Сопоставление данных поисковых запросов с тематическим событийным контекстом позволило выявить устойчивость интереса к проводимым в республике этнокультурным мероприятиям. Установлено, что во время праздников значительно возрастает количество запросов справочного характера, но отсутствуют поисковые запросы о развлекательных, обрядовых и игровых компонентах событий, образующих этническую специфику.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что этническая маркировка маломасштабных мероприятий является эффективным способом притяжения внимания и успешной стратегией развития внешней и внутренней привлекательности региона. Выявленная этнособытийная привлекательность территории имеет практическую значимость для специалистов, занимающихся технологиями позиционирования и продвижения бренда региона.

Ключевые слова: портфель событийных мероприятий, маломасштабные мероприятия, этнокультурное своеобразие, этнособытийная привлекательность, поисковый запрос

© Пакшина И. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации НИР «Выявление устойчивых брендов Республики Мордовия» Тематического плана Научного центра социально-экономического мониторинга.

Для цитирования: Пакшина И. А. Этнособытийная привлекательность региона: анализ и оценка // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 527–547. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.527-547>

Original article

Ethno-Event Attractiveness of the Region: Analysis and Assessment

I. A. Pakshina

*Scientific Center for Social and Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)
iraida-69@mail.ru*

Abstract

Introduction. One of the tools for positioning the territory and a way to create a positive image is to demonstrate its unique ethnic heritage. Mordovia, having rich experience in organizing mega events, is currently focused on holding a large number of small-scale events. The purpose of this article is to identify the attitude of the population to the ethno-folklore holidays held and to assess the level of interest shown in them in the context of the problems of promoting the image of the region.

Materials and Methods. The information basis of the study was the results obtained using a combination of methods: a sociological survey (of the population and the target group) and an analysis of interactive documents (statistics of queries in the Yandex search engine by keywords). The data of the online survey allowed us to determine the attitude of the population to the studied portfolio of eventful activities. Comparing the intensity of search queries with the situational context made it possible to record and evaluate the interest shown in ethnic holidays.

Results. According to a sociological survey, the idea of promoting the region through ethno-cultural events enjoys support among the population. Employees of cultural institutions attach significant importance to them; the population gives priority to sports competitions and theater festivals. For respondents who perceive the region positively, ethnic and folklore holidays are of greater value. Comparison of these search queries with the thematic event context made it possible to reveal the stability of interest in ethno-cultural events held in the republic. It has been established that during the holidays the number of queries of a reference nature (naming and location) increases significantly, but there are no search queries about entertainment, ritual and gaming components of events that form ethnic specificity.

Discussion and Conclusion. The results obtained allow us to conclude that the ethnic marking of small-scale events is an effective way to attract attention and a successful strategy for developing the external and internal attractiveness of the region. The results of the study are of practical importance for specialists involved in the technologies of positioning and promoting the brand of the region.

Keywords: portfolio of events, small-scale events, ethno-cultural originality, ethno-event attractiveness, search queries

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The study was carried out as part of the implementation of the research work “Identification of sustainable brands of the Republic of Mordovia” of the Thematic Plan of the Scientific Center for Social and Economic Monitoring.

For citation: Pakshina I.A. Ethno-Event Attractiveness of the Region: Analysis and Assessment. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):527–547. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.527-547>

Введение. В последние годы проблема привлечения внимания к региону, повышения его узнаваемости и привлекательности стала особенно актуальной. Создание позитивного образа региона необходимо для развития территории, привлечения ресурсов, получения экономической выгоды для местных жителей. Возросшая актуализация проведения специальных мероприятий обуславливается способностью воздействовать на сознание целевой аудитории, позволяя приблизить территориальный продукт к потребителю, укрепить эмоциональную связь конкретного места и потребителя, создать атмосферу, идеально соответствующую бренду территории¹. Процесс создания смысла, связанный с ресурсами национального брендинга (идеями, практиками или структурой), является динамичным, т. е. привязан к контексту, времени и пространству [1].

Одним из стратегических инструментов позиционирования уникальности территории и продвижения ее бренда выступает проведение эмоционально наполненных праздников и фестивалей. Событийные мероприятия становятся основой продвижения регионального бренда Крыма², Татарстана [2], Белгородской [3], Липецкой [4], Омской [5], Пензенской [6], Саратовской [7], Тамбовской [8] областей, Красноярского края³ и др.

Республика Мордовия не имеет утвержденного бренда территории, однако в качестве основной стратегии продвижения ее имиджа выбрана технология организации событий. Аналогичная ситуация сложилась в Пензенской области, но, как показал опыт этой территории, «событийные мероприятия играют важную роль в репрезентации территории, даже если территория не имеет собственного бренда» [6, с. 42].

В настоящее время органы власти Мордовии ориентируются на проведение большого количества маломасштабных событийных мероприятий, нацеленных на презентацию уникальности этнокультурного наследия региона. Цель статьи – по результатам проведенного исследования проанализировать этнособытийную привлекательность региона. Под этнособытийной привлекательностью мы понимаем способность территории вызывать интерес и желание целевой аудитории принять участие в мероприятиях этнической направленности.

Обзор литературы. Во всем мире организация имиджевых событий стала растущим и динамичным сектором индустрии туризма и досуга, что оказывает большое управленческое, социально-культурное и экономическое влияние на развитие региона.

Проведение событийных мероприятий является значимым управленческим инструментом привлечения внимания к территории, стимуляции активности ее

¹ Степанычева Е. В. Технологии событийного маркетинга в формировании бренда города // Актуальные проблемы управления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Е. Куцерубов. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2014. С. 161.

² Логвина Е. В., Страчкова Н. В. Событийный и фестивальный туризм // Специализированные виды туризма в Крыму: состояние, проблемы, перспективы / под ред. проф. И. М. Яковенко ; ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия. Симферополь : Типография «Ариал», 2021. С. 130–139.

³ Моисеева Т. А. Событийные мероприятия как фактор продвижения бренда региона на примере Красноярского края // Менеджмент в социальных и экономических системах : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 11–12 декабря 2018 г. Пенза : Пенз. гос. аграр. ун-т, 2018. С. 186–191.

жителей. Событие, по Ф. Котлеру, это «сложно организованный проект, который повышает узнаваемость территории в глобальном экономическом пространстве и знакомит потенциальных потребителей с территорией, как с объектом для привлечения инвестиций»⁴.

Д. Гетц и С. Дж. Пейдж провели анализ научной литературы, рассматривающей туризм и событийные исследования как области изучения и профессиональной практики, и выявили интерес к данной теме со стороны теоретиков и практиков, в частности, зафиксировали формирование тренда на разработку портфелей мероприятий и управление ими [9]. Значительная часть издаваемой научной литературы посвящена отдельным мероприятиям, их планированию, управлению и воздействию на общество. Отмечается, что если раньше проведение событийных мероприятий было сферой индивидуальных и общественных инициатив, то в настоящее время стало сферой профессионалов и предпринимателей – запланированные мероприятия теперь создаются с определенной целью [9]. Организация праздничных мероприятий направлена на привлечение туристов и рассматривается органами управления как средство пополнения местного бюджета. Вместе с тем проведение фестивалей способствует солидаризации сообщества, обогащает общественную жизнь и стимулирует культурную интеграцию и открытость.

Проведение событийных мероприятий меняет значение и функцию культуры, которая из обслуживающей становится определяющей. В процессе брендинга территории актуализируется задача модернизации культурной жизни – развитие креативности и активности ее жителей, а также формирование модели поведения, созвучной идее бренда. Включенность культуры в жизнь территории происходит через фестивализацию символических событий, позиционирование территории посредством гения места (эффекта Гауди), мифологию и паблик-арт⁵.

Явление празднования встречается во всех культурах. Согласно М. М. Бахтину, «празднество (всякое) – это очень важная первичная форма человеческой культуры... Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое, миросозерцательное содержание. Никакое “упражнение” в организации и усовершенствовании общественного процесса, никакая “игра в труд” и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, т. е. из мира идеалов»⁶.

Ч. Акодиа и М. Уитфорд утверждают, что посещение фестивалей способствует приумножению социального капитала, развивает ресурсы сообщества, поощряет взаимодействие между существующими общественными организациями, способствует социальной сплоченности и предоставляет возможность для

⁴ Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2005. 382 с.

⁵ Ashworth Gr., Kavaratzis M. Towards Effective Place Brand Management: Branding European Cities and Regions. New York : Edward Elgar Pub, 2010. 279 p.

⁶ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. С.17.

публичного празднования [10]. Кроме того, проведение событийных мероприятий не только способствует развитию современной культурной самобытности, но и предоставляет возможность оторваться от повседневной рутины, позволяя расширить круг общения [10, p. 13].

Фестивали являются ключевым механизмом, с помощью которого люди постоянно создают и перестраивают коллективную идентичность и связи с местом⁷. С идентичностью тесно связаны такие понятия, как гордость за свое место, родство и общность, чувство принадлежности к группе, взаимная связь личности и места. Идентичность рассматривается как концепт, связывающий общественное развитие с формированием социально-психологических характеристик, сплачивающих социум. Как отмечает М. Рош, фестивализация помогает сформировать общие представления об идентичности и принадлежности через коллективное понимание пространства, времени и действия [11, p. 14].

В современном культурном проектировании, по мнению И. А. Морозовой и И. С. Слепцовой, на рынке культурных услуг, в том числе событийного и этнотуризма, используются глобалистские идеи бизнес-технологий, позволяющие предоставлять эксклюзивный продукт с использованием универсальных коммерческих инструментов. Это выхолащивает первоначальные смыслы аутентичных форм (одежда, предметы быта, изготавливаемые местными мастерами, традиционный фольклор), превращает их в сценические и декоративно-сувенирные, приводит к трансформации эксклюзивных форм в тиражируемый ширпотреб, а активно используемые туристические площадки с элементами традиционного быта преобразует в музеефицированное интерактивное пространство [12, с. 7].

Специфической особенностью проведения мероприятий в контексте конструирования территориального бренда является тесное переплетение культуры и экономики. Д. В. Визгалов подчеркивал влияние событийной составляющей «на развитие его экономики, поскольку культурные события становятся не только престижными, но и прибыльными мероприятиями»⁸. Несмотря на то, что культурные фестивали в основном являются мелкомасштабными, экономически скромными мероприятиями, ориентированными на общественные цели, распространение культурных фестивалей в регионе приносит огромные прямые и косвенные экономические выгоды [13].

Накопленный исследовательский опыт изучения мега- и маломасштабных событий актуализирует проблему экономических и социальных последствий от их проведения для принимающей стороны. Особое значение теории и практики придают выявлению реальной экономической ценности от проведения крупных, особенно спортивных, мероприятий (Олимпийские игры, чемпионаты мира, международные турниры и т. д.). Появляется все больше публикаций, посвященных переосмыслению экономической целесообразности проведения мегасобытий, фиксируется всевозрастающий интерес к маломасштабным событиям, подчеркивая, что выгода от проведения маломасштабных мероприятий для местного сообщества наиболее значима [14].

⁷ Quinn B., Wilks L. *Festival Connections: People, Place and Social Capital // Exploring the Social Impacts of Events* / ed. by G. Richards, M. P. de Brito, L. Wilks. Oxon : Routledge, 2013. Pp. 15–30.

⁸ Визгалов Д. В. *Брендинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. С. 112.*

Выявление связи между рангом спортивного мероприятия, развитием туризма и их влиянием на имидж принимающего города позволило Е. Малкрович-Моско и Я. Почта сделать вывод о большом социальном потенциале маломасштабных спортивных мероприятий, которые более успешно, чем мегасобытия, влияют на оживление туризма и улучшение имиджа регионов [15]. Главным недостатком проведения мегасобытий является их высокая финансовая затратность и необходимость огромных первоначальных вложений в объекты инфраструктуры. Так как все территории находятся в неравных экономических условиях, то регионы, не обладающие значительными экономическими ресурсами, не могут организовать крупное мероприятие, что дополнительно подчеркивает сложившийся диспаритет. Несомненным преимуществом проведения маломасштабных мероприятий (фестивалей, праздников и др.) является их независимость от инфраструктуры, они не требуют специальных сооружений. Данные мероприятия могут проводиться в парках, на открытых пространствах, на улицах, в театрах, концертных залах и других общественных местах.

Достоинством проведения небольших мероприятий является то, что они не требуют значительных расходов и не приводят к образованию финансовой задолженности. В конечном счете организация гораздо большего числа мелких событий во многих населенных пунктах способна принести преимущества большому количеству принимающих сообществ, которые на агрегированном уровне могли бы превзойти любые выгоды от проведения одноразового крупномасштабного мероприятия [15]. Небольшие события имеют более высокий потенциал положительного экономического воздействия, и проведение нескольких мероприятий меньшего размера является предпочтительнее, чем проведение одного крупного [16, р. 199].

Фестивали, организуемые в сельской местности, являясь культурно-экономическим событием, не становятся панацеей от всех экономических бед, не представляют собой простую «подделку», элемент коммерциализации или путь к элитарности [13, р. 281]. Фестивали сельского искусства подчеркивают уникальность местного контекста, отличаются между собой; тесно связаны с местной историей и наследием, местными природными ресурсами и местным пониманием того, что представляют собой соответствующие формы жизнестойкости и находчивости; предлагают людям творческие контрасты и альтернативный опыт по сравнению с городским [17, р. 633]. Культурные фестивали – это эмоциональные, игривые выражения местной культуры, национальных развлечений или глобальных субкультур, и эта связь с культурой делает их качественно значимыми в экономическом смысле [13, р. 291].

Обзор научной литературы свидетельствует о необходимости комплексного анализа воздействия событийных мероприятий на принимающее сообщество. Выявлено, что наряду с демонстрацией культурной самобытности и ростом креативности формируется открытость, солидаризация и идентичность ее жителей; повышается узнаваемость региона. В рамках событийных исследований сформировалось направление, полагающее, что наибольшим потенциалом для сельского и регионального развития обладают маломасштабные мероприятия. Особенно привлекательны для внешней аудитории аутентичные культурные

праздники. Недостаточная изученность социально-культурных последствий проведения небольших регулярных мероприятий, демонстрирующих местный колорит и культурную самобытность коренных этносов, обуславливает актуальность исследования.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую базу исследования составил феноменологический подход, позволяющий «сфокусироваться на социальных процессах и на том, как индивиды формируют и придают смысл своему миру в социологическом плане. Он исходит из того, что социальная реальность множественна, расходящаяся и взаимосвязанная, и в результате Реальность приобретает значение, приписываемое опыту, и не является одинаковой для всех»⁹. В связи с этим при проведении исследований фестивалей А. Джепсон и А. Кларк предлагают применять смешанную методологию. Ее преимущество заключается главным образом в получении гораздо более целостной картины того, что происходит в местной среде при проведении мероприятий¹⁰. Согласно данной точке зрения, для получения первичной социологической информации применялись следующие основные формы сбора: опрос (населения и целевой группы) и анализ интерактивных документов (статистика запросов в поисковой системе «Яндекс» по ключевым словам). Собранные данные были проанализированы с использованием трех методов анализа (количественного и качественного SPSS-анализа, количественного классического контент-анализа).

В статье приводятся результаты социологического опроса «Выявление брендов Республики Мордовия», проведенного Научным центром социально-экономического мониторинга в марте 2022 г. Метод исследования – онлайн-опрос (CAWI). Опрос проводился среди населения и целевой группы – работников учреждений культуры Республики Мордовия по одинаковой анкете. В результате анкетирования жителей республики получено 876 заполненных анкет, из которых отобрано 384 в соответствии с установленными квотами по полу, возрасту и месту проживания. Объем целевой группы – 1 100 чел., фактически было опрошено 763 чел., или 69 % от численности группы. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Обработка первичной информации проводилась с помощью программы SPSS версии 19.0. Собранный в ходе проведения социологического опроса массив данных был подвергнут кластеризации на основе общего признака – восприятие региона. Были выделены 2 группы респондентов, обладающих однородными свойствами, наиболее похожими друг на друга: 1 группа – положительно воспринимающие регион (833 чел., или 76,8 %), 2 группа – негативно его воспринимающие (252 чел., или 23,2 %) [18].

Для анализа этнособытийной привлекательности региона из общей структуры событийного портфеля Мордовии были отобраны мероприятия, регулярно проводимые и направленные на популяризацию национально-культурной уникальности региона («Акша Келу», «Сабантуй», «Раськенъ Озкс», «Кулдор-калдор», «Кургоня», «Шумбрат, Мордовия!», «Шумбрат»).

⁹ Jepson A., Clarke A. Creating Critical Festical Discourse through Flexible Mixed Methodological Research Design // *Research Methods for Critical Events* / ed. by I. Lamond, L. Platt. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 63. https://doi.org/10.1057/978-1-137-52386-0_4

¹⁰ Там же.

Для оценки пользовательского интереса аудитории к этническим событийным мероприятиям Мордовии проведен анализ статистики запросов на интернет-портале «Яндекс» с помощью сервиса по подбору слов «Яндекс Wordstat». Данный сервис предоставляет возможность просмотра количества запросов в зависимости от временного фактора, а также данные о территории его формирования. При составлении морфологии запроса для ряда ключевых слов использовалось дополнительное условие «+Мордовия» с целью отсекаания запросов, не связанных с исследуемым регионом.

Ключевые фразы включали в себя 2 группы слов:

1) универсальные – характеризующие регион и присущие всем фольклорно-этнографическим праздникам, для удобства интерпретации были объединены в три группы:

– «этносы» («эрзя», «эрзя народ», «мокша», «мокша народ», «мордва», «татары +Мордовия»);

– «этническое своеобразие» («костюм мордовский», «песни мордовские», «мордовские сказки», «вышивка мордовская»);

– «мероприятия» («Мордовия +праздники», «Мордовия +фестивали», «Мордовия +самодеятельность», «Мордовия +мероприятия»);

2) уникальные – подчеркивающие отличительные особенности мероприятия (место проведения, название праздника, перевод названия на русский язык, а также аспекты, маркирующие своеобразие или самобытность мероприятия).

Перечень уникальных поисковых запросов мероприятий¹¹:

– «Акша Келу» («Акша Келу», «Вадовские Селищи +Зубово-Полянский район», «Акша Келу +перевод на русский», «Акша Келу +борьба на поясах», «борьба на поясах +Мордовия», «троица +Акша Келу», «Акша Келу +дегустиация», «Акша Келу +встреча земляков»);

– «Сабантуй» («Мордовия +сабантуй», «с. Лямбирь, с. Аксеново, Лямбирский район», «сабантуй перевод на русский», «татарские игры +Мордовия», «конные скачки +Мордовия», «конный забег +Мордовия», «борьба на поясах +Мордовия», «трактор-шоу +Мордовия», «татарский базар +Мордовия», «татарские песни +Мордовия», «татарские танцы +Мордовия», «праздник плуга +Мордовия»);

– «Раськень Озкс» («Раськень Озкс», «Чукалы Большеигнатовский район», «раськень озкс перевод на русский», «древняя эрзянская поляна», «Инешкепаз», «хоровод дружбы +Мордовия», «родовая свеча +Мордовия», «всеобщая ритуальная трапеза +Мордовия», «букань ям суп из говядины»);

– «Кулдор-калдор» («Кулдор-калдор», «Подлесная Тавла Кочкуровский район», «Кулдор-калдор +перевод на русский язык», «народный юмор +Мордовия», «национальные шутки +Мордовия», «карнавальное шествие +Мордовия», «эрямонь крандаз», «народные забавы +Тавла», «Тавлинская игрушка»);

– «Кургоня» («Кургоня», «поселок Левженский Рузаевский район», «национальные блюда +Мордовия», «кургоня перевод на русский», «ватрушка с картошкой +Мордовия», «этнодискотека +Мордовия», «кулинария +Мордовия», «хоровод +Мордовия», «мастер-класс +Кургоня», «фестиваль мордовского гостеприимства»);

¹¹ Составлено на основе открытых данных туристского портала Мордовии (<https://turizmrm.ru>).

– «Шумбрат» (XXVI Республиканский фестиваль-конкурс народного творчества «Шумбрат, Мордовия!»), IV Республиканский национально-фольклорный праздник «Шумбрат»¹²) («Шумбрат, Мордовия», «шумбрат перевод +на русский», «Шумбрат Мордовия +Саранск», «Шумбрат Мордовия +расписание», «шумбрат +фольклорно-этнографический праздник», «шумбрат +мастер-классы», «шумбрат +самодеятельность», «Шумбрат Мордовия +фольклор», «Шумбрат Мордовия +национальная культура», «Шумбрат Мордовия +народные традиции», «Шумбрат Мордовия +отчетный концерт», «Шумбрат Мордовия +самобытность», «шумбрат +праздник»).

В статье анализируется статистика запросов пользователей с 1 января по 31 декабря 2022 г. Период сбора информации – 11–13 января 2023 г. Для группы слов, отнесенных к «универсальным» характеристикам, выделено 14 ключевых слов, по которым зафиксировано 112 948 запросов в среднем за месяц, по «уникальным» – 61 и 24 648 соответственно.

Для анализа собранной информации была использована таймлайн-визуализация, предложенная И. Райхманом: для каждой из категорий словарных групп на ось значений наносилось количество запросов, а на временную ось – проводимые мероприятия¹³. На основе полученных данных построен график зависимости инфоповода от количества поисковых запросов универсальных и уникальных ключевых фраз.

Результаты исследования. С проблемой экономической целесообразности проведения мегасобытий столкнулась Республика Мордовия. Регион имеет опыт организации масштабных мероприятий как на международном (личные и командные чемпионаты мира и Европы по спидвею на льду (1993–2010 гг.), соревнования по фигурному катанию на коньках серии «ИСУ Челленджер» – «Mordovian Ornament» (взрослые) (2015 г.), серия матчей Чемпионата мира по футболу ФИФА в Саранске (2018 г.) и др.), так и на федеральном уровнях (Чемпионат России по ходьбе и марафонскому бегу (2008 г.), 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства (2012 г.) и др.).

Наиболее резонансным событием стало проведение серии матчей Чемпионата мира по футболу ФИФА в Саранске. Несмотря на успешность мероприятия, значительного увеличения потока гостей с туристскими целями не произошло; данное спортивное мегасобытие способствовало в большей степени продвижению Мордовии как региона, в меньшей – как туристской дестинации [19, с. 112]. Кроме того, регион столкнулся с проблемой дальнейшего эффективного использования наследия спортивных объектов и иной инфраструктуры, построенных для Чемпионата мира по футболу 2018 г. [20; 21].

Имеющийся в республике опыт организации мега- и маломасштабных мероприятий подтвердил, что они являются эффективным способом демонстрации достоинств региона, обладают потенциалом создания положительного внутреннего и внешнего имиджа. В республике существует современная инфраструктура, созданная к проведению Чемпионата мира по футболу 2018 г.,

¹² Указанные мероприятия были объединены, так как семантика запросов совпадает.

¹³ Райхман И. Практика медиа измерений: аудит, отчетность, оценка эффективности PR. М.: Альпина Паблишер, 2013. 432 с.

а «наличие готовой событийной инфраструктуры требует ее полной „загрузки“ и подталкивает к придумыванию и провоцированию новых событий»¹⁴. В настоящее время в Мордовии проведение имиджевых мероприятий характеризуется этнокультурной направленностью и связано с культурами населяющих ее народов (русских, мокши, эрзи и татар). Именно национально-культурное своеобразие региона выступает ресурсом генерирования его позитивной репутации [22]. Накопленный в республике опыт проведения мероприятий, направленных на презентацию национальной самобытности, позволяет выделить наиболее успешные практики их проведения.

Признание на общероссийском уровне получил фестиваль, основанный на аутентичных национальных гастрономических традициях, – «Кургоня». Его символом стало хорошо известное жителям республики блюдо национальной кухни. «Кургоня» проводится с 2015 г., и за это время из фестиваля национальной культуры превратился в праздник мордовского гостеприимства¹⁵. Согласно данным организаторов, в 2022 г. на празднике были зарегистрированы 1 200 участников, 15 000 зрителей из 15 регионов¹⁶. Праздник вошел в десятку самых популярных гастрономических фестивалей России (2017 г.), занял второе место в номинации «Туристическое событие в области культуры» (2022 г.), национальный календарь EventsInRussia.com внес его в топ-50 лучших событий года (2022 г.)¹⁷.

К числу успешных практик организации публичных мероприятий, popularизирующих культуру и аутентичные традиции мордовских народов, можно отнести республиканский фестиваль «Шумбрат, Мордовия!». Он проводится ежегодно с 1997 г. с октября по декабрь в Саранске в форме отчетных концертов муниципальных районов на сцене главной концертной площадки – Республиканского Дворца культуры. Жюри фестиваля определяет лучшие концертные программы и исполнителей. Ключевое событие фестиваля – гала-концерт, который является знаковым событием для всех жителей республики и проходит при абсолютном зрительском аншлаге. Лауреатов и дипломантов фестиваля поздравляет Глава Республики Мордовия. Победители фестиваля приобретают музыкальные инструменты, аудио- и видеозаписывающую аппаратуру, сценические костюмы¹⁸. По подсчетам организаторов, в 2022 г. фестивальные представления посетили почти 10 000 зрителей. В конкурсных программах были заняты около 3 600 исполнителей; продемонстрированы изделия более 1 000 умельцев¹⁹.

¹⁴ Визгалов Д. В. Брендинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. С. 121.

¹⁵ Маскаева Е. Н. Кургоня: превращение лакомства в праздник гостеприимства [Электронный ресурс]. URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/analytics/monitoring/item/279-kurgonya-prevrashchenie-lakomstva-v-prazdnik-gostepriimstva> (дата обращения: 03.12.2022).

¹⁶ Фестиваль национальной культуры «Кургоня» [Электронный ресурс]. URL: <http://ruzkultura13.ru/festival-nacionalnoj-kultury-kurgonya> (дата обращения: 03.12.2022).

¹⁷ Лучшие события России. Национальный календарь событий [Электронный ресурс]. URL: <https://eventsinrussia.com/topevents?page=2> (дата обращения: 03.12.2022).

¹⁸ Шумбрат, Мордовия! [Электронный ресурс] // Мероприятия. URL: <http://rdnt13.ru/meropriyatiya/shumbrat-mordoviya/#:~:text=Фестиваль%20«Шумбрат%2С%20Мордовия!»,Мастерство%20и%20щедрость%20земли%20мордовской> (дата обращения: 03.12.2022).

¹⁹ В Саранске пройдет гала-концерт фестиваля «Шумбрат, Мордовия!» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Мордовия : офиц. сайт. URL: <https://www.e-mordovia.ru/for-smi/all-news/v-saranske-proydet-gala-kontsert-festivalya-shumbrat-mordoviya/> (дата обращения: 03.12.2022).

Это далеко не полный перечень успешных практик проведения мероприятий, популяризирующих народную культуру этносов, проживающих в Мордовии.

Об успешности данных практик и росте привлекательности региона свидетельствуют статистические данные. Наиболее благоприятным для развития туризма в Мордовии стал 2018 г. – год проведения серии матчей Чемпионата мира по футболу. Согласно данным Мордовиястата, после проведения мундиала (2018 г.) и введения противопандемийных ограничений (2020 г.) показатели, характеризующие состояние отрасли туризма и отдыха в республике, снизились. Однако данные 2021 г. говорят о росте загруженности имеющейся гостиничной инфраструктуры и увеличении посещаемости Мордовии. Количество гостиниц, функционирующих в 2021 г., составило 68 ед., превысив уровень 2018 г. (65 ед.). Число ночевков в гостиницах и аналогичных средствах размещения в 2021 г. составило 306 304 ед., превысив значение 2018 г. (292 169 ед.). Численность лиц, размещенных в гостиницах в 2021 г. (114 379 чел.), превысила значение показателя в 2018 г. (112 083 чел.)²⁰. В 2022 г., по сравнению с 2021 г., туристический поток в Мордовию вырос на 20–25 %, объем экскурсионного потока, основанный на данных о посещаемости основных объектов показа республики, в 2022 г. оценивается на уровне 350 тыс. чел. По данным «Мегафона», в 2021 г. Мордовию посетили 250 тыс. туристов, а по оценке КБ «Стрелка», основанной на данных о транзакциях Сбербанка, – 350 тыс. туристов²¹. Региональный опыт свидетельствует о внимании, проявляемом к проведению маломасштабных мероприятий. Интерес представляет определение уровня поддержки выбранного курса жителями республики, а также исследование того, насколько идея демонстрации этнокультурного своеобразия народов, населяющих Мордовию, является ресурсом, формирующим позитивную репутацию территории.

Оценка значимости проведения этнокультурных мероприятий для населения региона. Согласно данным социологического опроса, идея продвижения региона с помощью проведения этнических праздников пользуется поддержкой среди населения. Работники учреждений культуры, возможно, в силу большей осведомленности, чаще указывали на значимость конкурсов народного творчества (85,8 % представителей целевой группы против 70,3 % опрошенного населения), национальных фольклорных праздников (соответственно 50,3 % против 34,4 %) и гастрономических фестивалей (35,4 % против 21,9 %). Для населения более значимыми стали международные и всероссийские спортивные состязания (38,5 % представителей целевой группы против 43,5 % опрошенного населения), соревнования по ледовому спидвею (соответственно 23,7 % против 33,1 %) и театральные фестивали (24,9 % против 27,3 %). По единодушному мнению респондентов самым популярным в регионе стал конкурс народного творчества «Шумбрат, Мордовия!» (таблица).

²⁰ Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2022. С. 168–169.

²¹ Турпоток в Мордовию в 2022 году превысил допандемийный уровень [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16833837> (дата обращения: 08.06.2023).

Т а б л и ц а. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие события и мероприятия, положительно влияют на восприятие Республики Мордовия (не более ПЯТИ ответов)?» в зависимости от восприятия региона, %²²

Table. Distribution of respondents' answers to the question "What events and activities positively affect the perception of the Republic of Mordovia (no more than FIVE answers)?" depending on the perception of the region, %

Вариант ответа / Answer option	Группы респондентов / Groups of respondents			
	Опрошенные / Interviewed		Кластеры / Clusters	
	Население / Population	Целевая группа / Target group	Позитивно воспринимающие регион / Positively perceiving the region	Негативно воспринимающие регион / Negatively perceiving the region
1	2	3	4	5
<i>Театральные и музыкальные фестивали / Theater and music festivals</i>				
Международный фестиваль русских драматических театров «Соотечественники» / The International Festival of Russian Drama Theaters "Compatriots"	27,3	24,9	28,6	17,5
Музыкальные фестивали («Вейсэ-джаз», «Декабрьские дивертисменты» и др.) / Music festivals ("Veise-jazz", "December divertissements", etc.)	19,3	20,3	20,0	17,9
<i>Спортивные мероприятия / Sports events</i>				
Международные и всероссийские спортивные соревнования / International and All-Russian sports competitions	43,5	38,5	41,9	34,5
Соревнования по ледовому спидвею / Ice Speedway competitions	33,1	23,7	27,9	23,4
Киберспортивные турниры (World of Tanks и др.) / Esports tournaments (World of Tanks, etc.)	2,9	2,8	2,6	4,0
Соревнования профессионального мастерства (WordSkills Russia) / Professional Skill competitions (Worldskills Russia)	12,8	11,8	12,8	8,7
<i>Этнические праздники / Ethnic holidays</i>				
Конкурсы народного творчества («Шумбрат, Мордовия!» и др.) / Folk art contests ("Shumbrat, Mordovia!", etc.)	70,3	85,8	84,2	68,7
Национальные фольклорные праздники («Раськень Озкс», «Акша Келу», «Сабантуй») / National folklore holidays ("Rasken Ozks", "Aksha Kelu", "Sabantuy")	34,4	50,3	49,6	28,2

²² Здесь и далее в статье таблица и рисунки составлены автором.

Окончание табл. / End of table

1	2	3	4	5
Фестивали народного творчества («Теньгушевское семицветье», «Урусовские валенки», «Песни ямщиков» и др.) / Folk art festivals (“Tengushevskoe semitsvetye”, “Urusov valenki”, “Songs of coachmen”, etc.)	16,9	27,0	28,5	9,9
Народные гуляния («Шурале боткасы», «Шишкевский базар» и др.) / Folk festivals (“Shurale botkasy”, “Shishkeevsky bazar”, etc.)	12,0	14,2	14,5	8,3
Гастрономические фестивали («Кургоня», «Сырнень ал», фестиваль клубники и др.) / Gastronomic festivals (“Kurgonya”, “Syrnen al”, strawberry festival, etc.)	21,9	35,4	33,4	20,6
	<i>Другое / Other</i>			
Военно-исторические реконструкции / Military-historical reconstructions	11,7	13,8	13,8	10,3
Не знаю / I don't know	6,8	2,5	1,6	12,3

При поведении значимых мероприятий в качестве одной из стратегий позиционирования и продвижения бренда выступает эмоциональность восприятия территории. Для оценки этого были использованы результаты кластеризации данных. Респонденты, негативно оценивающие регион, значительно реже, чем позитивно воспринимающие, выбирали мероприятия, демонстрирующие этническое своеобразие региона, в качестве событий, способных положительно повлиять на восприятие Республики Мордовия (таблица). Разница в оценке влияния спортивных соревнований и музыкальных фестивалей не столь существенна. Отметим, что каждый восьмой опрошенный (12,3 %), негативно оценивающий регион, ничего не знал о проводимых мероприятиях.

Оценка пользовательского интереса интернет-аудитории портала «Яндекс» к этнокультурным мероприятиям. Сервис подбора слов «Яндекс Wordstat» представляет данные о территории формирования запроса. Как показали результаты, 98 % запросов исходили из Российской Федерации и только 2 % – из территории зарубежных стран. Чаще всего запросы поступали из Приволжского и Центрального федеральных округов (для «универсальных» запросов – 45 и 31 % соответственно, для «уникальных» – 87 и 10 %); доля остальных регионов незначительна и варьировалась от 1 до 6 %. В Приволжском федеральном округе наибольшую активность проявляли жители Мордовии. Именно отсюда поступал каждый третий запрос (31 %) о характеристиках, присущих всем фольклорно-этнографическим праздникам («универсальных»), и большая часть (87 %) запросов об их отличительных особенностях («уникальных»). Информацию по рассматриваемым ключевым запросам из Центрального федерального округа осуществляли

преимущественно жители г. Москвы и Московской области (75 и 82 % соответственно).

Данные статистики релевантных запросов свидетельствуют о волнообразном характере интернет-активности пользователей поискового сервиса «Яндекс». Наиболее популярной в категории «универсальные» стала группа запросов об этническом составе республики. Зафиксировано три всплеска частотности по выбранным ключевым фразам: в апреле (104 159 запросов в месяц), сентябре (104 445) и ноябре (156 037) (рис. 1). Сопоставление полученных данных с информационными поводами позволило выявить события, вызвавшие рост запросов: в сентябре совпадает со временем проведения республиканского национально-фольклорного праздника «Шумбрат», в ноябре – конкурса народного творчества «Шумбрат, Мордовия!». Значительный всплеск поисковых запросов в апреле может быть связан с проведением большого числа мероприятий этнической тематики, не вошедших в исследуемый событийный портфель²³. Несмотря на то, что данные мероприятия выпали из исследовательского поля, факт фиксации роста количества запросов подтверждает правильность применяемой нами методики проведения исследования.

По группе запросов «этническое своеобразие» максимальные значения достигаются в феврале и октябре – ноябре 2022 г. Тематический событийный контекст в феврале составляют проведение Межрегиональной олимпиады школьников по родному (мокшанскому, эрзянскому) языку, родной (мордовской) литературе и государственному мордовскому (мокшанскому, эрзянскому) языку и др.²⁴; в октябре – ноябре – период подготовки и проведения фестиваля «Шумбрат, Мордовия!».

Для запросов, объединенных в группу «мероприятия», характерно равномерное количество запросов, которое несколько увеличивается в летнее время (в июне (3 104), июле (2 402), августе (2 931)) и в ноябре (2 837). Это косвенно свидетельствует об устойчивости интереса к проводимым в республике праздничным событиям.

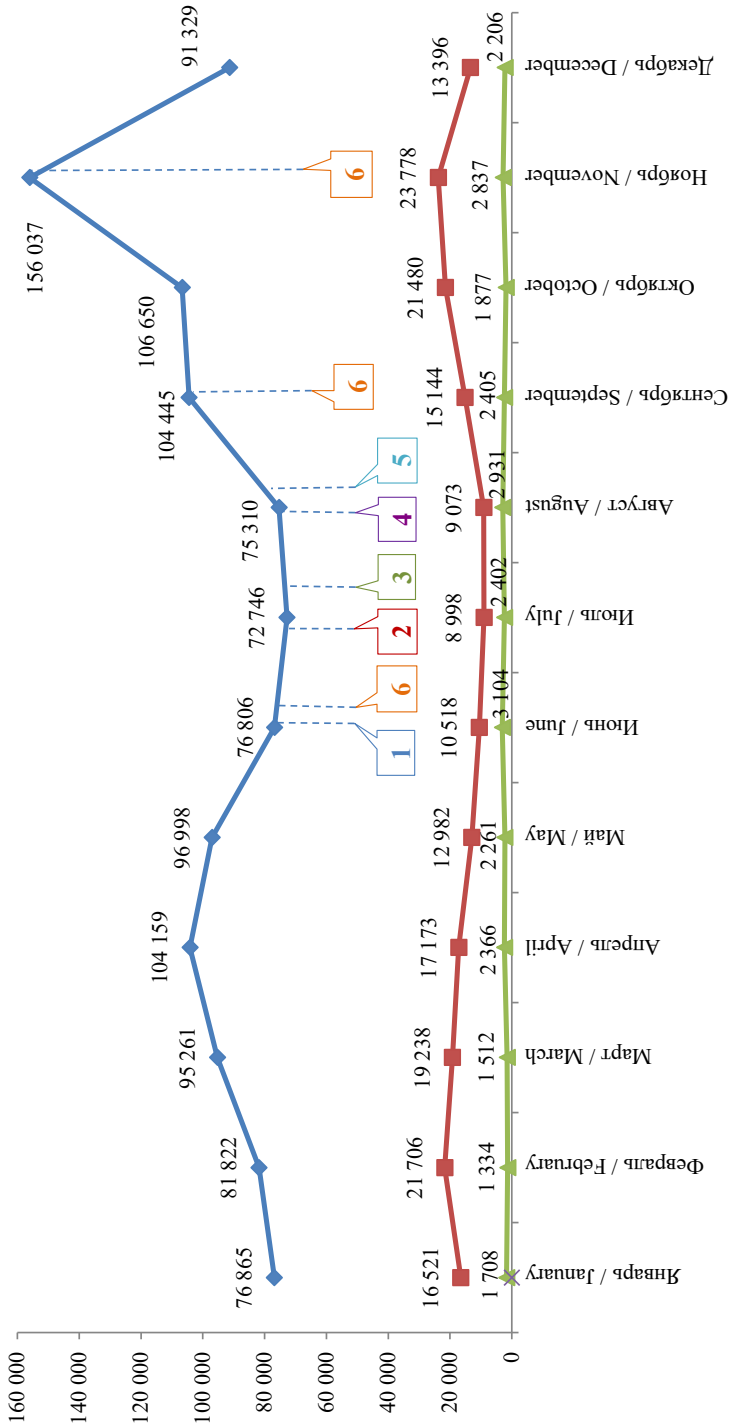
Отметим, что количество запросов об этносах и этническом своеобразии достигает минимальных значений в период проведения моноэтнических фольклорных праздников.

Совмещение статистики запросов и информационных поводов позволяет выявить характеристики, присущие мероприятиям, сопровождаемым интернет-активностью в поисковой системе:

- 1) общереспубликанский уровень;
- 2) нацеленность на презентацию своеобразия всех этносов, населяющих регион;
- 3) высокая вовлеченность и представленность всех муниципальных образований республики;
- 4) регулярность проведения.

²³ Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в Республике Мордовия года культурного наследия народов России в 2022 году [Электронный ресурс] : приказ Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия от 1 февр. 2022 г. № 39. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578141990> (дата обращения: 20.01.2023).

²⁴ Там же.

Р и с. 1. Статистика количества «универсальных» запросов пользователей в зависимости от инфополеда, число запросов в месяц: 1 – «Акса Келу» (11–12 июня); 2 – «Сабантуй (1–2 июля); 3 – «Расьхень Озкс» (9 июля); 4 – «Кулдор-калдор» (13 августа); 5 – «Кургоня» (28 августа); 6 – Национально-фольклорный праздничный конкурс «Шумбрат» (12 июня, г. Саранск; 2 сентября 2022 г., г. Ковылкино), XXVI Республиканский фестиваль-конкурс народного творчества «Шумбрат, Мордовия!» (22 октября – 11 декабря)

2 – Sabantuy (July 1–2); 3 – “Rasken Ozks” (July 9); 4 – “Kuldor-kaldor” (August 13); 5 – “Kurgonya” (August 28); 6 – National folklore festival “Shumbrat” (June 12, Saransk; September 2, 2022, Kovylikino), 26th Republican festival-competition of folk art “Shumbrat, Mordovia!” (October 22 – December 11)

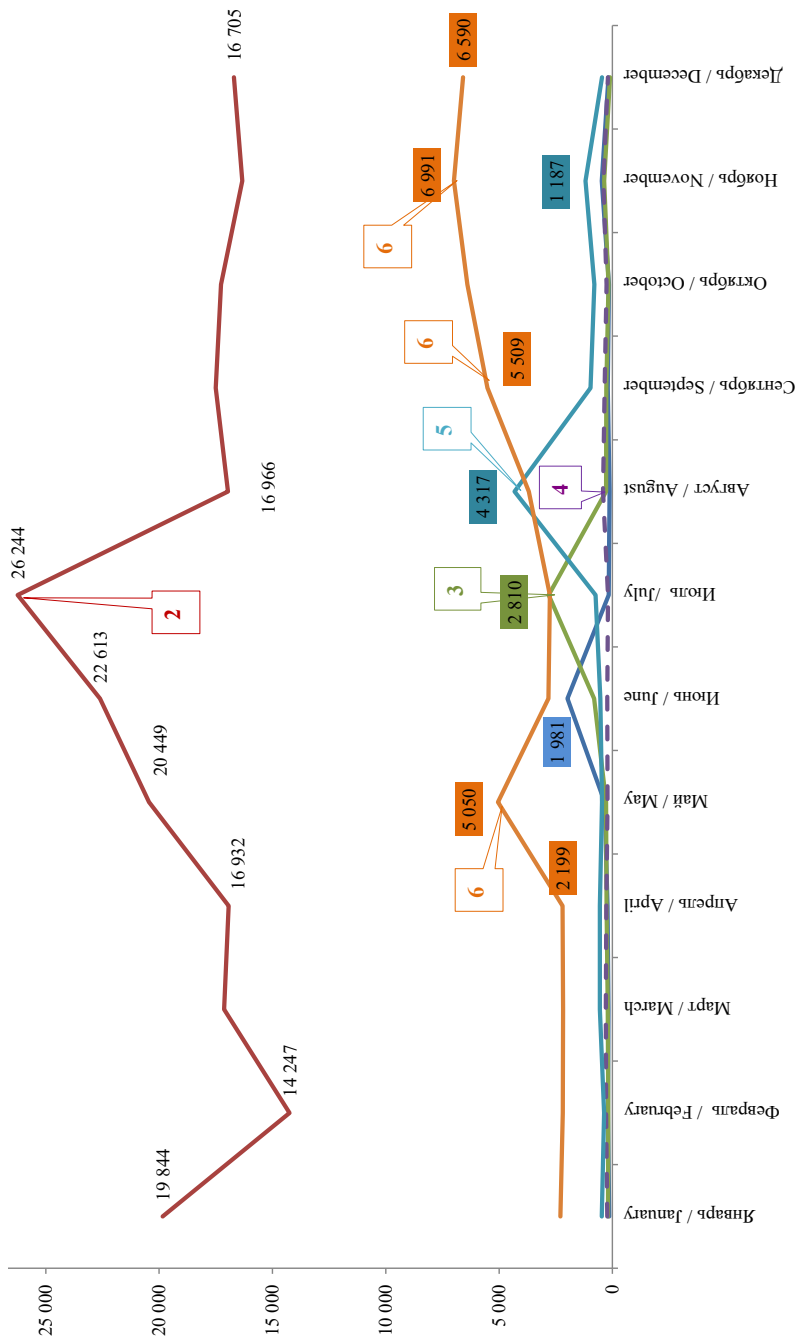
Количество запросов пользователей, стремящихся найти в «Яндексе» информацию о мероприятиях, демонстрирующих этническое своеобразие региона, увеличивается во время их проведения. Внимание к проводимым событиям имеет волнообразный характер. Максимальный интерес был проявлен к празднованию Сабантуя, который в 2022 г. имел статус общероссийского (максимальное значение в июле – 26 244 запроса в месяц, минимальное – 14 247; в среднем – 18 519). Вторыми по популярности стали праздники, имеющие в своем названии ключевое слово «шумбрат»: фестиваль-конкурс народного творчества «Шумбрат, Мордовия!» и национально-фольклорный праздник «Шумбрат» (крайние значения: в ноябре – 6 991, в марте – 2 175; в среднем – 4 055). Третьим по упоминаемости стал праздник мордовского гостеприимства «Кургоня» (крайние значения: в августе – 4 317, в феврале – 365; в среднем – 949) (рис. 2).

Запросы в поисковой системе о развлекательных, обрядовых и игровых компонентах мероприятий, образующих этническую специфику праздников, единичны. Пользователей преимущественно интересовала «справочная» информация: название этнокультурного праздника, перевод названия на русский язык и место проведения мероприятия.

То обстоятельство, что количество запросов значительно увеличивается в период проведения праздничных мероприятий и резко уменьшается по окончании, свидетельствует об отсутствии долгосрочного интереса аудитории к каждому отдельному мероприятию. Однако если проанализировать агрегированные данные, то можно отметить увеличение общего количества запросов в период проведения рассматриваемых этнокультурных мероприятий (рис. 3). Результаты демонстрируют возникновение информационной волны с мая по сентябрь и в ноябре. Таким образом, локальное маломасштабное этнокультурное мероприятие недолго остается в центре общественного внимания, но каскадность их проведения стимулирует появление информационной волны, которая «принимает форму кумулятивного резонанса знаний об информационном поводе: общественное внимание приковывается к нему, происходит постепенное наращивание и углубление сведений о данном информационном поводе. Информация о событии наслаивается, обогащается, при этом ее воздействие на общество усиливается» [23, с. 103].

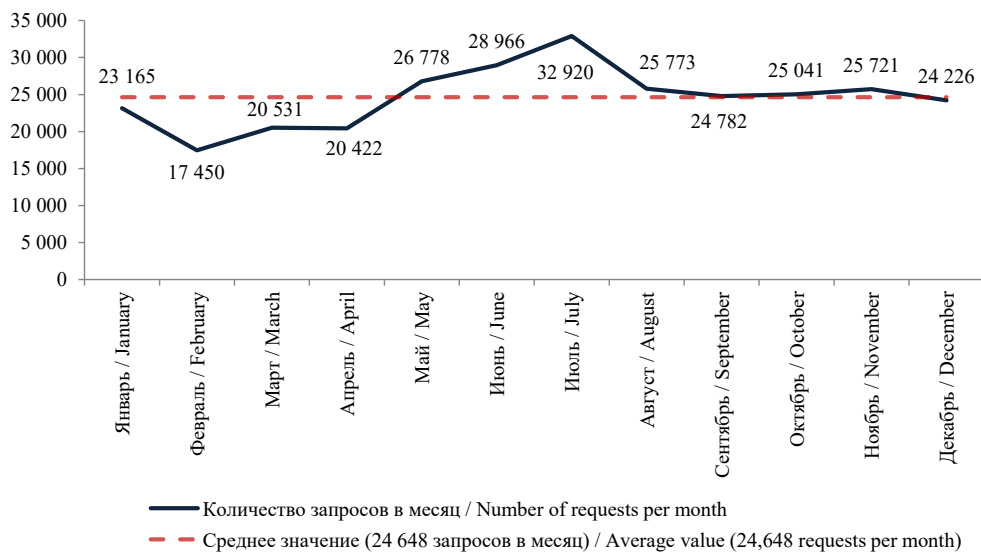
Таким образом, активность и регулярность проведения совокупности мелкомасштабных мероприятий приводят к тому, что затухания интереса к ним не происходит, а скорее, наоборот, – провоцируется его рост. Следовательно, проведение тематически сходных маломасштабных мероприятий, – успешная стратегия, поддерживающая постоянное внимание к региону.

Обсуждение и заключение. Проведение этнокультурных мероприятий, по мнению работников учреждений культуры, выступает фактором, способствующим формированию привлекательного образа республики. Для опрошенного населения проведение этнических праздников менее значимо, большую ценность для них имеет организация спортивных состязаний и театральных фестивалей. Отношение респондентов к проводимым праздникам зависит от оценки региона: этнокультурные мероприятия более значимы для позитивно воспринимающих республику.

Р и с. 2. Статистика количества «уникальных» запросов пользователей в зависимости от инфопопулара, число запросов в месяц:

- 1 – «Акса Келу» (11–12 июня); 2 – «Раскень Озкс» (9 июля); 3 – «Раскень Озкс» (13 августа);
 - 5 – «Кургоня» (28 августа); 6 – Национально-фольклорный праздник «Шумбрат» (12 июня, г. Саранск; 2 сентября 2022 г., г. Ковылкино), XXXVI Республиканский фестиваль-конкурс народного творчества «Шумбрат, Мордовия!» (22 октября – 11 декабря)
- Fig. 2. Statistics on the number of "unique" user requests depending on the newsbreak, the number of requests per month:
- 1 – "Aksha Kelu" (June 11–12); 2 – "Rasken Ozks" (July 9); 4 – "Kulldor-kaldor" (August 13); 5 – "Kurgonya" (August 28);
 - 6 – National folklore festival "Shumbrat" (June 12, Saransk; September 2, 2022, Kovylikino), XXVI Republican festival-competition of folk art "Shumbrat, Mordovia!" (October 22 – December 11)

Р и с. 3. Динамика «уникальных» запросов пользователей, 2022 г.

F i g. 3. Dynamics of “unique” user requests, 2022

Интенсивность запросов по ключевым словам о проводимых в республике этнокультурных мероприятиях становится свидетельством проявления интереса к ним. Выявлено преобладание поисковых запросов об этносах, населяющих республику, и этнической самобытности региона. Установлен устойчивый интерес к проводимым в Мордовии маломасштабным событийным мероприятиям, базирующимся на презентации этнического колорита населяющих ее народов. Во время проведения праздников значительно возрастает количество запросов справочного характера (нейминг и локация). Исследование выявило практическое отсутствие запросов, детализирующих специфику мероприятия. Вполне возможно, что гости национально-фольклорных праздников либо предпочитают знакомиться с уникальным смысловым содержанием проводимых мероприятий на месте, в процессе непосредственного участия в празднике, либо уже осведомлены об этом.

Соотнесение информационного повода и статистики запросов пользователей, уточняющих информацию о мероприятии, показало, что проведение этнокультурного мероприятия сопровождается ростом запросов в поисковой системе «Яндекс». Выявлено, что интерес аудитории к каждому отдельному мероприятию не имеет долгосрочного эффекта. Однако каскадность проведения мелкомасштабных этнособытийных мероприятий в совокупности приводит к росту упоминаемости и способствует привлечению внимания к региону.

Наибольший резонанс имеют регулярно проводимые мероприятия общереспубликанского уровня, презентующие полиэтничность и демонстрирующие высокую вовлеченность местных жителей в его подготовку. Этническая маркировка и формирование портфеля современных праздничных маломасштабных мероприятий, проводимых на территории Мордовии, является одним из эффективных способов привлечения внимания и успешной стратегией развития внешней и внутренней привлекательности региона.

Результаты исследования имеет практическое значение для государственных служащих и специалистов, ответственных за проведение культурной политики, формирование и продвижение бренда территории. Перспективным является проведение мониторинговых исследований, направленных на определение компонентов презентации этнического колорита, обеспечивающих максимальный интерес к проводимым в республике мероприятиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Translating Public Diplomacy and Nation Branding in Scandinavia: An Institutional Approach to the Cartoon Crises / C. Cassinger [et al.] // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2016. Vol. 12, no. 2/3. Pp. 172–186. <https://doi.org/10.1057/s41254-016-0013-y>
2. Макарова Г. И. Значимые события в стратегиях регионального брендинга в Республике Татарстан // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10, № 4. С. 16–35. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.602>
3. Рыжих О. В. Повышение привлекательности Белгородской области на основе событийного туризма, туристического маркетинга и брендинга // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2018. Т. 5, № 2. С. 115–125. EDN: UQXEDS
4. Полякова И. Е., Иванова Р. М., Скроботова О. В. Удовлетворенность туристским событием: целесообразность изучения, методика оценки (на примере Липецкой области) // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. Т. 10, № 10-1. С. 304–311. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2020-10/32-polyakova-ivanova-skrobotova.pdf> (дата обращения: 25.01.2023).
5. Терских М. В., Струччинская М. Е. Специальные мероприятия как инструмент формирования имиджа территории (на примере г. Омска) // *Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы*. 2015. № 2. С. 19–30. EDN: XСJHWB
6. Осташков А. В., Мурунова Е. В. Визуальные коммуникации событийных мероприятий в брендинге территории // *Власть*. 2020. № 5. С. 41–46. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7568>
7. Концепция формирования территориального бренда на примере Саратовского региона / Н. Е. Ковалева [и др.] // *Дизайн и технологии*. 2020. № 80 (122). С. 122–129. URL: <http://d-and-t.ru/files/journal/80.pdf> (дата обращения: 25.01.2023).
8. Guchetl R. G. Local Events in the Development of Marketing and Image of the Tambov Region // *Components of Scientific and Technological Progress*. 2020. No. 10 (52). Pp. 22–27. URL: [http://moofrnk.com/assets/files/journals/components-of-scientific-and-technological-progress/52/Components-of-Scientific-10\(52\)-main.pdf](http://moofrnk.com/assets/files/journals/components-of-scientific-and-technological-progress/52/Components-of-Scientific-10(52)-main.pdf) (дата обращения: 25.01.2023).
9. Getz D., Page S. J. Progress and Prospects for Event Tourism Research // *Tourism Management*. 2016. Vol. 52. Pp. 593–631. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.03.007>
10. Arcodia Ch., Whitford M. Festival Attendance and the Development of Social Capital // *Journal of Convention & Event Tourism*. 2006. Vol. 8, no. 2. Pp. 1–18. https://doi.org/10.1300/J452v08n02_01
11. Duffy M., Mair J. Future Trajectories of Festival Research // *Tourist Studies*. 2021. Vol. 21, issue 1. Pp. 9–23. <https://doi.org/10.1177/1468797621992933>
12. Морозов И. А., Слепцова И. С. Культурные трансформации и глобализационные тренды: к вопросу о статусе «новых локальностей» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21, № 4. С. 7–37. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/169> (дата обращения: 25.01.2023).
13. Cultural Festivals and Economic Development in Nonmetropolitan Australia / C. Gibson [et al.] // *Journal of Planning Education and Research*. 2010. Vol. 29, issue 3. Pp. 280–293. <https://doi.org/10.1177/0739456X09354382>
14. Matheson V. A. Is Smaller Better? A Comment on “Comparative Economic Impact Analyses” by Michael Mondello and Patrick Rishe // *Economic Development Quarterly*. 2006. Vol. 20, issue 2. Pp. 192–195. <https://doi.org/10.1177/0891242405285872>
15. Malchrowicz-Moško E., Poczta J. A Small-Scale Event and a Big Impact – Is This Relationship Possible in the World of Sport? The Meaning of Heritage Sporting Events for Sustainable Development of Tourism – Experiences from Poland // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, issue 11. Article no. 4289. <https://doi.org/10.3390/su10114289>

16. Agha N., Taks M. A Theoretical Comparison of the Economic Impact of Large and Small Events // *International Journal of Sport Finance*. 2015. Vol. 10, no. 3. Pp. 199–216. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2709537 (дата обращения: 25.01.2023).
17. Mahon M., Hyyryläinen T. Rural Arts Festivals as Contributors to Rural Development and Resilience // *Sociologia Ruralis*. 2019. Vol. 59, issue 4. Pp. 612–635. <https://doi.org/10.1111/soru.12231>
18. Пакшина И. А., Маскаева Е. Н. Лексическая и символическая репрезентация образа современной Мордовии населением республики // *Финно-угорский мир*. 2023. Т. 15, № 1. С. 85–97. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.85-97>
19. Жулина М. А., Кицис В. М., Фирстов М. И. Позиционирование Республики Мордовия как туристской дестинации // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13, № 4 (86). С. 111–122. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10410>
20. Валькова О. Е., Кицис В. М. Использование наследия чемпионата мира по футболу 2018 г. в субъектах Приволжского федерального округа // *Регионоведение*. 2020. Т. 28, № 2. С. 261–278. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.261-278>
21. Жулина М. А., Кицис В. М., Чегина О. Е. Направления влияния Чемпионата мира по футболу 2018 года на развитие туризма в Республике Мордовия // *Сервис в России и за рубежом*. 2020. Т. 14, № 3. С. 130–144. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10309>
22. Пакшина И. А., Калачина О. С. Символический капитал региона в контексте конструирования этнокультурного бренда (кейс Республики Мордовия) // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2022. Т. 13, № 4. <https://doi.org/10.15862/06SCSK422>
23. Болотнов А. В. Информационные волны и их типы в современном медиадискурсе // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 6 (159). С. 102–106. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive?year=2015&issue=6&article_id=5362&format=html (дата обращения: 25.01.2023).

Поступила 28.03.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 12.05.2023.

Об авторе:

Пакшина Ираида Адольфовна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>, iraida-69@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Cassinger C., Merckelsen H., Eksell J., Rasmussen R.K. Translating Public Diplomacy and Nation Branding in Scandinavia: An Institutional Approach to the Cartoon Crises. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2016;12(2/3):172–186. <https://doi.org/10.1057/s41254-016-0013-y>
2. Makarova G.I. Significant Events as the Basis of Regional Branding Strategies in Tatarstan. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2019;10(4):16–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.602>
3. Ryzhikh O.V. Increasing the Attractiveness of the Belgorod Region on the Basis of Event Tourism, Tourism Marketing and Branding. *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee*. 2018;5(2):115–125. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: UQXEDS
4. Polyakova I.E., Ivanova R.M., Skrobotova O.V. Satisfaction with the Tourist Event: The Functionality of the Study, the Assessment Method (on the Example of the Lipetsk Region). *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020;10(10-1):304–311. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2020-10/32-polyakova-ivanova-skrobotova.pdf> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Terskikh M.V., Strukchinskaya M.E. [Special Events as a Tool for Forming the Image of the Territory (on the Example of the City of Omsk)]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy*. 2015;(2):19–30. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: XCJHWB
6. Ostashkov A.V., Murunova E.V. Visual Communications of Newsworthy Events in Territory Branding. *Vlast'*. 2020;(5):41–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7568>

7. Kovaleva N.E., Zagoruiko M.V., Zabrodina G.D., Beshaposhnikova V.I. The Concept of Forming Territorial Brand on the Saratov Region Example. *Dizain i tekhnologii*. 2020;(80):122–129. Available at: <http://d-and-t.ru/files/journal/80.pdf> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Guchetl R.G. Local Events in the Development of Marketing and Image of the Tambov Region. *Components of Scientific and Technological Progress*. 2020;(10):22–27. Available at: [http://moofrnk.com/assets/files/journals/components-of-scientific-and-technological-progress/52/Components-of-Scientific-10\(52\)-main.pdf](http://moofrnk.com/assets/files/journals/components-of-scientific-and-technological-progress/52/Components-of-Scientific-10(52)-main.pdf) (accessed 25.01.2023).
9. Getz D., Page S.J. Progress and Prospects for Event Tourism Research. *Tourism Management*. 2016;52:593–631. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2015.03.007>
10. Arcodia Ch., Whitford M. Festival Attendance and the Development of Social Capital. *Journal of Convention & Event Tourism*. 2006;8(2):1–18. https://doi.org/10.1300/J452v08n02_01
11. Duffy M., Mair J. Future Trajectories of Festival Research. *Tourist Studies*. 2021;21(1):9–23. <https://doi.org/10.1177/14687976211992933>
12. Morozov I.A., Sleptsova I.S. Cultural Transformations and Globalization Trends: on the Status of “New Localities”. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2018;21(4):7–37. Available at: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/169> (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Gibson C., Waitt G., Walmsley J., Connell J. Cultural Festivals and Economic Development in Nonmetropolitan Australia. *Journal of Planning Education and Research*. 2010;29(3):280–293. <https://doi.org/10.1177/0739456X09354382>
14. Matheson V.A. Is Smaller Better? A Comment on “Comparative Economic Impact Analyses” by Michael Mondello and Patrick Rische. *Economic Development Quarterly*. 2006;20(2):192–195. <https://doi.org/10.1177/0891242405285872>
15. Malchrowicz-Mosko E., Poczta J. A Small-Scale Event and a Big Impact – Is This Relationship Possible in the World of Sport? The Meaning of Heritage Sporting Events for Sustainable Development of Tourism – Experiences from Poland. *Sustainability*. 2018;10(11):4289. <https://doi.org/10.3390/su10114289>
16. Agha N., Taks M. A Theoretical Comparison of the Economic Impact of Large and Small Events. *International Journal of Sport Finance*. 2015;10(3):199–216. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2709537 (accessed 25.01.2023).
17. Mahon M., Hyyryläinen T. Rural Arts Festivals as Contributors to Rural Development and Resilience. *Sociologia Ruralis*. 2019;59(4):612–635. <https://doi.org/10.1111/soru.12231>
18. Pakshina I.A., Maskayeva E.N. Lexical and Symbolic Representation of the Image of Modern Mordovia by the Population of the Republic. *Finno-Ugric World*. 2023;15(1):85–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.85-97>
19. Zhulina M.A., Kitsis V.M., Firstov M.I. Positioning of the Republic of Mordovia as a Tourist Destination. *Services in Russia and Abroad*. 2019;13(4):111–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10410>
20. Valkova O.E., Kitsis V.M. Using the Legacy of the 2018 FIFA World Cup in the Constituent Entities of the Volga Federal District. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(2):261–278. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.261-278>
21. Zhulina M.A., Kitsis V.M., Chegina O.E. Areas of 2018 FIFA World Cup Influence on the Tourism Development in the Republic of Mordovia. *Services in Russia and Abroad*. 2020;14(3):130–144. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10309>
22. Pakshina I.A., Kalachina O.S. Symbolic Capital of the Region in the Context of the Construction of an Ethno-Cultural Brand (Case of the Republic of Mordovia). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022;13(4). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/06SCSK422>
23. Bolotnov A.V. Informational Waves and their Types in Up-To-Date Media Discourse: Statement of the Problem. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015;(6):102–106. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive?year=2015&issue=6&article_id=5362&format=html (accessed 25.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 28.03.2023; revised 04.05.2023; accepted 12.05.2023.

About the author:

Iraida A. Pakshina, Cand. Sci. (Cultur.), Leading Researcher of the Editorial-and-Publishing Department, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (39a B. Khmel'nitsky St., Saransk 430009, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>, iraida-69@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.32

doi: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции сословной структуры русского общества

В. Г. Немировский

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
valnemirov@mail.ru*

Аннотация

Введение. Научная проблема выражается в социальном противоречии между потребностью современного русского государства в эффективной социокультурной интеграции различных регионов страны и недостаточным учетом специфики их социально-сословной структуры в данном процессе. Цель статьи – охарактеризовать сословную структуру регионов России как один из факторов их социокультурной интеграции.

Материалы и методы. Объектом исследования выступила социокультурная интеграция российских регионов, предметом – роль сословной структуры регионов в процессе их социокультурной интеграции. В исследовании были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, формализация, идеализация, гипотетико-дедуктивный метод, анализ научной литературы и данных государственной статистики, вторичный анализ эмпирических исследований. В качестве основного подхода применялся сословный и варианты социокультурного подхода. Использовались также структурно-функциональные концепции.

Результаты исследования. Установлено, что такие элементы сословной структуры, как титульные или нетитульные сословия, неодинаково представлены в различных регионах страны. Сформулирована дефиниция понятия «социокультурная интеграция регионов». Определена роль сословной структуры регионов в процессе их социокультурной интеграции. Сделан вывод, согласно которому сочетание сословной и стратификационной (классовой) структур общества в силу неизбежных противоречий между ними может приводить к возникновению институциональных, ценностных и иных социальных конфликтов, выступающих препятствием для эффективной социокультурной интеграции регионов. Их следствием может быть социокультурная фрагментаризация и дезинтеграция регионов.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования могут быть использованы для повышения эффективности социокультурной интеграции регионов России, а также с целью совершенствования региональной социальной политики. Дальнейший анализ данной проблемы предполагает

© Немировский В. Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

проведение компаративных исследований на основе создания специальной методики, позволяющей выявлять принадлежность людей к тем или иным сословиям, социальным классам и стратам.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, социокультурная интеграция регионов, социология региона, социальная структура, сословная структура, социокультурный подход

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Немировский В. Г. Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции сословной структуры российского общества // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 548–563. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563>

Original article

The Problem of the Socio-Cultural Integration of Regions through the Prism of the Concept of the Estate Class Structure of Russian Society

V. G. Nemirovskiy

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
valnemirov@mail.ru*

Abstract

Introduction. The motivation for this research is the social contradiction between the need of the modern Russian state for effective socio-cultural integration of various regions of the country, on the one hand, and yet insufficient consideration of the peculiarities of their estate social structure in this process. The purpose of the article is to consider the estate class structure of the regions of Russia as one of the factors of their socio-cultural integration.

Materials and Methods. The object of the study is the socio-cultural integration of Russian regions. The subject is the role of the estate class structure of regions in the process of their socio-cultural integration. A number of general scientific methods are used in this study: analysis, synthesis, induction, formalization, idealization, hypothetical-deductive method, analysis of scientific literature, secondary analysis of empirical studies, analysis of state statistics. As the main was used estate structure approach and variants of the socio-cultural approach. Structural and functional concepts were also used.

Results. It was found that the elements of estate class structure such as titular or non-titular estates are not equally represented in different regions of the country. The definition of the concept of socio-cultural integration of regions is introduced. The role of the estate class structure of the regions in the process of their socio-cultural integration is determined. It is concluded that the combination of estate and stratification (class) structures of society, due to the inevitable contradictions between them, can lead to the emergence of institutional, value and other social conflicts that act as an obstacle to effective socio-cultural integration of regions. This may lead to the socio-cultural fragmentation and disintegration of regions.

Discussion and Conclusion. The results of the study can be used to enhance the effectiveness of the socio-cultural integration of Russian regions, as well as to improve regional social policy. Further analysis of this problem involves the conducting of comparative studies based a special technique that makes it possible to identify people's belonging to certain estates, social classes and strata.

Keywords: socio-cultural integration, socio-cultural integration of the regions, sociology of the regions, social structure, estate social structure, socio-cultural approach

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Nemirovskiy V.G. The Problem of the Socio-Cultural Integration of Regions through the Prism of the Concept of the Estate Class Structure of Russian Society. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):548–563. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.548-563>

Введение. Рассматриваемая нами научная проблема в онтологическом аспекте выступает как социальное противоречие между потребностью современного российского государства и общества в эффективной социокультурной

интеграции различных регионов нашей страны и недостаточным учетом специфики их сословной структуры в данном процессе.

В гносеологическом плане проблема заключается в отсутствии достаточно полно разработанной концепции социокультурной интеграции регионов и самого данного понятия. Авторы, использующие этот концепт в своих исследованиях, трактуют его по-разному, часто весьма упрощенно и противоречиво. Нет четких трактовок механизмов данного процесса, детерминирующих факторов и научно обоснованной информации об особенностях его протекания в современной России, а также препятствиях на этом пути.

Специфика социальной дифференциации различных регионов в соответствии со стратификационной моделью общества в отечественной социологии изучена довольно подробно, однако ее анализ в аспекте сословной структуры остается вне поля внимания социологов. Между тем опубликовано немало работ, которые посвящены изучению сословной структуры современного российского общества в целом. Соответственно, новизна статьи определяется, с одной стороны, слабой исследованностью проблемы социокультурной интеграции регионов, с другой – полной неизученностью роли в данном процессе сословной структуры современного российского общества. Если региональные особенности социальной структуры населения с позиций социально-стратификационного подхода исследованы довольно подробно, то специфика сословной структуры регионов России как один из факторов процесса их социокультурной интеграции еще не выступала предметом социологического анализа.

Актуальность исследования определяется изменением вектора социокультурного развития нашей страны. До недавнего времени существовала надежда на все более глубокую социокультурную интеграцию страны в целом и ее отдельных регионов (об этом, например, свидетельствовало активное развитие трансграничного сотрудничества) в западное социокультурное сообщество. Сегодня же мы видим, что она оказалась иллюзорной. Фокус социокультурной интеграции регионов современной России, которая является одной из важных государственных задач, смещается внутрь страны. Трудности в ее реализации могут привести к дезинтеграции социума по ряду параметров, среди серьезнейших последствий которой можно назвать нарастание социальной напряженности и склонности социальных акторов к антиобщественным, в том числе экстремистским, действиям. В конечном итоге это может способствовать нарастанию центробежных тенденций в сфере регионального взаимодействия. Между тем именно эффективная социокультурная интеграция регионов и их жителей выступает одним из важнейших факторов сплоченности страны, формирования у населения доверия к власти, важным препятствием на пути роста социальной напряженности и различных видов экстремизма.

В настоящее время в нашем обществе отсутствует специализированная управляющая система социокультурной интеграции, что часто приводит к развитию антипода последней – дезинтеграции социума. К числу проявлений дезинтеграции относятся различные виды эксклюзии, депривации, дезадаптации, интолерантности, социального недоверия, роста социального неравенства, социальной напряженности, склонности населения к антисоциальным действиям и экстремистскому поведению. Актуальность рассматриваемой нами проблеме придают и высокая гетерогенность региональной социальной структуры российского общества по различным показателям, и влияние негативных процессов в финансово-экономической сфере на социокультурную ситуацию, что затрудняет

в нем процесс социокультурной интеграции и требует формирования специальных институциональных механизмов для ее успешной реализации.

Наконец, актуальность статьи связана с наметившейся тенденцией к расширению России за счет новых регионов и необходимостью их социокультурной интеграции (например, Республики Крым).

Объект исследования – социокультурная интеграция российских регионов; предмет исследования – роль сословной структуры регионов в процессе их социокультурной интеграции. Цель статьи – на основе проведенного исследования охарактеризовать сословную структуру регионов как один из факторов их социокультурной интеграции.

Обзор литературы. *Феномен социокультурной интеграции регионов.* Прежде чем рассматривать социокультурную интеграцию регионов, приведем дефиницию самого понятия «регион». Мы опираемся на концепцию Н. И. Лапина, в соответствии с которой «в общетеоретическом смысле регион – это исторически сложившееся *территориальное сообщество* людей в составе большого общества, макроячейка его социокультурного пространства» [1, с. 7].

В современной зарубежной социологии понятие «социокультурная интеграция» используется не в контексте регионального взаимодействия, а для междисциплинарного исследования миграционных процессов и их последствий [2–7], политологического анализа социокультурной интеграции этнических меньшинств [8], с позиций социологии менеджмента (интеграция и адаптация в организационной культуре, особенно в межкультурной среде, например, при слиянии предприятий) [9], при изучении показателей социокультурной и социальной интеграции, связанных с улучшением физического и психического здоровья, использованием основных услуг общественного здравоохранения среди внутренних мигрантов [10] и др. Как видим, в современной зарубежной научной литературе употребление термина «социокультурная интеграция» связано с междисциплинарным изучением широкого спектра социальных и культурных характеристик процессов формирования социальных связей между общностями и группами. При этом подобные процессы с участием социально-территориальных образований, в частности регионов, в рамках существующей традиции остаются вне поля зрения исследователей.

В отечественной социологии значительное внимание анализу социокультурной интеграции регионов уделяет М. Е. Попов, относящий данный феномен к фундаментальным конструктивистским категориям, которые в настоящее время широко используются в современной социологии для описания концепции, цель которой заключается в масштабном содействии развитию социокультурной системы, в которой стабильность, безопасность, терпимость, уважение к многообразию, равенство возможностей, социальная инклюзия являются необходимыми и атрибутивными принципами [11, с. 83]. В цитируемой работе социокультурная интеграция правомерно, на наш взгляд, определяется как «...макросоциальный процесс формирования справедливого общества на основе принципов конфликтной дэскалации, инклюзии, борьбы с дискриминацией, толерантности, социального равенства, сплоченности и солидарности. ...Автор рассматривает факторы региональных конфликтов и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности» [11, с. 83]. В своих дальнейших публикациях М. Е. Попов, как и большинство других отечественных социологов, разрабатывающих данную тему, исследует феномен социокультурной интеграции в контексте этнических отношений в обществе.

По мнению И. А. Савченко, культурная идентичность является важным фактором интегрированности и дезинтегрированности для полиэтнического социума. На основе эмпирических исследований она делает вывод о противоположном влиянии навязываемой и сохраняемой культурной идентичности на социокультурную интеграцию социума. В частности, если сохраняемая и добровольно принимаемая идентичность благоприятствует социокультурной интеграции, то навязываемая или утрачиваемая – приводит к его дезинтеграции¹. С. Г. Максимова и соавторы, опираясь на анализ формализованных интервью с внешними мигрантами в семи приграничных регионах России, осуществили моделирование факторов интеграции внешних мигрантов в новую социокультурную среду [12].

Вместе с тем надо подчеркнуть, что, несмотря на широкий спектр используемых индикаторов, названные исследования не касались социокультурной интеграции регионов в контексте их сословной структуры.

Концепция сословной структуры российского общества. В настоящее время в социальных науках распространено мнение, согласно которому сословия существуют лишь в архаическом, феодальном обществе. Согласно другой точке зрения, в социальной структуре современных обществ, в том числе и российского, присутствуют сословные элементы. Есть немало публикаций, посвященных феодальным общественным отношениям в современной России, в которых поднимается тема сословной структуры² [13–15] и др. Правда, нельзя не отметить, что социологи часто избегают обращения к ней в научных статьях и монографиях, отдавая эту тему «на откуп» журналистам и политическим аналитикам или же обсуждая ее преимущественно в публицистическом дискурсе³ [16].

В отечественной науке концепт неофеодализма рассматривается в основном с политологических позиций [17]. В социологии весьма обоснованным и эвристичным, на наш взгляд, является подход, реализованный в работах С. Г. Кордонского, которым «на основе федеральных законов в современной России были выделены семь основных видов служения и соответственно им семь основных (титовых) сословий». Существуют также нетитовые, «...в которых сословные отличия определены не прямым – через служение – образом, а непрямыми законами или советской традицией. Нетитовые сословия не служат, а обслуживают. Они образованы по социальной (государственной) функции, иногда формально не вполне определенной»⁴.

В данном плане определенный интерес представляет также концепция Р. Р. Вахитова, по мнению которого в современной России существуют такие

¹ Савченко И. А. Многоэтничное сообщество в поисках маршрута интеграции : моногр. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2019. 189 с.

² Рябов А. В. Возрождение феодальной архаики в современной России: практика и идеи. М. : Московский Центр Карнеги, Рабочие материалы № 4. 2008. 16 с.; Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.; Кордонский С. Г. Россия: поместная федерация. М. : Европа, 2010. 312 с.; Катасонов В. Ю. От Рабства к Рабству. От Древнего Рима к Современному капитализму. М. : Кислород, 2015. 448 с.; Shlapentokh V., Woods J. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. Palgrave Macmillan US, 2007. 269 p.

³ Inozemtsev V. Russia's Economic Modernization: The Causes of a Failure // Russie.Nei.Visions. 2016. No. 96. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rnv96_inozemtsev_uk_ok.pdf; Становится ли российское общество сословным. Тема с социологом Симоном Кордонским [Электронный ресурс] // Российская газета : сайт. 07.06.2017. URL <https://rg.ru/2017/06/07/stanovitsia-li-rossijskoe-obshchestvo-soslovnym.html>; Дворяне и крестьяне современной России. Социологи о сословной структуре и неформальной экономике нашей страны [Электронный ресурс] // Лента : сайт. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/15/dvoryane> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴ Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. С. 80–95.

служилые сословия, как системные «олигархи», «силовики», журналисты провластных СМИ. К обслуживающим сословиям относятся инженерно-технические работники, рабочие, крестьяне, «бюджетники» (педагоги, медики). Автор приходит к выводу, что важнейшей причиной сохранения сословной структуры российского общества, несмотря на несколько волн модернизации, остается «меньшая ресурсоемкость сословного общества в отличие от демократического классового общества с разветвленным бюрократическим аппаратом» [15, с. 133].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, как справедливо пишет Ж. Т. Тощенко, «классы никуда не исчезли – они просто приобрели другой вид и наполнены другим содержанием. Конечно, в марксистской интерпретации таких классов в современной России нет. Но есть другие не менее важные и не менее значимые показатели, которые образуют устойчивые черты социального положения людей» [18, с. 70]. В данной статье идет речь о сложном и противоречивом *сочетании* социально-классовой и сословной структур в современном российском обществе, неодинаковом в различных регионах страны.

Материалы и методы. Настоящая работа совмещает в себе теоретический и эмпирический уровни исследования, что обусловило применение ряда общенаучных методов, таких как анализ, синтез, индукция, формализация, идеализация, гипотетико-дедуктивный метод. Наряду с этим проанализирована научная литература, осуществлен вторичный анализ результатов эмпирических исследований по рассматриваемой проблеме. Также изучены данные, полученные Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации, что дает возможность оценить численность представителей некоторых титульных сословий.

Как известно, в современной социологии существуют различные вариации социокультурного подхода (они довольно подробно рассмотрены в публикации А. Л. Темницкого [19]). Мы опираемся на одну из таких концепций социокультурного подхода – антропосоциетальный подход, сформулированный Н. И. Лапиным, который был широко использован для анализа регионов, многократно апробирован в представительных эмпирических исследованиях компаративного характера. В основе антропосоциетальной концепции Н. И. Лапина лежат следующие подходы: понимающий и социокультурный подходы М. Вебера и П. Сорокина, структурно-функциональный и социетальный подходы Т. Парсонса, формационная теория К. Маркса⁵. В статье также применялась антропосоциокультурная теория Н. И. Лапина⁶.

Анализ социальной структуры общества невозможен без обращения к устоявшимся традициям структурно-функционального анализа, в частности, связанного с широко известными работами Т. Парсонса, Р. Мертона и других зарубежных и отечественных ученых. В соответствии с предметом исследования использовался сословный подход к изучению социальной структуры современного российского общества, представленный в публикациях Р. Р. Вахитова, С. Г. Кордонского, В. С. Мартынова, В. Э. Шляпентоха и других отечественных авторов.

⁵ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Академия, 2009. 808 с.; Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития Российских регионов» / под ред. Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006. 275 с. URL: http://pse.vscs.ac.ru/uploads/fragment_page_files/2020/06/13921.pdf (дата обращения: 15.01.2023); Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. 111 с. URL: <https://iphras.ru/uplfile/scult/titul.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

⁶ Лапин Н. И. Сложность становления новой России: антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. 362 с.

Результаты исследования. Как было сказано, в отечественной и зарубежной современной научной литературе отсутствует достаточно полное, адекватное и соответствующее цели нашего исследования определение понятия «социокультурная интеграция» применительно к региональному взаимодействию. Авторы, использующие этот концепт в своих работах, трактуют его по-разному, часто весьма упрощенно и противоречиво. Нет научно обоснованной информации об особенностях ее протекания в современной России, а также препятствиях на этом пути.

Причем, если социокультурная интеграция учеными рассматривается практически только в рамках социально-этнической проблематики, то тема социальной интеграции в отечественной социологии освещается довольно широко. Следует согласиться с характеристикой Л. В. Константиновой, согласно которой «изучению сущности социальной интеграции посвящен большой пласт социологической литературы. Исследовательский интерес к данной проблематике детерминируется меняющимися трендами общественных трансформаций, преобладанием интеграционных или дезинтеграционных тенденций» [20, с. 19]. При этом автор рассматривает социальную интеграцию по отношению к любым социальным субъектам, что придает ее подходу определенный универсализм.

Логично возникают вопросы, различаются ли термины «социокультурная интеграция» и «социальная интеграция» и, если да, то в чем заключается их несовпадение? Однако подробный анализ таких различий не относится к задачам нашей работы. Отметим лишь некоторые ключевые аспекты.

Прежде всего мы полагаем, что эти понятия являются одноплановыми. Думается, что соотношение между понятиями «социальная интеграция» и «социокультурная интеграция» во многом идентично соотношению категорий «социальное» и «социокультурное». Первая, согласно распространенным представлениям, в широком смысле, традиционно используется для характеристик любого из процессов и явлений социальной реальности. Распространение второй связано с тенденцией, которую отмечает А. Б. Гофман: «Наблюдается своего рода “культурализация” социальных наук, а также различных сфер социальной практики... Если использовать модное в последние годы слово, то в интересующем нас аспекте мы наблюдаем три следующих друг за другом “поворота” (“turns”) в социологической теории 19 – начала 21 вв.: 1) к “обществу” (“социальному”); 2) к “обществу-культуре” (“социокультурному”); 3) к “культуре”»⁷.

Как в современной отечественной, так и в зарубежной научной литературе отсутствует достаточно полное определение понятия «социокультурная интеграция регионов». Поэтому существует необходимость сформулировать его дефиницию, на которую мы будем опираться в данной статье.

Прежде всего, социокультурная интеграция регионов – это их гармоничное взаимодействие в рамках социокультурного пространства страны, противоположное дезинтеграции. Одновременно это не только процесс, который осуществляется под воздействием различных социокультурных, социально-психологических, социально-экономических и социально-политических факторов, но и его результат, состояние, характеризующееся определенными параметрами. Последние, после соответствующей эмпирической операционализации, могут быть использованы для проведения социологических исследований.

⁷ Гофман А. Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник, 2010. Сб. науч. тр. / ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М., 2010. С. 134–135. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Gofman_Soc_sockult_kult.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

В общем виде социокультурную интеграцию регионов можно определить как социокультурный процесс взаимодействия различных регионов (не только управляемый, но и стихийный) под воздействием тех или иных социокультурных, социально-психологических, социально-экономических и социально-политических факторов и их кооперации в решении различных задач. Разумеется, речь идет не о слиянии регионов в некое социально однородное целое и об их социокультурной унификации, а прежде всего о процессах их эффективного взаимодействия, с учетом интересов как отдельных регионов, так и того социокультурного макропространства (в нашем случае – страны), в которое они включены.

Социокультурная интеграция регионов осуществляется на разных уровнях: федеральном, региональном, социально-групповом, социально-индивидуальном. Если на первых двух уровнях она носит, как правило, управляемый характер, то на двух последующих часто представляет собой стихийный процесс. Субъектами управления могут выступать как государственный и муниципальные органы власти, бизнес-структуры, так и формальные и неформальные общественные объединения.

Н. И. Лапиным было высказано «предположение, что регионы выполняют социокультурные функции: интеграции, жизнеобеспечения, дифференциации, регулирования, коммуницирования» [1, с. 13–14]. Согласно его характеристике, «...вклад в интеграцию общества регион осуществляет легитимацией социетальных ценностей и норм, правил и образцов – формальных и неформальных, развитием позитивных отношений с другими регионами» [1, с. 14]. При этом ученый подчеркивает наличие такой проблемы, как «очень высокая социокультурная дифференциация регионов России (в том числе соседних), ситуаций и фаз их социокультурной эволюции, стандартов и стилей жизни их населения...» [1, с. 13].

На ее преодоление, по нашему мнению, и направлен процесс социокультурной интеграции регионов. В этой связи нельзя не указать на еще одну из важных функций социокультурной интеграции регионов: преодоление социальной эксклюзии, обеспечение доступа к ресурсам тех общественных групп, которые испытывают депривацию своих важнейших социокультурных потребностей.

К числу факторов, детерминирующих социокультурную интеграцию регионов страны, относится специфика их *социальной структуры*, которая непосредственно связана с культурно-историческими и социально-экономическими факторами и определяет региональные социокультурные особенности. В настоящее время в российском социокультурном пространстве существует широкая палитра регионов: от таких, в массовом сознании населения которых присутствуют различные вариации ценностей и норм традиционно-феодално-кланового происхождения (например, некоторые регионы Северного Кавказа), до тех, где широко распространены подобные ценностно-нормативные феномены постмодернистского характера (в первую очередь, Москва и Санкт-Петербург). То же самое касается и соответствующих им формальных и неформальных социальных институтов и социокультурных практик, а также специфики социальной структуры регионов. Обратимся к уточнению определения понятия «сословия». Как уже отмечалось, «под сословиями принято понимать группы людей, которые обладают законодательно закрепленными правами и обязанностями. Межсословные перемещения между ними резко ограничены, а социальные статусы, как правило, передаются по наследству. В царской России выделяли

шесть основных сословий: дворянство, купечество, духовенство, казачество, мещанство и крестьянство. Хотя к тому моменту активно формировались новые классы и различные социальные группы» [21, с. 41].

Наши эмпирические исследования показали, что «в массовом сознании существует своеобразный “рейтинг справедливости” (выступающий аналогом рейтинга социальной конкурентоспособности) места различных сословий в структуре дистрибутивных отношений современного российского общества. Эти представления отражают перераспределение различных благ и ресурсов в пользу прежде всего титульных сословий. Следовательно, современный российский социум как транзитивное общество включает не только классы, но и сословия. Взаимоизолированность последних, жесткая внешняя детерминация распределения ресурсов (иногда “смягчаемая” противоправными практиками) препятствует справедливой конкуренции в обществе. Классовая структура не имеет столь жестких ограничений для конкуренции и, соответственно, для вертикальной мобильности, как сословная. Поэтому данные затруднения могут более эффективно преодолеваться в рамках развития классов и иных социальных групп, сложившихся (или еще формирующихся) в нашем обществе» [21, с. 44].

О наличии сословий и их роли в социокультурных процессах свидетельствует и факт существования в массовом сознании населения мнения, в соответствии с которым ряд из них препятствуют модернизации страны, а другие ей способствуют⁸. По мнению большинства опрошенных, к числу первых относятся представители нетитульных (бизнесмены (крупный, средний и малый бизнес), студенты) и титульных сословий (бюджетники, политики, государственные гражданские служащие, высшие государственные чиновники, военнослужащие, депутаты, сотрудники спецслужб), ко вторым – нетитульных сословий (заключенные, безработные, трудовые мигранты, пенсионеры, инвалиды, казаки) [22, с. 62].

С позиций эффективной социокультурной интеграции регионов страны важно учитывать различное распределение в них представителей титульных и нетитульных сословий. Присутствуют также «этносословия»⁹ [23; 24], роль которых в социокультурной интеграции регионов может быть весьма существенной, однако это тема отдельного серьезного исследования.

В современной России сословная рента часто выступает в форме коррупции, поэтому логично предположить, что в тех регионах, где выше официальный уровень коррупции, может быть выше роль сословных отношений и, соответственно, глубже укорененность сословной структуры. Безусловно, эта гипотеза требует специальных исследований.

Есть официальные данные, характеризующие распространенность коррупционных практик в различных регионах страны. Согласно данным Генпрокуратуры Российской Федерации, наиболее широко различные коррупционные проявления распространены в Москве, Татарстане, Ставропольском крае, Московской области и Башкортостане. Вместе с тем начальник управления по надзору за

⁸ Анализируя модернизацию, мы опираемся на подход, разработанный Н. И. Лапиным: «...модернизация в XXI веке есть комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед государством и обществом в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков; это совокупность процессов технического, экономического и социокультурного развития общества (страны и ее регионов), повышающих его конкурентоспособность. Параметры, характеризующие социокультурное развитие, – суть человеческие измерения модернизации, а процесс качественного повышения их уровня и сбалансированности есть социокультурная модернизация» [25, с. 4].

⁹ Вахитов Р. Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России : сб. ст. М. : Страна Оз, 2016. 224 с.

исполнением законодательства о противодействии коррупции Генпрокуратуры В. Балдин «подчеркнул, что статистика свидетельствует в первую очередь об активности правоохранительных органов в субъектах по выявлению нарушений»¹⁰.

В пользу вышеуказанного утверждения свидетельствуют результаты исследования, показывающего, что «повышение доли государственных служащих (как и доли городского населения) приводит к повышению оценок коррупции в регионах»¹¹.

Поскольку государственные служащие являются одним из основополагающих титульных сословий современной России, приведенные данные могут свидетельствовать о более высокой роли данного сословия в функционировании региональных социумов, в том числе с использованием механизма сословной ренты (иными словами, коррупционных практик), чем других, прежде всего нетитульных, сословий.

Также важным показателем различий в сословной структуре регионов может выступать специфика их социальной дифференциации по уровню жизни населения: логично предположить, что представители титульных сословий (которые могут в силу своего положения присваивать ренту) имеют в среднем более высокий достаток, нежели лица, принадлежащие к сословиям нетитульным. Не случайно результаты исследований, проведенных в Северо-Западном федеральном округе, свидетельствуют, что «размер среднемесячного фактического дохода в категории “бедных и нищих” г. Санкт-Петербурга в среднем равен 21 тыс. руб., что практически соответствует доходу “зажиточных и богатых” в Вологодской области и выше, чем доход «зажиточных и богатых» в Калининградской, Новгородской, Псковской областях – 15–17 тыс. руб. Таким образом, разброс по данному показателю в группе “бедных и нищих” составляет 2,7 раза, “необеспеченных” – 2,1 раза, “обеспеченных” – 2,2 раза, “зажиточных и богатых” – 2,4 раза»¹². При этом в Санкт-Петербурге доля жителей, принадлежащих к таким титульным сословиям, фиксируемым государственной статистикой, как, например, госслужащие, существенно выше, чем в других регионах данного округа. Кроме того, среди городского населения выше доля представителей титульных сословий, нежели среди сельчан. Следует отметить, что российская статистика учитывает

¹⁰ Генпрокуратура составила рейтинг регионов по уровню коррупции [Электронный ресурс] // Известия : сайт. 09.03.2021. URL: <https://iz.ru/1134243/2021-03-09/genprokuratura-sostavila-reiting-regionov-po-urovniu-korruptcii> (дата обращения: 15.01.2023).

¹¹ Кривоусова Е. А. Факторы восприятия коррупции в регионах России // Моделирование экономических процессов методами эконометрики и статистики / Российские регионы в фокусе перемен : Сб. докладов XV Международной конференции. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2021. С. 520. Как известно, в международной исследовательской практике также используется «Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index) – ежегодный составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран» (Индекс восприятия коррупции. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii>). Согласно последним данным, «Россия оказалась на 129-м месте из 180 в рейтинге стран по уровню восприятия коррупции за 2020 год, который составила международная организация Transparency International (ее российское представительство признано Минюстом РФ иностранным агентом). Она получила 30 баллов из 100. Столько же набрали Азербайджан, Габон, Малави и Мали» (Россия заняла 129-е место в рейтинге восприятия коррупции // Коммерсантъ. 28.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4663656> (дата обращения: 15.01.2023). Судя по странам – «соседям» России в данном рейтинге, можно предположить об определенном сходстве ряда элементов социальной структуры и механизмов ее функционирования, с одной стороны, в этих государствах, с другой – в нашей стране.

¹² Социальная структура и мобильность в российском обществе / А. А. Шабунова, Т. С. Соловьева, М. А. Ласточкина ; под науч. рук. д. э. н., проф. В. А. Ильина. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. С. 68.

«численность работников, замещающих должности государственной гражданской и муниципальной службы, по ветвям власти и уровням управления»¹³, а также численность работников государственных предприятий, работников правоохранительных органов и др., которые могут верифицировать определенные титульные сословия¹⁴. Необходимые для анализа элементов сословной структуры общества сведения содержатся в данных Всероссийской переписи населения 2021 г.

Очевидно, возможны и другие, кроме вышеуказанных, представления относительно количества и наименований сословий в современной России. Однако суть вопроса в том, что сословная структура в нашем обществе имеет место и это необходимо учитывать при анализе социокультурных процессов, в том числе интеграционных, происходящих в регионах современной России.

Одним из важнейших препятствий на пути более гармоничной социокультурной интеграции регионов страны выступает социоструктурный диссонанс, связанный с преобладанием в каждом из них того или иного вида социальной дифференциации. Его важным последствием является социокультурная дезинтеграция регионов, которая приводит, например, к интенсивной миграции из менее благополучных республик, краев и областей в более благополучные.

В контексте социокультурной интеграции регионов России важно подчеркнуть, что для социумов, в которых присутствует сословная структура, характерна жесткая борьба за распределяемые ресурсы. В обществах, в которых существует раздача ресурсов, естественным путем складывается сословная иерархия. Вытеснение системы раздатка рыночными отношениями приводит к формированию социально-классовой структуры. Следует согласиться с утверждением Р. Р. Вахитова, который считает, что там, где сосуществуют рынок и раздаток – а именно так и обстоит дело не в идеальных моделях, а в реальных обществах, – сословная и классовая структуры также существуют одновременно и вступают в самые причудливые отношения [15, с. 124].

Очевидно, что представители титульных и нетитульных сословий неодинаково включены в процесс социокультурной интеграции регионов. Первые в соответствии со своими функциями в обществе могут оказывать более результативные управляющие воздействия на процесс интеграции регионов (как и иные важные социальные процессы), нежели вторые. При этом они часто мотивированы увеличением возможностей получения сословной ренты. Но в эффективной социокультурной интеграции регионов заинтересованы также и представители нетитульных сословий, многие из которых стремятся вырваться из ситуации социальной депривации и инклюзии, в которой они часто находятся. Тем самым логично предположить существование не только неодинаковых возможностей представителей двух видов сословий для воздействия на социокультурную интеграцию регионов, но и их различную мотивацию, как и социальные механизмы, с помощью которых данные воздействия реализуются. По нашему мнению, это определяет важность проведения специальных эмпирических исследований, что особенно значимо в условиях трансформаций теоретико-методологических подходов, которые характерны в последнее время для социогуманитарных наук: «фундаментальные изменения, первоначально оцениваемые в рамках либерально-рыночной модерности как архаизирующие (неофеодализм, неопатримониализм, рентно-сословное общество и т. д.), онтологически будут только усиливаться. Они могут привести к формированию

¹³ Российский статистический ежегодник. 2021 : Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 692 с.

¹⁴ Труд и занятость в России. 2021 : Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с.

исследовательского консенсуса по поводу альтернативной нормальности обществ XXI в., которая все чаще предстает как усиление рентно-сословных принципов стратификации и периферизация рыночно-демократических метафор и нарративов в дискурсе легитимации политических режимов» [17, с. 112].

Обсуждение и заключение. Социальная структура региональных сообществ выступает их важной социокультурной характеристикой. Она является одним из основных факторов, который может как способствовать, так и препятствовать эффективной социокультурной интеграции регионов (к сожалению, в настоящее время этот многофакторный процесс в основном остается вне поля зрения социологов).

Судя по данным государственной статистики (фиксирующей, например, такие корреляты «титulyных» сословий, как численность городского населения или государственных служащих), в различных регионах нашей страны они представлены неодинаково. Вместе с тем пока можно говорить лишь о разном соотношении титульных и нетитульных сословий в регионах. Необходимы компаративные исследования на основе специально разработанной методики, позволяющей выявлять не только принадлежность людей к тем или иным сословиям, социальным классам и стратам, но и восприятие ими подобных сословий, их самоидентификацию, социальные ценности и нормы, механизмы и практики, посредством которых сословная структура функционирует.

Добавим, что различные титульные и нетитульные сословия имеют неодинаковые картины мира, специфические мотивационно-смысловые структуры, характерные социокультурные признаки. Все это так или иначе оказывает влияние на процесс социокультурной интеграции регионов и требует анализа с привлечением результатов эмпирических исследований.

Очевидно, что сословная структура формирует несколько иные механизмы социокультурной интеграции регионов, нежели социально-классовая. Сложность их изучения обусловлена также присутствием различных «новых» социальных образований или классов, неодинаково представленных в тех или иных регионах нашей страны, например прекариата.

В рамках данного исследования впервые сформулирован вывод, согласно которому наличие сословной структуры в известной мере препятствует социокультурной интеграции регионов российского общества. По сути, сосуществование в нем сословной и стратификационной (классовой) структуры представляет собой сочетание несочетаемого. Как уже отмечалось, если первая относится к феодальному строю, то вторая – к последующему капиталистическому, который отрицает предыдущий. Кроме того, в ряде территорий высокая обусловленность сословной структуры населения национально-историческими традициями также способна вносить серьезный диссонанс в процесс социокультурной интеграции различных социально-территориальных образований.

Сословная структура создает ряд проблем для эффективной социокультурной интеграции регионов страны, в первую очередь, затрудняя доступ населения к разного рода ресурсам, «принадлежащим» другим регионам.

Уже на данном этапе исследований можно назвать ряд элементов механизма детерминации сословной структурой населения в процессе социокультурной интеграции регионов страны. В частности, она:

- препятствует достижению социальной справедливости, смягчению разного рода социальных неравенств;
- создает ограничения для эффективной конкуренции между регионами;

– осложняет адаптацию инокультурных мигрантов, прибывающих из-за рубежа и замедляет сглаживание межэтнических противоречий (в случае иноэтнической миграции), поскольку титульные сословия часто формируются из представителей национальностей, «титульных» для данного региона;

– затрудняет создание эффективных социальных лифтов, на использование которых рассчитывают как трудовые, так и образовательные мигранты из иных регионов страны, ибо управление ими в значительной степени может быть замкнуто на представителей титульных сословий данного региона;

– тормозит развитие процессов социокультурной модернизации в различных регионах страны;

– способствует консервации существующих социальных инклюзий населения других регионов (прежде всего, представителей нетитульных сословий) путем введения различного рода ограничений (формальных и неформальных) для использования ими тех или иных видов ресурсов, которые в данном регионе более доступны, по сравнению с другими и др.

Все это неизбежно порождает институциональный, ценностный и другие виды социальных конфликтов, которые, очевидно, не благоприятствуют эффективной социокультурной интеграции регионов, напротив, порождая социокультурную фрагментаризацию страны. Более того, их следствием может быть социокультурная дезинтеграция регионов, которая способна привести к центробежным тенденциям.

На детерминацию социокультурной интеграции регионов современной сословной структурой общества могут накладываться и определенные изменения в ней, происходящие в результате влияния наложенных на Россию экономических санкций, последствия которых неодинаково сказываются на жизни представителей различных сословий¹⁵.

Мы полагаем, что для плодотворного изучения социокультурной интеграции регионов в современном российском обществе целесообразно использовать не только социокультурный, но и классовый, стратификационный и сословный подходы, существующие сегодня в социологии. В частности, дальнейшей эмпирической проверки требует выдвинутое нами предположение о взаимосвязи уровня коррупции и состояния сословных отношений в регионах. Весьма перспективным является социологический анализ феномена этносословий (эвристичной в данном плане представляется концепция С. Г. Кордонского), которые, на наш взгляд, играют важную и противоречивую роль в процессе социокультурной интеграции регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лапин Н. И. Статус регионов России и разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2006. Т. 15, № 2. С 3–41. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5205> (дата обращения: 15.01.2023).

2. Terzakis K., Daskalopoulou I. Socio-Cultural Integration of First Generation Immigrants in Greece // Migration Letters. 2021. Vol. 18, no. 6. Pp. 649–658. URL: <https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/948> (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁵ Согласно исследованиям сервиса по подбору кадров HeadHunter, «у 39 % россиян зарплаты не хватает на покрытие основных расходов, еще 38 % признались, что с трудом сводят концы с концами. Наибольшая доля тех, кому не хватает заработанного для основных нужд, оказалась среди рабочих (60 %), медиков и госслужащих (по 51 %)». Цит. по: Рабочие и медики чаще говорят о нехватке зарплаты на основные расходы // РБК. 30.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/06/2022/62bc7f839a794734c1fee4b6> (дата обращения: 10.01.2023).

3. Fischer C. Manifestations and Contestations of Borders and Boundaries in Everyday Understandings of Integration // *Migration Letters*. 2020. Vol. 17, no. 4. Pp. 531–540. URL: <https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/836> (дата обращения: 15.01.2023).
4. Giovanis E. Impact of Migration Policies on Socio-Cultural Participation and Well-Being: Evidence from the Migration Act of 2000 in Germany // *Journal of Economic and Administrative Sciences*. 2022. <https://doi.org/10.1108/JEAS-01-2022-0014>
5. Nakhaie R. Language Proficiency and Sociocultural Integration of Canadian Newcomers // *Applied Psycholinguistics*. 2020. Vol. 41, issue 6. Pp. 1437–1464. <https://doi.org/10.1017/S0142716420000375>
6. Gherghina S., Ploeanu A.-P., Necula C.-V. The Impact of Socio-Cultural Integration on Return Intentions: Evidence from a Survey on Romanian Migrants // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2020. Vol. 18, issue 4. Pp. 515–528. <https://doi.org/10.1080/15562948.2020.1735599>
7. Pavez-Soto I. Sociocultural Integration and Rights of Immigrant Children in the Local Context. The Case of the Recoleta District (Metropolitan Region, Chile) // *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2017. Vol. 49, no. 4. Pp. 613–622. URL: https://www.researchgate.net/publication/320610394_Sociocultural_integration_and_rights_of_immigrant_children_in_the_local_context_The_case_of_the_Recoleta_district_Metropolitan_Region_Chile (дата обращения: 15.01.2023).
8. Ahmed S. P., Ahmed S. U., Hasan I. Transformation of Sociocultural Integration Policy and Inherent Political Theories in the United Kingdom: A Way Forward // *SAGE Open*. 2021. Vol. 11, issue 2. <https://doi.org/10.1177/21582440211007461>
9. Diduc (Sniashko) S. Integration Team Members' Approaches to Uncertainty Management in M&A // *European Management Journal*. 2022. Vol. 40, issue 6. Pp. 917–931. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.10.002>
10. The Association between Social Integration and Utilization of Essential Public Health Services among Internal Migrants in China: A Multilevel Logistic Analysis / J. Liang [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, issue 18. Article no. 6524. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186524>
11. Попов М. Е. Социокультурная интеграция как способ разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23, № 4. С. 186–196. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.16>
12. Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России // *Siberian Socium*. 2019. Т. 3, № 2. С. 18–34. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34>
13. Дерлугьян Г. Кризисы неовотчинного правления // *Логос*. 2006. № 5 (56). С. 154–160. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/56/5_2006_Logos.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
14. Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // *Мир России*. 2012. Т. 21, № 2. С. 62–102. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5027/5383> (дата обращения: 15.01.2023).
15. Вахитов Р. Р. Сословия и раздаток (к уточнению дефиниции сословия) // *Социологический журнал*. 2017. Т. 23, № 4. С. 121–138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5532>
16. Старцев Я. Ю. Неофеодализм или неопатримониализм? Количественный анализ политологической концептуализации «нового Средневековья» // *Vox medii aevi*. 2019. Т. 2 (5). С. 127–149. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00017>
17. Мартыанов В. С. В поисках другого мейнстрима // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4. С. 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
18. Тощенко Ж. Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 62–73. <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7>
19. Темницкий А. Л. Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 4 (19). С. 180–188. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-180-188>
20. Константинова Л. В. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // *Социологические исследования*. 2019. № 8. С. 19–29. <https://doi.org/10.31857/S013216250006133-9>
21. Немировский В. Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // *Социологические исследования*. 2017. № 9. С. 40–47. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6849 (дата обращения: 15.01.2023).
22. Немировский В. Г. Ценностные и социально-сословные препятствия на пути социокультурной модернизации России и ее регионов // *Мониторинг общественного мнения: SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES*

экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 57–70. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1530/1298> (дата обращения: 15.01.2023).

23. Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области / С. Г. Кордонский [и др.] // Идеи и идеалы. 2018. Т. 10, № 4-1. С. 105–135. URL: <https://ideaidealy.nsuem.ru/articles/etnosocialniy-potencial-territorii-osobiy-sluchay-evreyskoy-avtonomnoy-oblasti> (дата обращения: 15.01.2023).

24. Пузанков И. А. «У казака вся жизнь – война, в казачьем сердце страха нет!», или Как сегодня становятся казаками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14, № 4. С. 41–61. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.3>

25. Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-9/Lapin.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

Поступила 01.02.2023; одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 23.03.2023.

Об авторе:

Немировский Валентин Геннадьевич, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Lapin N.I. Status of Regions in Russia, the Unbalance of Their Socio-Cultural Functions. *Universe of Russia*. 2006;15(2):3–41. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5205> (accessed 15.01.2023) (In Russ., abstract in Eng.)

2. Terzakis K., Daskalopoulou I. Socio-Cultural Integration of First Generation Immigrants in Greece. *Migration Letters*. 2021;18(6):649–658. Available at: <https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/948> (accessed 15.01.2023).

3. Fischer C. Manifestations and Contestations of Borders and Boundaries in Everyday Understandings of Integration. *Migration Letters*. 2020;17(4):531–540. Available at: <https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/836> (accessed 15.01.2023).

4. Giovanis E. Impact of Migration Policies on Socio-Cultural Participation and Well-Being: Evidence from the Migration Act of 2000 in Germany. *Journal of Economic and Administrative Sciences*. 2022. <https://doi.org/10.1108/JEAS-01-2022-0014>

5. Nakhaie R. Language Proficiency and Sociocultural Integration of Canadian Newcomers. *Applied Psycholinguistics*. 2020;41(6):1437–1464. <https://doi.org/10.1017/S0142716420000375>

6. Gherghina S., Ploeanu A.-P., Necula C.-V. The Impact of Socio-Cultural Integration on Return Intentions: Evidence from a Survey on Romanian Migrants. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2020;18(4):515–528. <https://doi.org/10.1080/15562948.2020.1735599>

7. Pavez-Soto I. Sociocultural Integration and Rights of Immigrant Children in the Local Context. The Case of the Recoleta District (Metropolitan Region, Chile). *Chungara, Revista de Antropología Chilena*. 2017;49(4):613–622. Available at: https://www.researchgate.net/publication/320610394_Sociocultural_integration_and_rights_of_immigrant_children_in_the_local_context_The_case_of_the_Recoleta_district_Metropolitan_Region_Chile (accessed 15.01.2023). (In Spanish)

8. Ahmed S.P., Ahmed S.U., Hasan I. Transformation of Sociocultural Integration Policy and Inherent Political Theories in the United Kingdom: A Way Forward. *SAGE Open*. 2021;11(2). <https://doi.org/10.1177/21582440211007461>

9. Diduc (Sniashko) S. Integration Team Members' Approaches to Uncertainty Management in M&A. *European Management Journal*. 2022;40(6):917–931. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.10.002>

10. Liang J., Shi Y., Osman M., Shrestha B., Wang P. The Association between Social Integration and Utilization of Essential Public Health Services Among Internal Migrants in China: A Multilevel Logistic Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(18):6524. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186524>

11. Popov M.E. Socio-Cultural Integration as a Tool for Ethnic Conflicts Resolution in the North Caucasus. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2018;23(4):186–196. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.16>
12. Maximova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. The Trust of Migrants Towards Recipient Society in the Context of Social Security in the Russian Border Regions of Russia. *Siberian Socium*. 2019;3(2):18–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34>
13. Derlugyan G. [Crises of Neo-Patrimonial Government]. *Logos*. 2006;(5):154–160. Available at: https://ruthenia.ru/logos/number/56/5_2006_Logos.pdf (accessed 15.01.2023). (In Russ.)
14. Kordonsky S.G., Dehant D.K., Molyarenko O.A. The Estate Components of Russia's Contemporary Social Structure: A Hypothetico-Deductive Analysis and Modeling Attempt. *Universe of Russia*. 2012;21(2):62–102. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5027/5383> (accessed 15.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Vakhitov R.R. Estates and Razdatok (Clarifying the Definition of Estates). *Sociological Journal*. 2017;23(4):121–138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5532>
16. Startsev Yu. Neo-Feodalism or Neopatrimonialism? Quantitative Analysis of the “New Middle Ages” Conceptualizations in Political Science. *Vox medii aevi*. 2019;2:127–149. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00017>
17. Martianov V.S. In Search of Another Mainstream. *Polis. Political Studies*. 2021;(4):112–131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
18. Toshchenko Zh.T. Evolution of Ideas of the Social Structure of Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(10):62–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7>
19. Temnitskiy A.L. The Sociocultural in Complex Society: From Single Notion to Dual Oppositions. *MGIMO Review of International Relations*. 2011;(4):180–188. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-180-188>
20. Konstantinova L.V. Integration Potential of Society: A Conceptualization. *Sociological Studies*. 2019;(8):19–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250006133-9>
21. Nemirovskiy V.G. Justice Concept in the Context of the Estate Social Structure of Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017;(9):40–47. Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6849 (accessed 15.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Nemirovskiy V.G. Value and Social Class Obstacles on the Way Towards Socio-Cultural Modernization of Russia and its Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2013;(4):57–70. Available at: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1530/1298> (accessed 15.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Kordonsky S.G., Chernov M.I., Molyarenko O.A., Plusnin Ju. Ethno-Social Potential of the Territory: a Special Case of the Jewish Autonomous Region. *Ideas and Ideals*. 2018;10(4-1):105–135. Available at: <https://ideaidealy.nsuem.ru/articles/etnosocialniy-potencial-territorii-osobiy-sluchayevreyskoy-avtonomnoy-oblasti> (accessed 15.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
24. Puzankov I.A. A Cossack's Whole Life is War, there is no Fear in a Cossack's Heart!" or How They Become Cossacks Today. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2022;14(4):41–61. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.3>
25. Lapin N.I. [Socio-Cultural Factors of Russian Stagnation and Modernization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;(9):3–18. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-9/Lapin.pdf> (accessed 15.01.2023). (In Russ.)

Submitted 01.02.2023; revised 14.03.2023; accepted 23.03.2023.

About the author:

Valentin G. Nemirovskiy, Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovskiy Av., 117418 Moscow, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Отличительные характеристики организованного спасательного волонтерства в России

О. А. Башева¹ ✉А. В. Невский¹Н. С. Воронина¹П. О. Ермолаева^{1,2}С. О. Гоманова^{1,3}Ю. В. Ермолаева¹А. А. Гречаная¹

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)

² Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация)

³ Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева (г. Москва, Российская Федерация)

✉ olgausacheva@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты первого комплексного исследования волонтерского участия в сфере спасательной работы в современной России. На основе данных, собранных в ходе онлайн-опроса добровольцев спасательных организаций, анализируются социально-демографические характеристики волонтеров, их мотивы и ценности, полученный опыт и представления о разных сторонах волонтерской и спасательной деятельности. Цель статьи – определить особенности данного типа гражданского участия.

Материалы и методы. Исследование строится на результатах массового онлайн-опроса российских волонтеров. Для анализа данных использовались методы описательной статистики: частотный анализ, таблицы сопряженности с применением критерия χ^2 (в частности, для описания социально-демографического портрета волонтеров, их наиболее частых практик, а также для выявления мотивационной структуры); для определения ценностной структуры волонтеров-спасателей была применена методика ценностного портретника Ш. Шварца, а также сравнение средних значений. Анализ предикторов вероятности прекращения волонтерской деятельности проводился посредством процедуры бинарной логистической регрессии.

Результаты исследования. Определено, что волонтеры в сфере спасательной работы обладают особыми характеристиками и демонстрируют специфические паттерны организационного участия. Выделены высокий социальный статус волонтеров, предполагающий положение в профессиональной иерархии не ниже уровня специалистов среднего и высшего звена, наличие высшего образования, доход выше среднего по стране, наличие семьи и детей, владение личным транспортом. Исследование показало высокую значимость организации для продолжения участия и самоидентификации волонтеров. Основным предиктором прекращения волонтерской деятельности становятся конфликты внутри сообщества, но значимы и другие причины выхода (снижение уровня доходов, причины, связанные с семейными обстоятельствами и изменением сферы интересов).

Обсуждение и заключение. Исследование показало проблематичность концептуального разделения коллективного и рефлексивного стиля участия в спасательном волонтерстве, выявило необходимость дальнейшего изучения значимости организационного фактора в построении профессиональной и моральной карьеры волонтера-спасателя посредством проведения диахронного анализа вступления и продолжения волонтерского участия и анализа качественных данных об участии в спасательных организациях. Полученные результаты могут быть использованы добровольческими организациями и государственными службами спасения для вовлечения волонтеров в сферу спасательной работы, разработки мер по усилению мотивации уже задействованных добровольцев, подготовки регламентов и рекомендаций по взаимодействию волонтеров с официальными службами.

Ключевые слова: добровольческие поисково-спасательные отряды, мотивационная и ценностная структуры добровольных спасателей, профессионализация волонтерской работы, спасательное волонтерство, социально-демографический портрет волонтера-спасателя, причины выхода из спасательного волонтерства, самоидентификация волонтеров

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», поддержанного РНФ (грант № 19-78-10052).

Для цитирования: Отличительные характеристики организованного спасательного волонтерства в России / О. А. Башева [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 564–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.564-583>

Original article

Distinctive Features of Organized Rescue Volunteering in Russia

O. A. Basheva^a ✉, A. V. Nevsky^a, N. S. Voronina^a, P. O. Ermolaeva^{a,b},
S. O. Gomanova^{a,c}, Yu. V. Ermolaeva^a, A. A. Grechanaya^a

^a Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

^b Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

^c Mendeleev University of Chemical Technology (Moscow, Russian Federation)

✉ olgausacheva@yandex.ru

Abstract

Introduction. This article presents the results of the first comprehensive study on volunteer participation in the field of rescue work in modern Russia. The study utilized data collected through an online survey of volunteers from rescue organizations to examine the socio-demographic characteristics of volunteers, their motives and values, the experiences they gained, and their perspectives on various aspects of volunteering and rescue activities. The objective of this study is to identify the distinct features of civic participation in this field.

Materials and Methods. The study has relied on the findings of a large-scale online survey of Russian volunteers. Descriptive statistical methods were employed to analyze the data, including frequency analysis and contingency tables using the Chi-square criterion. These methods were particularly useful in characterizing the socio-demographic profile of volunteers, their most common practices, and their motivational structure. Additionally, the method of value portraiture by S. Schwartz was

used to identify the value structure of rescue volunteers, while a comparison of average values was conducted. To investigate the predictors of volunteer activity termination, the study applied binary logistic regression procedures.

Results. The study has identified several characteristics of volunteers in the field of rescue work. Volunteers tend to have a higher social status, holding positions in the professional hierarchy comparable to mid- and top-level specialists. They also tend to have a university degree, an above-average income, a family, children, and personal transportation. The study has also found that the organization plays a significant role in the continued participation and self-identification of volunteers. Conflicts within the community emerge as the primary predictor of volunteer disengagement, along with factors such as income decrease, family circumstances, and changes in personal interests.

Discussion and Conclusion. The study has highlighted the challenge of distinguishing between collective and reflexive styles of participation in rescue volunteering. Further research is needed to understand the role of the organizational factor in shaping the professional and moral development of rescue volunteers, by analyzing entry into and continuation of volunteer participation over time, as well as exploring qualitative data on participation in rescue organizations. Practically, the findings presented in this article can be utilized by volunteer and rescue organizations to engage volunteers in rescue work, enhance motivation among existing volunteers, and establish guidelines and recommendations for collaboration between volunteers and official services.

Keywords: volunteer search and rescue teams, motivation and value structures of volunteer rescuers, professionalization of volunteer work, rescue volunteering, social and demographic profile of rescue volunteers, reasons for discontinuing rescue volunteering, self-identification of volunteers

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The study was carried out within the framework of the project “Emergency volunteering as a reply to the natural and technological challenges in Russia” and supported by the Russian Science Foundation (grant No. 19-78-10052).

For citation: Basheva O.A., Nevsky A.V., Voronina N.S., et al. Distinctive Features of Organized Rescue Volunteering in Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):564–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.564-583>

Введение. Подъем волонтерского движения в сфере спасательной работы в России произошел в начале 2010-х гг. и являлся общественной реакцией на крупномасштабные стихийные бедствия и резонансные случаи пропажи людей. Начавшись как спонтанное движение, спасательное волонтерство приобрело организованные формы и стало профессионализироваться; начали налаживаться взаимодействия с государственными службами спасения. Сейчас движение насчитывает около 370 организаций и объединений. В среднем в них состоит несколько десятков постоянно действующих членов [1]. Большая часть – это поисково-спасательные отряды. Встречаются объединения, занимающиеся спасением животных, помощью аварийно-спасательным командам, пожарным и работникам «скорой»; значительная часть добровольцев участвует в ликвидации природных пожаров.

Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить особенности организованного спасательного волонтерства. Волонтерство в сфере чрезвычайных ситуаций подробно описано в зарубежных исследованиях. Его основные характеристики – постоянное обучение, приобретение новых знаний и навыков, внедрение и использование передовых технологий спасательной работы. Сами волонтеры – чаще всего работающие профессионалы старше 30 лет; для многих из них волонтерство – значимая часть жизни и профессиональной деятельности, которой посвящается много времени. В то же время в России, как в общественном восприятии, так и в научных исследованиях, волонтерство

часто рассматривается как эпизодическое действие, являющееся формой досуга или карьерного продвижения у молодежи. Описание социального портрета российского добровольного спасателя, его мотиваций и особенностей организационного участия позволит восполнить этот пробел. Также следует обратить внимание на разницу между институциональными условиями добровольной спасательной работы в России и за рубежом. Если во многих западных странах волонтеры составляют значительную долю работников спасательных служб, интегрированы в организации, обладают полномочиями штатных спасателей и получают компенсацию за свою деятельность, то в России сотрудничество волонтеров и государственных служб спасения основано преимущественно на инициативе со стороны самих волонтеров. Сфера спасательной работы является прерогативой государственных служб, а законодательство, регулирующее взаимодействие волонтеров и государства, развито слабо. Мы предполагаем, что паттерны волонтерского участия в России будут в значительной степени отличаться от тех, что описаны в зарубежных исследованиях.

Обзор литературы. Возможность единого определения волонтерства в последние десятилетия подвергается критике со стороны исследователей [2; 3], а консенсус сложился вокруг практики выделения его отдельных характеристик волонтерской деятельности¹. Вслед за М. Снайдером и А. Омото мы понимаем волонтерство как свободно выбранную, длящуюся во времени и преднамеренную деятельность по оказанию помощи нуждающимся в ней, которая осуществляется без ожидания вознаграждения или другого типа компенсации и часто через формальные организации [4, p. 3].

Теоретические модели в социологии волонтерства обычно объясняют предпосылки начала волонтерской деятельности [5]. Так, ресурсные модели основываются на социально-демографических характеристиках индивидов. Согласно модели доминантного статуса Д. Х. Смита, на вероятность начала волонтерской деятельности влияют образование, доход, социальные связи и вовлеченность в деятельность других организаций². Более поздние исследования волонтерства используют идею Р. Инглхарта, согласно которой, по мере развития общества происходит переход от материалистических ценностей (где значимы благосостояние и безопасность) к постматериалистическим (где подчеркивается важность таких ценностей как саморазвитие) [2]. Более релевантным для понимания волонтерского участия нам представляется подход Л. Хастинкс, основанный на специфике индивидуальных биографий. В нем выделяются два идеальных типа волонтерского участия – коллективный и рефлексивный [6]. Коллективный предполагает устойчивую самоидентификацию участника со своей территориальной или профессиональной общностью и участие в работе на благо сообщества. Рефлексивный стиль характеризуется ориентацией на построение индивидуальной биографии, обретение новых навыков; для таких волонтеров

¹ Cnaan R. A., Handy F., Wadsworth M. Defining who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1995. Vol. 25, no. 3. Pp. 364–383. <https://doi.org/10.1177/0899764096253006>

² Smith D. H. Determinants of Voluntary Association Participation and Volunteering: A Literature Review // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1994. Vol. 23, no. 3. Pp. 243–263. <https://doi.org/10.1177/089976409402300305>

коллективный опыт и взгляды часто важнее, чем принадлежность к территориальной общности. Большим объяснительным потенциалом здесь обладает одна из ключевых характеристик, заложенных в гипотезе рефлексивной модернизации У. Бека – автономизация индивида и расширение горизонта индивидуальных выборов [7]. Именно автономность и широта выбора в противоположность коллективному контролю являются определяющими для различения этих двух типов. Использование представленных теоретических подходов позволяет выявить тип волонтера, характерный для рассматриваемой нами сферы. Полученные данные о самоидентификации волонтеров и паттернах их организационного участия позволяют критически рассмотреть дихотомию коллективного и рефлексивного стиля, а анализ ценностей и мотиваций обнаруживает значительные сходства с выделенными авторами данного подхода предпосылками участия³ [8].

Последовательность изложения результатов исследования соответствует процессуальной модели волонтерства А. Омото и М. Снайдера⁴. Модель представляет собой трехчастную структуру, логически повторяющую процесс волонтерского участия и включает в себя: а) предпосылки для начала волонтерской деятельности; б) процесс участия, включающий паттерны и опыт волонтерства; в) эффекты, которые волонтерство оказывает на участников процесса.

Учитывая указанные выше подходы и специфику исследуемой группы, мы добавили в нашу версию процессуальной модели следующие факторы. В качестве предпосылок участия мы рассматриваем уровень образования, профессию, личный доход, семейное положение, а также мотивы участия и ценности волонтеров. Говоря о процессе волонтерского участия, мы описываем некоторые особенности организационной работы, степень вовлеченности и самоидентификацию волонтеров: их отношение к своей деятельности, к другим участникам сферы спасательной работы, представления о специфике и значимости своего труда. Эффекты волонтерства, которые мы выделяем, относятся к росту человеческого капитала, проявляющегося в наращивании навыков, компетенций и знаний. Используя эти же показатели, мы рассматриваем основные причины прекращения волонтерской деятельности. Последующие разделы статьи представлены в соответствии с данной моделью.

Материалы и методы. В статье представлены результаты онлайн-опроса постоянных участников волонтерских организаций, действующих в чрезвычайных ситуациях, проводившегося в январе – марте 2021 г. Организации, подходящие под критерии исследования, были выявлены в результате онлайн-мониторинга волонтерских организаций, входящих в реестр некоммерческих организаций или заявляющих о себе как о добровольных ассоциациях граждан. Наше внимание было сконцентрировано на низовых гражданских инициативах, поэтому в исследование не были включены «ведомственные» организации, такие как Российский союз спасателей или Всероссийское добровольное пожарное

³ Volunteer Work, Informal Learning and Social Action / ed. by F. Duguid, K. Mundel, D. Schugurensky. Rotterdam : Sense Publishers, 2013. Pp. 62–78. <https://doi.org/10.1007/978-94-6209-233-4>

⁴ Omoto A. M., Snyder M. Basic Research in Action: Volunteerism and Society's Response to AIDS // Personality and Social Psychology Bulletin. 1990. Vol. 16, no. 1. Pp. 152–165. <https://doi.org/10.1177/0146167290161011>

общество. Для поиска респондентов была проведена рассылка по официальным контактам организаций, также мы обратились к главам организаций с просьбой распространить анкету среди участников. В итоге в опросе приняли участие 319 волонтеров следующих организаций: «ЛизаАлерт», «Экстремум», «Запад», «Отклик», «СпасРезерв», «Волонтер», «Партизан», «Поиск 71», «ДоброСпас», «Легион-Спас», «Добровольные лесные пожарные» и др. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. География опроса охватывает 86 населенных пунктов из 40 регионов. Больше всего среди респондентов жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Москвы и Московской области, Калининградской, Ярославской областей и Красноярского края.

Для анализа данных использовались методы описательной статистики: частотный анализ, таблицы сопряженности с применением критерия χ^2 (в частности для описания социально-демографического портрета волонтеров, их наиболее частых практик, а также для выявления мотивационной структуры), для определения ценностной структуры волонтеров-спасателей была использована методика ценностного портретника Ш. Шварца, а также сравнение средних значений. Для анализа предикторов вероятности прекращения волонтерской деятельности нами была применена процедура бинарной логистической регрессии.

Результаты исследования. *Предпосылки волонтерского участия. Социально-демографический портрет волонтера-спасателя.* Как показали результаты нашего опроса, российский добровольный спасатель – это человек, стоящий на довольно высокой ступени социальной лестницы: обычно это работающий специалист с высшим образованием, часто занятый в престижной профессии и имеющий заработок выше среднего, состоящий в браке, имеющий в собственности автомобиль. Приведенный список социально-демографических характеристик свидетельствует о значительном сходстве данной группы с группой российских специалистов высшей квалификации [9]. Концентрация представителей этой группы заметна в основном в столицах и центрах субъектов Федерации, как и группы добровольных спасателей: 38,2 % из них – жители Москвы и Санкт-Петербурга, а еще 26,0 % – областных центров. Одними из классообразующих признаков специалистов выделяют знания и навыки как особые виды собственности⁵ [10]. Важными активами являются и физиологические ресурсы индивидов, определяемые социально-демографическими характеристиками (прежде всего возрастом и полом) [9].

Возрастные рамки спасательного волонтерства показывают, что в этом направлении заняты люди старше 30 лет (их 80 %). Средний возраст в спасательных организациях выше, чем среди волонтеров других направлений [1, с. 12]. Вход в волонтерство у спасателей происходит в более зрелом возрасте. В целом в этой группе наблюдается гендерный баланс (48,8 % женщин против 51,2 % мужчин), но со смещением в сторону увеличения доли мужчин по мере увеличения возраста волонтеров.

В числе других особенностей – распространенность высшего образования. Если в среднем по стране его получили менее трети россиян⁶, то среди добровольных

⁵ Wright E. O. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge University Press, 1997.

⁶ Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н. В. Бондаренко [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2019. С. 22.

спасателей таких более половины (53,2 %). Профиль их образования чаще связан с точными науками: 29,4 % отметили инженерное дело и технологии, 12,5 % – математические и естественные науки.

Подавляющее большинство добровольных спасателей – работающие люди (86,6 %). Среди них преобладают высококвалифицированные кадры. Доля служащих и специалистов – 38,2 %, руководителей среднего звена – 16,4, высшего звена – 7,3, предпринимателей – 5,9. Часто они заняты в промышленности и энергетике (18,4 %), в сфере информационных технологий (10,8 %).

Навыки, полученные в ходе образовательного процесса и профессиональной деятельности, являются ценным ресурсом и в рамках волонтерской работы, их используют 70,4 % респондентов. Чаще всего они связаны с оказанием медицинской помощи и знаниями в области информационных технологий. Последние позволяют разрабатывать и внедрять в спасательную работу новые технические средства: навигационные и мониторинговые системы, базы данных, радиосвязь, беспилотные летательные аппараты и т. д. Использование специальных технологий является особенностью этого направления волонтерства, однако требует значительных ресурсов. Волонтеров-спасателей отличает довольно высокий уровень дохода. Ежемесячный доход 4 из 10 волонтеров выше среднего по стране: 41,2 % зарабатывают выше 50 тыс. руб., а выше 100 тыс. руб. получают 11,6 %. Показательным является и объем личных финансовых вложений в свою добровольческую деятельность: почти четверть респондентов (24,4 %) тратят от 11 до 20 % своего дохода на волонтерство, а еще 14,8 % – до 30 % (среди волонтеров других направлений таких в два раза меньше).

У большинства есть личный транспорт (63,9 %), что в целом вписывается в общероссийский контекст: 67 % семей в 2018 г. имели автомобили⁷. Однако если сравнивать с добровольцами других направлений, где доля имеющих личный автотранспорт составляет лишь 22,2 % [1, с. 22], то очевидно, что этот показатель скорее отражает специфику спасательного волонтерства.

Важным предиктором участия оказывается и семейное положение: 62,4 % состоят в зарегистрированном или незарегистрированном браке, у 60,3 % есть дети.

Таким образом, наши респонденты представляют собой группу, по характеристикам схожую с теми социальными слоями, которые анализируются в исследованиях У. Бека, Л. Хастинкс и Р. Инглхарта. Для представителей этого слоя характерны высокий уровень автономности в принятии решений, широкий кругозор, а также постматериалистические ценности.

Причины начала волонтерской деятельности. Для выявления возможных причин участия в спасательном волонтерстве на качественном этапе исследования нами была проведена процедура кодирования интервью с волонтерами, полученные причины были заложены в анкету массового опроса. В таблице представлена иерархия мотивов волонтеров. Вопрос задавался таким образом, что необходимо было оценить степень важности перечисленных причин участия по пятибалльной шкале, где 1 – означало «совсем не важно», а 5 – «очень

⁷ День без автомобиля: исключение или правило? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 28.09.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/den-bez-avtomobilya-isklyuchenie-ili-pravilo> (дата обращения: 18.02.2023).

важно». Для снижения размерности данных и более удобной интерпретации мы объединили крайние позиции шкал 1 и 2 в неважные, 3 – в мотивы средней важности, 4 и 5 в важные мотивы, получив трехбалльную шкалу.

Наиболее важными оказались мотивы саморазвития, расширения знаний и навыков (89,8 %) и их применения (83,4 %). Затем следуют мотивы, которые можно отнести к альтруистическим («я могу делиться имеющимся у меня опытом» (77,9 %), «я могу безвозмездно помогать людям» (75,6 %)). Следующую группу мотивов можно обозначить как социальную, характеризующуюся стремлением к общению с интересными людьми (73,6 %), расширению круга общения (64,9 %). После идут гедонистические мотивы («интересно проводить время» (71,7 %), «делать то, что хочется» (66,7 %)). Еще одна группа – это карьерные мотивы («находить полезные контакты» (39,7 %) и «обретение возможностей стать профессиональным спасателем» (36,5 %)). Предпоследнее место по степени важности занимает группа мотивов, относящихся к психологической защите от своих проблем (например, уход от одиночества (19,0 %)). Наименее выраженными стали мотивы, отражающие выгоду для резюме (6,3 %), а также получение различных социальных бонусов (3,1 %).

Т а б л и ц а. Иерархия мотивов добровольных спасателей по степени важности, %⁸

Table. Hierarchy of motives of rescue volunteers in terms of importance, %

Мотив / Motive	Важно / Important	Средняя важность / Medium importance	Не важно / No importance
1	2	3	4
Я приобретаю новые навыки и знания, становлюсь лучше, расширяю кругозор / I acquire new skills and knowledge, become better, broaden my horizons	89,8	8,6	1,7
Я могу применять уже имеющиеся у меня навыки и знания / I can apply the skills and knowledge	83,4	9,6	6,9
Я вижу результат своей деятельности / I see the result of my activity	81,4	9,9	8,6
Я могу делиться имеющимся у меня опытом / I can share my experience	77,9	12,5	9,5
Я могу безвозмездно помогать людям / I can help people for free	75,6	12,5	11,9
Я могу общаться с интересными людьми / I can communicate with interesting people	73,6	15,7	10,8
Я могу интересно проводить время / I can have fun	71,2	18,0	10,9
Я могу делать то, что мне хочется / I can do what I want	66,7	12,5	20,8
Я расширяю круг своего общения / I'm expanding my social circle	64,9	18,9	16,2
Я могу улучшить жизнь в своем городе / I can improve life in my city	64,6	18,2	17,2
Я провожу время в кругу друзей и единомышленников / I spend time with friends and like-minded people	62,5	20,1	17,4

⁸ Таблица составлена авторами на основе данных онлайн-опроса волонтеров, проведенного в январе – марте 2021 г. (n = 319).

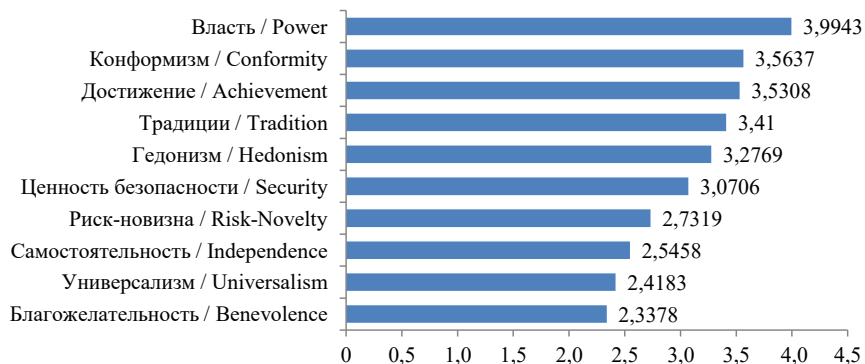

Окончание табл. / End of table

1	2	3	4
У меня есть возможность влиять на ситуацию в обществе, менять ее к лучшему / I have the opportunity to influence the situation in society, change it for the better	61,7	13,2	25,1
Я занимаюсь волонтерством как хобби / I volunteer as a hobby	58,5	21,1	20,4
Я чувствую себя хорошим человеком / I feel like a good person	54,3	18,3	27,4
Я могу держать себя в хорошей физической форме / I can keep myself in good physical shape	54,2	20,1	25,8
Я могу реализовать свои идеи / I can realize my ideas	47,3	22,8	29,9
Я могу заботиться о природе / I can take care of nature	46,6	17,8	35,6
Я чувствую, что делаю то, что без меня никто не сделает / I feel like I'm doing what no one would do without me	46,5	25,1	28,5
Здесь я чувствую комфорт, доверие и безопасность / Here I feel comfort, trust and safety	46,1	23,6	30,3
Я могу находить здесь полезные контакты / I can find useful contacts here	39,7	18,5	41,8
Этот опыт даст мне возможность стать профессионалом в той области, в которой я сейчас выполняю работу добровольно / This experience will give me the opportunity to become a professional in the field in which I currently work voluntarily	36,5	10,0	53,5
Я могу путешествовать / I can travel	28,6	18,6	52,9
Я могу «отдать долг» за когда-то оказанную мне безвозмездно помощь / I can "repay a debt" for the help that was once rendered to me free of charge	27,3	14,9	57,8
Я получаю уважение окружающих / I get the respect of others	27,3	17,2	55,6
Здесь я могу не думать о своих проблемах / Here I can stop thinking about my problems	25,7	17,1	57,2
Я получаю доступ к нужной мне информации / I get access to the information I need	23,9	18,2	57,9
У меня много свободного времени / I have a lot of free time	23,6	26,9	49,5
Я чувствую себя героем / I feel like a hero	20,6	16,6	62,9
Я могу уйти от одиночества / I can get away from loneliness	19,0	12,2	68,8
Я могу защитить свои права / I can defend my rights	17,5	14,4	68,0
Я участвую «за компанию» со своими близкими или друзьями / на меня оказали влияние знакомые волонтеры / I participate "for the company" with my relatives or friends / I was influenced by familiar volunteers	13,9	15,9	70,1
Волонтерство необходимо мне для моего резюме / I need volunteering for my resume	6,3	3,0	90,8
Я получаю различные социальные бонусы / I receive various social bonuses	3,1	2,8	94,1

Причины вхождения в волонтерство исследователи рассматривают через взаимосвязанную структуру мотиваций и ценностей⁹. Для выявления ценностной структуры волонтеров-спасателей была использована методика ценностного портретника Ш. Шварца, где по 6-балльной шкале предлагалось оценить свою степень похожести на человека с определенными ценностями (1 означает «очень похож», 6 – «совсем не похож»). 21 переменная была преобразована в 10 базовых ценностей, затем были подсчитаны средние значения (чем меньше значение, тем более выражена ценность) (рис. 1).

Р и с. 1. Ценностная структура добровольных спасателей¹⁰

F i g. 1. Value Structure of rescue volunteers

Как видно из результатов анализа, ценности волонтеров носят более выраженный альтруистический характер, направленность на заботу других. Первые места занимают ценности благожелательности и универсализма. Далее следуют ценности самостоятельности и риска-новизны, что образует ось «открытости изменениям». Они носят более индивидуалистический характер: направленность на получение удовольствия, стремление попробовать новое в жизни. Ценности, которые образуют оси «сохранения» (конформность, традиция и безопасность) и «самоутверждения» (власть, достижение и гедонизм) наименее выражены.

Данные ценности согласуются с наименее выраженными мотивами, полученными нами у волонтеров общественной безопасности, а именно: достижения социальных бонусов и плюсов к резюме. Если рассматривать полученные результаты с позиций, изложенных Л. Хастингс и Ф. Ламертин, то получается, что наши данные подтверждают и описанную ими тенденцию к смешению разных типов мотиваций: мотивы рефлексивного типа (личное саморазвитие) сочетаются с коллективными (альтруизм, чувство долга, желание сделать мир лучше для других). Если смотреть на результаты сквозь призму теории Инглхарта, полученные иерархии мотивов и ценностей свидетельствуют о том, что у российских добровольных спасателей преобладают постматериалистические

⁹ Calcutt B. Valuing Volunteers: Better Understanding the Primary Motives for Volunteering in Australian Emergency Services. University of Wollongong School of Management, Operations, and Marketing, 2019.

¹⁰ Рисунок составлен авторами на основе данных онлайн-опроса волонтеров, проведенного в январе – марте 2021 г. (n = 319).

ценности. Рассматривая полученный социально-демографический портрет как объективные показатели участия в волонтерской деятельности, а ценности и мотивацию – как субъективные, можно констатировать, что результаты по ним согласуются, так как и те, и другие данные подтверждают тезис о том, что у волонтеров общественной безопасности удовлетворены базовые потребности, что дает им стимул заниматься волонтерством.

Особенности участия и самоидентификация добровольных спасателей. Организационная вовлеченность добровольных спасателей. Говоря о процессе волонтерского участия, мы выделяем два основных сюжета: паттерны участия в организациях и особенности самоидентификации участника как волонтера, спасателя и члена организации. Организационные паттерны важны потому, что членство, приверженность целям и ценностям организации, а также продолжительность участия являются одними из наиболее дискуссионных вопросов в предложенной дихотомии коллективного/рефлексивного стиля волонтерства. Также нельзя обойти вниманием те изменения, которые происходят с волонтером в процессе участия: он начинает идентифицировать себя со своей организацией и видом деятельности, что влияет на его оценки в отношении других акторов [11, с. 195].

Добровольческие спасательные организации часто представляют собой сложные структуры; для них характерно внутреннее разделение труда, связанное с разными видами спасательной деятельности. Наше исследование показало две ключевые тенденции: во-первых, формирование устойчивых ролей, связанных с определенными типами волонтерской деятельности, во-вторых, значительно большая, по сравнению с другими видами волонтерства, приверженность волонтерской деятельности в сфере спасательной работы, о которой можно судить по временным затратам на участие.

Наиболее часто встречающимся видом спасательных работ для наших респондентов является поиск пропавших людей в природной среде (28,3 %) и населенных пунктах (20,4 %), далее следует оказание помощи при ДТП (8,9 %), спасение животных (8,8 %), тушение лесных пожаров (6,5 %), помощь медикам в период пандемии COVID-19 (5,5 %), а также тушение пожаров в городских условиях (5,0 %). Разделение ролей внутри спасательных организаций выглядит следующим образом: большинство респондентов (70,0 %) отнесли себя к категории «участник поисковых работ», 38,3 % также выбрали категорию «спасатель», 18,6 % – «пожарный». Кроме того, 30,5 % опрошенных указали, что оказывают информационную поддержку (осуществляют прием звонков, координируют спасательные работы), 15,5 % – психологическую поддержку, 13,5 % – гуманитарную помощь.

Исследование показало значительные ресурсные затраты на волонтерство, особенно для категорий «спасатель» и «пожарный». Одним из показателей затрат мы считаем наличие аттестации на право проведения спасательных работ, которая предполагает обучение профессии спасателя, а также регулярное участие в аварийно-спасательных работах. Если в целом 47,5 % респондентов имеют аттестацию, позволяющую участвовать в спасательной работе, то среди выделенных категорий таких 57,7 %¹¹. Кроме того, существует тенденция к освоению

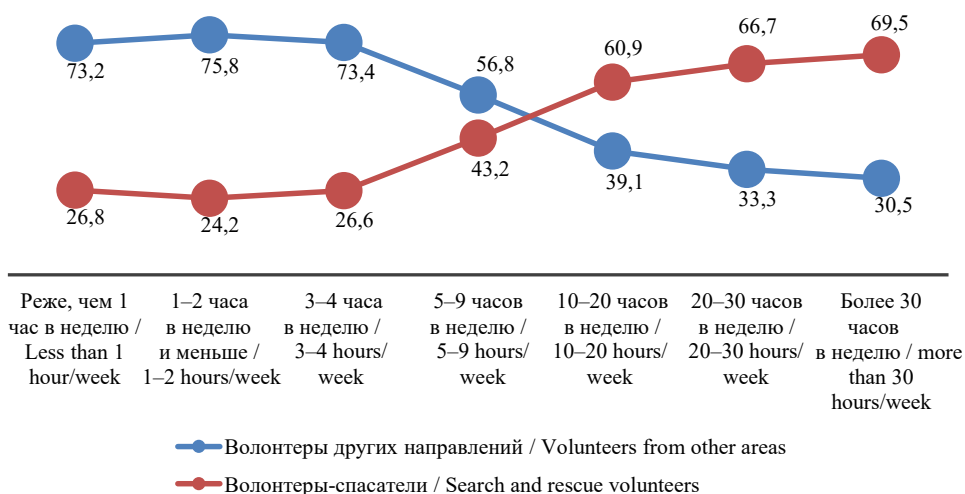
¹¹ $p \leq 0,001$.

различных технических навыков для того, чтобы полноценно участвовать в волонтерской деятельности. 24,2 % опрошенных указали, что в дальнейшем хотят профессионально заниматься тем, что сейчас делают на добровольных началах.

Интерес также представляет роль гендера во внутриорганизационном разделении ролей. Данные нашего исследования показывают, что в спасательных организациях женщины чаще оказываются занятыми в труде, связанном с информационным и коммуникационным сопровождением поисково-спасательных работ, рутинном освещении деятельности организации в соцсетях, оказании психологической помощи. Мужчины же чаще выступают в роли спасателя и пожарного. Так, спасателями и пожарными, не занятыми в координирующей и психологической работе, назвали себя 39,8 % от общего числа респондентов, из них женщины – 30,2 %, а мужчины – 69,8 %. Противоположному паттерну участия, категории «координатор/инфорг, не являющийся пожарным или спасателем» соответствуют всего 14,7 % опрошенных, из них 79,5 % женщин и 20,5 % мужчин.

Вторая тенденция связана со значительными временными затратами на волонтерскую деятельность. Сравнительное исследование разных типов волонтеров, проведенное нами ранее, показало, что добровольные спасатели в среднем тратят больше времени в неделю на волонтерскую деятельность, чем добровольцы других направлений [1, с. 21]. Среди волонтеров, тратящих менее одного часа в неделю, 26,8 % спасателей и 73,2 % волонтеров других направлений, а среди тех, кто тратит 30 и более часов в неделю, соотношение обратное – 69,5 % спасателей против 30,5 % волонтеров прочих направлений. Эта тенденция может быть связана с особенностями работы добровольных спасателей, для которой характерны длительные поисково-спасательные работы или суточные добровольные дежурства в больницах, пожарных частях и т. д. (рис. 2).

Р и с. 2. Временные затраты на волонтерство, %¹²
 F i g. 2. Time spent on volunteering, %

¹² Рисунки 2 и 3 составлены авторами на основе данных онлайн-опроса волонтеров, проведенного в январе – марте 2021 г. (n = 1 070).

Организационная вовлеченность подтверждается также переменами в структуре социальных связей, которые выражаются в изменении круга общения с момента вступления в волонтерство. Для волонтеров в сфере спасательной работы изменения круга общения по сравнению с волонтерством в других направлениях более заметны (рис. 3).

Р и с. 3. Изменение круга общения волонтеров, % от числа выборов
F i g. 3. Change in volunteers' social circle, % of elections number

В контексте предложенного концептуального разделения на коллективный и рефлексивный стили волонтерства, в котором последний характеризуется меньшей организационной вовлеченностью и частой сменой направлений деятельности, следует отметить противоречивую тенденцию. С одной стороны, российские добровольные спасатели в основном принадлежат к когорте специалистов, имеющих высшее образование и ориентированных на получение новых навыков и саморазвитие. С другой стороны, паттерны организационного участия указывают на значительную организационную вовлеченность и затраты, несмотря на относительную слабость коллективного контроля за участием и значительную свободу выбора.

Идентификация с волонтерским сообществом. Мы рассматриваем идентификацию добровольных спасателей в процесс, определяющийся через самопонимание (представления о себе, в том числе через оценку себя глазами «других») и взаимодействие и сравнение с другими группами – участниками реагирования на чрезвычайные ситуации¹³. При этом центральную роль в формировании идентичности добровольного спасателя мы отводим пониманию себя как члена

¹³ Beher K., Liebig R., Rauschenbach T. Strukturwandel des Ehrenamtes. Gemeinwohlorientierung im Modernisierungsprozess. Weinheim, 2000. P. 8–10.

сообщества¹⁴. Полученные нами данные продемонстрировали значимость ряда факторов для самоидентификации волонтера. Это членство и опыт участия в организации, включая процесс непрерывного обучения, использование новаторских технологий, восприятие рискованности своей работы, позитивная оценка взаимодействия с другими участниками реагирования на чрезвычайные ситуации и реципиентами помощи, а также доверие волонтеров к ним или с их стороны.

Групповая самооценка респондентов сформирована на основе представлений об обобщенных характеристиках члена сообщества: волонтеры считают себя стрессоустойчивыми (это отметили 72,7 % респондентов), умеющими находить общий язык с людьми и работать в команде (71,2 %), желающими помогать (61,4 %), физически здоровыми (60,5 %), обладающими специальными навыками и знаниями (59,6 %), а также понимающими цель участия в спасательной деятельности (58,0 %); практически каждый второй отметил необходимость иметь активную гражданскую позицию (44,5 %). 59,6 % организованных добровольных спасателей считают, что их волонтерская работа сопряжена с риском для жизни и здоровья.

Представители организованного спасательного добровольчества склонны позитивно оценивать отношение окружающих к их деятельности: не ниже 4 из 5 баллов. При этом 42,3 % волонтеров считают, что люди часто не понимают, чем они отличаются от сотрудников штатных служб.

Среди всех участников сферы спасательной работы наиболее эффективное взаимодействие добровольцы отмечают с профессиональными службами спасения – на 3,7 баллов из 5, при этом доверие МЧС получило наивысшую оценку среди других групп (4 из 5 баллов), и эту группу мы определяем как референтную для наших респондентов. Сравнение с ней дает представления о том, как оценивают свой потенциал добровольцы в сфере спасательной работы. Так, описывая свои преимущества, они чаще всего отмечали более гибкие действия вне жестко закрепленных протоколов (60,5 %), неформальный подход к работе (48,6 %) и наличие уникальных знаний и тактик (48,0 %). Реже среди достоинств были указаны скорость реагирования, включая координацию сил на местах (42,0 %), наличие знаний «с места» (29,0 %) и необходимого оборудования (24,5 %), понимание потребностей пострадавших (19,0 %), возможность использовать разные источники финансирования (22,6 %). А проигрывают официальным службам волонтерские организации, по мнению их участников, из-за отсутствия постоянного финансирования (73,0 %) и недостаточного количества свободного времени и нехватки людей (61,4 и 60,8 %, соответственно). Чуть более 40,0 % респондентов отметили ограничения допуска в зону чрезвычайных ситуаций, связанные с законодательными барьерами, а почти каждый третий обозначил нехватку опыта, знаний и навыков.

Таким образом, организованные волонтеры-спасатели идентифицируют себя в качестве представителей технологически оснащенного сообщества, являющегося коллективным носителем уникальных навыков и знаний, способного действовать (и действующего) наравне и совместно с профессиональными спасателями, при

¹⁴ Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. Pp. 1–39.

этом гибче и с более глубоким пониманием потребностей местных сообществ за счет близости к населению.

Эффекты волонтерства. Развитие навыков и профессионализация спасательного волонтерства. В качестве ключевых эффектов волонтерства мы рассматриваем рост человеческого капитала: знаний, навыков, а также возможные изменения карьерных траекторий. Большая часть работы добровольных спасателей связана с использованием различных технологий: от поисковых, предполагающих координацию действий большого количества людей в природной или городской среде, и медицинских, до цифровых, связанных с использованием специального программного обеспечения, а также различного оборудования. Для большинства наших респондентов освоение этих технологий связано исключительно с волонтерством: например, учиться работе со специальным оборудованием для участия в спасательных операциях пришлось 75,9 % опрошенных, 7,8 % освоили управление транспортным средством. Реализация перечисленных навыков на практике предполагает предварительное обучение. А возможность применить имеющиеся и приобрести новые навыки рассматривается волонтерами не только как необходимость, но и как поощрение или стимул для участия: 47,2 % респондентов отметили возможность участвовать в обучающих семинарах как бонус волонтерства; для 45,2 % желание как-то применить свои знания и навыки стало стимулом впервые поучаствовать в спасательной деятельности, а 36,0 % сделали это из-за желания освоить новые навыки.

Несмотря на то, что волонтерство, основанное на приобретении навыков, чаще рассматривается как база для будущей профессиональной деятельности [12], российское спасательное добровольчество нельзя отнести к *pro bono* волонтерству или к промежуточному этапу на пути к дальнейшей профессионализации. Для большинства респондентов обретение новых навыков связано с личностным саморазвитием, что также относит данный тип волонтеров к представителям рефлексивного стиля.

Предикторы удержания и выхода из волонтерства в чрезвычайных ситуациях. В перспективе ближайших 3–5 лет 97,7 % респондентов планируют продолжать участие в спасательном волонтерстве, и, тем не менее, 40,6 % когда-либо хотели прекратить или прекращали волонтерскую работу.

Для анализа предикторов вероятности прекращения волонтерской деятельности нами была применена бинарная логистическая регрессия. В качестве независимых переменных выступили: 1) конфликты внутри волонтерского сообщества; 2) знания и опыт. Выбор данных переменных был обусловлен западными исследованиями [13; 14], а также данными проведенных нами ранее глубинных интервью [15; 16], которые было важно проверить через количественные методики. В итоге в качестве основных нами были выбраны две гипотезы: 1) конфликты внутри волонтерского сообщества напрямую влияют на намерение добровольцев прекратить свою деятельность; 2) чем меньше знаний и опыта у волонтеров при присоединении к добровольческой группе, тем реже они хотят «выйти» из волонтерской деятельности. Мы связываем это с непродолжительной длительностью их участия в волонтерской организации в отличие от тех, кто состоит в ней много лет и с большей вероятностью подвержен усталости и эмоциональному выгоранию.

Полученная нами модель объяснила 37,0 % изучаемого признака (коэффициент детерминации Нагелькерка). Наиболее значимым фактором, влияющим на прекращение волонтерской деятельности, оказались конфликты внутри волонтерского сообщества – их наличие увеличивает вероятность выхода. Таким образом, мы принимаем первую гипотезу.

А вот переменная нехватки опыта и знаний, связанная, в том числе, с коротким периодом участия, наоборот, уменьшает вероятность прекращения волонтерства. Этот результат подтверждает нашу гипотезу о том, что саморазвитие, получение новых навыков является важным фактором, мотивирующим их заниматься волонтерской деятельностью, и снижает их намерение покинуть добровольческую деятельность. Наличие специальных навыков, особенно коммуникативных и организационных, значительно снижает и восприятие рисков спасательной деятельности добровольцами для жизни и здоровья и способствует продолжению участия в подобной деятельности.

Обсуждение и заключение. Мы использовали процессуальную модель волонтерства, чтобы охватить основные сюжеты, рассматриваемые в рамках социологии волонтерства: социально-демографический портрет волонтера, анализ мотиваций и ценностных установок, паттерны организационного участия и связанные с ними процессы самоидентификации, а также возможные долгосрочные эффекты волонтерского участия, такие как приобретение новых навыков, профессионализация участия и предпосылки для выхода или продолжения волонтерской деятельности.

Волонтерское участие в спасательной работе более характерно для работающих молодых взрослых в возрасте 30–40 лет, с высшим образованием в основном в сфере точных и естественных наук. В своей волонтерской деятельности они руководствуются мотивами саморазвития, расширения социальных связей, но не в меньшей степени и альтруизмом. Изученные нами паттерны участия выявляют высокую степень организационной вовлеченности волонтеров и значимость организации именно для добровольческой спасательной работы. На первую тенденцию указывают большие ресурсные и временные затраты участников, постепенная профессионализация волонтерской работы, а также существенные по сравнению с другими сферами волонтерства изменения в структуре социальных связей. О важности организации можно судить, исходя из данных о возможных причинах для выхода из волонтерской деятельности. Наиболее значимой из них оказалась вероятность конфликтов внутри организации и сообщества в целом. Также следует отметить значительный уровень групповой самоидентификации сообщества добровольных спасателей, не только как волонтеров, но и как обладающих рядом профессиональных и технологических преимуществ по сравнению с другими участниками данной сферы.

Данные были проанализированы нами с учетом принятого в социологии волонтерства концептуального разделения коллективного и рефлексивного стиля участия. Наше исследование показывает проблематичность вышеуказанного разделения. Действительно, современные российские волонтеры-спасатели – это чаще всего хорошо образованные профессионалы, обладающие значительной автономностью и широким горизонтом жизненных выборов, а их мотивы схожи

с теми, которые рассматриваются как часть рефлексивного стиля волонтерства. Вместе с тем организация играет в жизни добровольных спасателей гораздо более значимую роль, чем это предполагается в модели Хастинкс: значительные временные затраты и приверженность сообществу указывают на достаточно устойчивый паттерн организационного участия. Волонтеры-спасатели делают осознанный индивидуальный и в то же время альтруистический выбор, но инструментом для реализации этого выбора становится спасательная организация – сложный организм, включающий в себя ресурсы, инфраструктуру, совокупность правил, обязательств и договоренностей. В такой организации, как и в любой другой, возможна профессиональная и моральная¹⁵ карьера. Мы предполагаем, что затраты на построение такой карьеры еще больше увеличивают значимость организации для волонтера. Для подтверждения этой гипотезы необходимы исследования, включающие диахронный анализ вступления и продолжения волонтерской деятельности, а также анализ качественных данных об участии в спасательных организациях.

Помимо приращения знаний об исследуемой группе, наша работа также была нацелена на то, чтобы показать, что данная группа может быть эффективным актором в системе реагирования на чрезвычайные ситуации, которой представители официальных служб спасения могут доверять определенные функции, а не быть помехой, создающей дополнительные риски из-за отсутствия необходимого опыта. Учитывая потенциальную пользу от участия добровольных спасателей в процессе реагирования на чрезвычайные ситуации и динамику развития данного направления волонтерства (в текущее время практически в каждом регионе России уже есть официальные соглашения о сотрудничестве между МВД, МЧС, СК и различными добровольными поисково-спасательными отрядами), в практическом плане результаты исследования могут быть использованы для привлечения новых волонтеров, разработки мер по увеличению уровня мотивации уже задействованных добровольцев, подготовки регламентов и рекомендаций по взаимодействию волонтеров с официальными службами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башева О. А., Невский А. В. Социально-демографический портрет волонтера, участвующего в реагировании на чрезвычайные ситуации // ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. С. 10–31. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2>
2. Hustinx L., Cnaan R. A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2010. Vol. 40, issue 4. Pp. 410–434. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x>
3. Overgaard C. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. Vol. 48, issue 1. Pp. 128–145. <https://doi.org/10.1177/0899764018809419>
4. Snyder M., Omoto A. M. Volunteerism: Social Issues Perspectives and Social Policy Implications // Social Issues and Policy Review. 2008. Vol. 2, issue 1. Pp. 1–36. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2008.00009.x>
5. Einolf C., Chambre S. M. Who Volunteers? Constructing a Hybrid Theory // International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. 2011. Vol. 16, issue 4. Pp. 298–310. <https://doi.org/10.1002/nvsm.429>

¹⁵ Lois J. Socialization to Heroism: Individualism and Collectivism in a Voluntary Search and Rescue Group // Social Psychology Quarterly. 1999. Vol. 62, no. 1. Pp. 17–35. <https://doi.org/10.2307/2695853>

6. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003. Vol. 14, no. 2. Pp. 167–187. <https://doi.org/10.1023/A:1023948027200>
7. Beck U., Bonss W., Lau C. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20, issue 2. Pp. 1–33. <https://doi.org/10.1177/0263276403020002001>
8. Hustinx L. Brave New Volunteers? The Value of Paid and Unpaid Work for Flemish Red Cross Volunteers // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2007. Vol. 18, no. 1. Pp. 73–89. <https://doi.org/10.1007/s11266-007-9032-x>
9. Тихонова Н. Е. Специалисты в современной России: социально-демографические особенности состава и ключевые проблемы // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26, № 3. С. 64–89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>
10. Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // *Вестник Института социологии*. 2017. Т. 8, № 2. С. 140–165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>
11. Wilson J. Volunteerism Research: A Review Essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41, issue 2. Pp. 176–212. <https://doi.org/10.1177/0899764011434558>
12. Dempsey-Brench K., Shantz A. Skills-Based Volunteering: A Systematic Literature Review of the Intersection of Skills and Employee Volunteering // *Human Resource Management Review*. 2022. Vol. 32, issue 4. Article no. 100874. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2021.100874>
13. Allen J. A., Mueller S. L. The Revolving Door: A Closer Look at Major Factors in Volunteers' Intention to Quit // *Journal of Community Psychology*. 2013. Vol. 41, issue 2. Pp. 139–155. <https://doi.org/10.1002/jcop.21519>
14. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors // *Australian Journal of Emergency Management*. 2011. Vol. 26, issue 1. Pp. 18–23. URL: <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.805876988065509> (дата обращения: 15.02.2023).
15. Воронина Н. С. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12, № 3. С. 87–107. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752>
16. Гоманова С. О. Сложности волонтерской деятельности в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации // *ИНАБ. Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность*. 2021. № 3. С. 88–94. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.8>

Поступила 31.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 06.04.2023.

Об авторах:

Башева Ольга Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>, olgausacheva@yandex.ru

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1206-8569>, anevskij@gmail.com

Воронина Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8859-6803>, navor@bk.ru

Ермолаева Полина Олеговна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1); доцент Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 23/6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7522-9537>, polina.ermolaeva@gmail.com

Гоманова Сильвия Олеговна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1); доцент Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева

(125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 9, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0192-8404>, silvia_gomanova@mail.ru

Ермолаева Юлия Вячеславовна, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>, mistelfrayard@mail.ru

Гречаная Анна Александровна, магистр социологических наук, старший лаборант-исследователь с высшим образованием Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9430-8097>, njuta-gel@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

О. А. Башева – научное руководство; развитие методологии; сбор данных; подготовка начального варианта текста; формализованный анализ данных; анализ и доработка текста.

А. В. Невский – развитие методологии; подготовка начального варианта текста; сбор данных; формализованный анализ данных; визуализация данных в тексте.

Н. С. Воронина – развитие методологии; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

П. О. Ермолаева – сбор данных; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

С. О. Гоманова – сбор данных; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

Ю. В. Ермолаева – сбор данных; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста.

А. А. Гречаная – сбор данных; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Basheva O.A., Nevsky A.V. [Socio-Demographic Portrait of a Volunteer Involved in Responding to Emergencies]. *INAB. Rossiiskoe volonterstvo v chrezvychainykh situatsiyakh: portret, motivy, deyatelnost'*. 2021;(3):10–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.2>
2. Hustinx L., Cnaan R.A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2010;40(4):410–434. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x>
3. Overgaard C. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2019;48(1):128–145. <https://doi.org/10.1177/0899764018809419>
4. Snyder M., Omoto A.M. Volunteerism: Social Issues Perspectives and Social Policy Implications. *Social Issues and Policy Review*. 2008;2(1):1–36. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2008.00009.x>
5. Einolf C., Chambre S.M. Who Volunteers? Constructing a Hybrid Theory. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2011;16(4):298–310. <https://doi.org/10.1002/nvsm.429>
6. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003;14(2):167–187. <https://doi.org/10.1023/A:1023948027200>
7. Beck U., Bonss W., Lau C. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme. *Theory, Culture & Society*. 2003;20(2):1–33. <https://doi.org/10.1177/0263276403020002001>
8. Hustinx L. Brave New Volunteers? The Value of Paid and Unpaid Work for Flemish Red Cross Volunteers. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2007;18(1):73–89. <https://doi.org/10.1007/s11266-007-9032-x>
9. Tikhonova N.E. Specialists in Modern Russia: Socio-Demographic Composition and Key Problems. *Sociological Journal*. 2020;26(3):64–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>
10. Tikhonova N.E. Human Capital of Professionals and Managers: The Condition and Dynamic. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2017;8(2):140–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>
11. Wilson J. Volunteerism Research: A Review Essay. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012;41(2):176–212. <https://doi.org/10.1177/0899764011434558>

12. Dempsey-Brench K., Shantz A. Skills-Based Volunteering: A Systematic Literature Review of the Intersection of Skills and Employee Volunteering. *Human Resource Management Review*. 2022;32(4):100874. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2021.100874>
13. Allen J.A., Meuller S.L. The Revolving Door: A Closer Look at Major Factors in Volunteers' Intention to Quit. *Journal of Community Psychology*. 2013;41(2):139–155. <https://doi.org/10.1002/jcop.21519>
14. Rice S., Fallon B. Retention of Volunteers in the Emergency Services: Exploring Interpersonal and Group Cohesion Factors. *Australian Journal of Emergency Management*. 2011;26(1):18–23. Available at: <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.805876988065509> (accessed 15.02.2023).
15. Voronina N.S. Motivating Volunteers in Emergencies. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2021;12(3):87–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.752>
16. Gomanova S.O. [Complexities of Volunteering in a Risk-Prone Area]. *INAB. Rossiiskoe volonterstvo v chrezvychaynykh situatsiyakh: portret, motivy, deyatel'nost'*. 2021;(3):88–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.8>

Submitted 31.01.2023; revised 27.03.2023; accepted 06.04.2023.

About the authors:

Olga A. Basheva, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>, olgaasacheva@yandex.ru

Andrey V. Nevsky, Junior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1206-8569>, anevskij@gmail.com

Natalya S. Voronina, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8859-6803>, navor@bk.ru

Polina O. Ermolaeva, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 Bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation); Associate Professor, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (23/6 Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7522-9537>, polina.ermolaeva@gmail.com

Silvia O. Gomanova, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation); Associate Professor, Mendeleev University of Chemical Technology (9 Bld. 1 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0192-8404>, silvia_gomanova@mail.ru

Yulia V. Ermolaeva, Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>, mistelfrayard@mail.ru

Anna A. Grechanaya, Master of Science in Sociology, Senior Research Laboratory Assistant with Higher Education, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5 bld. 1 Bolshaya Andron'evskaya St., Moscow 109544, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9430-8097>, njuta-gel@yandex.ru

Contribution of the authors:

O. A. Basheva – scientific management; development of methodology; data collection; initial text preparation; formalized data analysis; analysis and revision of the text.

A. V. Nevsky – development of methodology; initial text preparation; data collection; formalized data analysis; visualization of data in the text.

N. S. Voronina – development of methodology; formalized data analysis; initial text preparation.

P. O. Ermolaeva – data collection; formalized data analysis; initial text preparation.

S. O. Gomanova – data collection; formalized data analysis; initial text preparation.

Yu. V. Ermolaeva – data collection; formalized data analysis; initial text preparation.

A. A. Grechanaya – data collection; formalized data analysis.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви

Е. А. Коваль^{1,2}С. Г. Ушкин^{3,4}А. А. Сычев^{2,5}Н. В. Жадунова² ✉

¹ Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Саранск, Российская Федерация)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет (г. Саранск, Российская Федерация)

³ Научный центр социально-экономического мониторинга (г. Саранск, Российская Федерация)

⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения (г. Москва, Российская Федерация)

⁵ Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, Российская Федерация)
✉ zhadunovan@mail.ru

Аннотация

Введение. В религиозном сознании далеко не всегда четко дифференцируются канонические нормы, обычаи и суеверия, регулирующие распространенные церковные практики. В результате подмена канонических норм и обычаев суевериями ведет к искажению нормативных оснований религиозных практик. Цель статьи – основываясь на результатах авторского социологического исследования выявить субъективные оценки и определить уровень объективного знания священнослужителей и прихожан о практиках, которые в религиозном сознании маркируются как нормативные и ненормативные.

Материалы и методы. Эмпирической базой послужили данные социологического опроса, проведенного в октябре – ноябре 2022 г. среди священнослужителей и прихожан Мордовской митрополии Русской православной церкви по интерактивной анкете. Применение компаративного метода позволило выявить различия в восприятии канонов, обычаев и суеверий двумя группами опрошенных. В рамках исследования апробированы авторский социологический инструментарий и методы обработки результатов исследования. Поскольку прихожане, и особенно священнослужители, – труднодоступные группы респондентов, использован невероятностный подход к формированию выборки, что повлекло за собой ряд ограничений исследования.

Результаты исследования. Проанализированы субъективные и объективные оценки уровня религиозной грамотности, компонентами которой выбраны знания о канонах, обычаях, суевериях. И священнослужители, и прихожане продемонстрировали достаточно высокий уровень осведомленности о нормативных основаниях религиозных практик, хотя самооценка части прихожан завышена. Выявлены общие представления о нормативном и ненормативном, понятиях «канон», «обычай», «суеверие». Обнаружены расхождения по поводу оценки отдельных практик.

© Коваль Е. А., Ушкин С. Г., Сычев А. А., Жадунова Н. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Определены факторы, группирующие переменные, демонстрирующие разный характер знаний респондентов о канонах, обычаях, суевериях: знания, позволяющие отличать обычаи и каноны от суеверий; знания обычаев, касающихся событийных ситуаций; знания канонов, относящиеся к специальным религиозным знаниям, в том числе регламентирующим деятельность священнослужителей. Статья будет полезна исследователям религиозных практик и религиозного сознания, а также преподавателям духовных учебных заведений.

Ключевые слова: социология религии, религиозное сознание, православие, церковные нормы, канон, обычай, суеверие, священнослужитель, прихожанин

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика».

Благодарности. Авторы благодарят рецензентов, чьи замечания позволили улучшить качество текста, а также священнослужителей и прихожан Мордовской митрополии Русской православной церкви, принявших участие в исследовании.

Для цитирования: Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви / Е. А. Коваль [и др.] // Региология. 2023. Т. 31, № 3. С. 584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>

Original article

Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church

E. A. Koval^{a,b}, S. G. Ushkin^{c,d}, A. A. Sychev^{b,e}, N. V. Zhadunova^b ✉

^a Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation)

^b National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^c Scientific Center for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation)

^d Russian Public Opinion Research Center (Moscow, Russian Federation)

^e Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)

✉ zhadunovan@mail.ru

Abstract

Introduction. The canonical norms, customs and superstitions that regulate common church practices are not always clearly differentiated in religious consciousness. As a result, the substitution of superstitions for canonical norms and customs leads to a distortion of the normative foundations of religious practices. The purpose of this study is to identify the level of subjective and objective knowledge of clergy and parishioners about normative and non-normative religious practices based on the results of the authors' sociological research.

Materials and Methods. The empirical base is the data of a sociological study conducted in October–November 2022 among the clergy and parishioners of the Mordovia Metropolis of the Russian Orthodox Church with interactive questionnaire. A non-probabilistic approach to sampling was used; respondents were recruited through own networks of researchers. The use of comparative method made it possible to identify differences in the perception of canons, customs and superstitions by two groups of respondents. Within the framework of pilot study, the author's sociological tools and methods for result processing were tested. Since parishioners and especially clergy are a hard-to-reach group of respondents, a non-probability approach was used to form the sample. This entailed a number of limitations of the study.

Results. Subjective assessments of the level of religious literacy were analyzed, including the knowledge about canons, customs and superstitions. Not only the clergy, but also parishioners demonstrated a comparatively high level of awareness of the normative foundations of religious practices, although some parishioners have an inflated self-esteem. General ideas about the concepts of normative and non-

normative were revealed, none of the respondents had any objections to the definition of the concepts of “canon”, “custom”, “superstition”. However, discrepancies were found regarding the assessment of some practices.

Discussion and Conclusion. Four factors were identified, in which variables are grouped, demonstrating the different nature of respondents’ knowledge about canons, customs and superstitions: knowledge to distinguish customs and canons from superstitions; knowledge of the customs relating to events and situations; knowledge of the canons; knowledge of the canons relating to special religious knowledge, including those regulating the life of clergy. The article will be useful to researchers of religious practices and religious consciousness, as well as lecturers of the theological educational institutions.

Keywords: sociology of religion, religious consciousness, Orthodoxy, religious norms, canon, custom, superstition, clergyman, parishioner

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-00001 “Normative Dimensions of Christian Canons: Tradition and Dynamics”.

Acknowledgements. The authors thank the reviewers, whose comments improved the research, as well as the clergy and parishioners of the Mordovia Metropolis of the Russian Orthodox Church who took part in the sociological survey.

For citation: Koval E.A., Ushkin S.G., Sychev A.A., Zhadunova N.V. Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>

Введение. Православие составляет основную часть религиозного ландшафта России. О своей приверженности ему сообщает порядка 63 % соотечественников¹, но если рассматривать структуру воцерковленности, то она достаточно разнородна, а порой синкретична. Практика показывает, что «называя себя православными, одни россияне ведут приписываемый церковью образ жизни, а другие не верят в Бога и не ходят в церковь даже по большим праздникам» [1, с. 244]. Мотивы религиозного поведения часто определяются не столько внутренними побуждениями, сколько традицией, региональной спецификой и др.

Часто исследования религиозности и воцерковленности не сосредоточены на дискурсивном анализе религиозных норм и их восприятия населением. Более того, консервативные академические исследования нацелены на изучение статистически значимых дефиниций, а не мнений представителей труднодоступных религиозных сообществ, чья позиция, как принято считать, слабо экстраполируется на общество в целом [2, с. 454].

Православие и отнесение себя к нему становится скорее не смысловым, а идентификационным конструктом [3]. Большинство называющих себя православными в действительности не прибегают к религиозным практикам либо такие практики в их жизни редуцированы до нескольких эпизодов (крещение, венчание, посещение храма на Пасху, отпевание), а религиозность никак не влияет на те нормы и ценности, которыми они руководствуются в повседневной жизни [4, с. 275]. Предположительно, они не обладают даже минимальным религиозным образованием, не хранят семейные религиозные традиции

¹ Отношение к РПЦ и патриарху [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14717> (дата обращения: 07.12.2022).

и ориентируются на свое ближайшее окружение в вопросах о религиозных практиках, поскольку массовая религиозность заявила о себе в период, когда общество было глубоко травмировано социально-политическими трансформациями 1990-х гг. и искало новые идентификационные основания, способные заменить идеологию «советского человека» [5, с. 46].

Главными носителями религиозного знания принято считать священнослужителей и тех, кто периодически посещает храм, участвует в таинстве евхаристии (в дальнейшем для упрощения будем называть их прихожанами, осознавая ограничения данного термина). Однако насколько четко и те, и другие могут дифференцировать нормы, которые регламентируют распространенные церковные практики? И, что самое важное, могут ли они отличать каноны и обычаи от околочерковных суеверий, которые маскируются под веру, но не имеют вероучительных оснований, а иногда и прямо противоречат им? Например, в бывших советских странах, где религия ограничивалась коммунистическим режимом, наблюдается как низкий уровень религиозности, так и склонность к суевию [6]. Региональные социологические исследования выявляют аналогичную тенденцию: «относительно низкая значимость религиозных ценностей и минимальная конфессиональная активность на фоне почти полностью восстановленной церковной инфраструктуры показывают, что современные православные Мордовии признают авторитет Церкви и ее предписания относительно образа жизни практически в той степени, в которой сами считают необходимым с точки зрения своих интересов» [7].

Цель статьи – на основании авторского социологического исследования проанализировать уровень субъективного и объективного религиозного знания о канонах, обычаях и суевериях среди священнослужителей и прихожан, а также выявить проблемные аспекты нормативной регуляции отдельных религиозных практик.

Обзор литературы. Религиозное мировоззрение относится к предметной области междисциплинарных исследований, но значимый прогресс в его изучении произошел благодаря сдвигам в парадигме гуманитарного знания, связанным с развитием социологии культуры [8]. Регулируемые канонами или обычаем практики либо практики, основанные на суевериях, мы рассматриваем как культурные объекты, общие для членов изучаемого сообщества [9, р. 2]. Несмотря на иные культурные артефакты, люди продолжают испытывать потребность в переживании мистического, которое открывается «непосредственно через ритуальные встречи с сакральным»². Такую потребность можно удовлетворить без апелляции к канонам и церковным обычаям, что порождает формы религиозной идентичности, не требующие знания вероучения и даже принадлежности к единому сообществу (например, окултуренная религия [10, р. 211], религия наследия [11], вернакулярная религия³ и др.).

Принято считать, что религия представляет собой единую систему «верований и практик, объединяющих в одно нравственное сообщество, называемое Церковью

² Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: Праксис, 2013. С. 488.

³ Primiano L. N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // *Western Folklore*. 1995. Vol. 54, no. 1. Pp. 37–56. <https://doi.org/10.2307/1499910>

всех тех, кто им привержен»⁴. Функционально она служит воспроизводству общества, члены которого солидаризируются с нормами, устанавливаемыми в контексте конкретного вероучения. Поэтому церковь занимается защитой нормативного пространства, в котором существует, работает на воспроизводство сообществ, проводит просветительскую деятельность, направленную на распознавание и искоренение суеверий и иных околоцерковных явлений, противоречащих официально декларируемым нормам. Важная характеристика этой деятельности – легитимация норм, представляющая собой социально объективированное знание, которое объясняет и оправдывает сложившийся социальный порядок⁵.

Православное сообщество консервативно, ориентировано на традиции, структурирующие практики его представителей. Для обозначения принципа, в соответствии с которым классифицируется та или иная практика, мы использовали введенное П. Бурдьё понятие габитуса⁶ как индивидуальной истории и социального опыта индивида. Оно позволяет очертить матрицу, заложенную в исследование восприятия норм, на которых основаны церковные и околоцерковные практики, а также субъективной оценки умений отличать их друг от друга.

В поле религии имеют соответствующий габитус, в первую очередь, те, кто относится к властным структурам (церковная иерархия, клирики) и те, кто признает нормы, выработанные внутри этого поля, и следует им (воцерковленные прихожане). Бурдьё акцентирует внимание на борьбе за капитал, которая разворачивается в каждом поле, одним из которых является и церковь: «В поле агенты и институты борются в соответствии с закономерностями и правилами, составляющими это пространство игры (а в некоторых случаях борются за эти самые правила) с различной силой и, следовательно, с различной вероятностью успеха, чтобы получить конкретную выгоду, которая стоит на кону в данной игре»⁷. Фактически, происходит борьба церкви с проявлениями символической власти, которая не ориентируется на институциональные практики.

Острота борьбы в поле религии обусловлена не только борьбой за символический капитал. В наиболее радикальной фазе борьбы религия, за которую отвечают профессионалы (священнослужители), противопоставляется магии, в которую могут верить прихожане⁸. В основе многих конфликтов между священнослужителями и прихожанами лежит противопоставление сакрального и профанного (например, если прихожане оказывают давление на нового священнослужителя, опираясь на сложившиеся практики, или более опытные прихожане инструктируют менее опытных, воспроизводя суеверия).

Итак, выявление способности членов православного сообщества работать с практиками, связанными с канонами, обычаями, суевериями, представляет

⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М. : Дело, 2018. С. 95–96.

⁵ Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М. : НЛЮ, 2019. С. 43.

⁶ Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 17–18.

⁷ Bourdieu P. (avec Loïc J. D. Wacquant). Réponses: Pour une anthropologie réflexive. Paris : Seuil, 1992. P. 78.

⁸ Бурдьё П. Генезис и структура поля религии // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 24.

важную исследовательскую задачу для социологии культуры. В данной статье предложен методологический инструментарий, разработанный для ее решения, имеющий как ограничения, так и перспективы для дальнейшего совершенствования.

Материалы и методы. Статья базируется на результатах авторского исследования, проведенного в октябре – ноябре 2022 г. среди священнослужителей и прихожан Мордовской митрополии Русской православной церкви⁹. Метод сбора первичной социологической информации – компьютерное веб-интервью, реализованное на платформе Google Forms. Поскольку строгие данные о структуре и численности изучаемых социальных групп отсутствуют (количество священнослужителей в регионе составляет примерно 500 чел., а доля прихожан, регулярно посещающих церковные службы, по различным социологическим замерам в целом по стране варьируется от 3 до 5 %¹⁰), реализован невероятный подход к формированию выборки. Рекрутирование респондентов осуществлялось посредством собственных сетей исследователей, выборки, управляемой респондентом, и выборки «место – время»¹¹. Все опрошенные проинформированы о цели работы и выразили готовность к сотрудничеству.

Применение простой вероятностной выборки представляется невозможным, поскольку группы священнослужителей и прихожан – трудно исследуемые (*hard-to-survey populations*) или труднодоступные (*hard-to-reach*) совокупности. Данные об их численности носят приблизительный характер, при этом доли среди населения в целом крайне невелики, но составление их досконального перечня – нетривиальная задача. Кроме того, границы группы прихожан крайне размыты, поскольку у исследователей отсутствуют унифицируемые подходы к их пониманию; вследствие этого прихожане крайне тяжело идентифицируются по результатам скрининговых вопросов массовых опросов населения, что занимает достаточно много времени, а сами вопросы могут восприниматься как сенситивные.

В исследовании участвовали 57 священнослужителей и 129 прихожан, их характеристики представлены в таблице 1. Опрос носит разведывательный характер, в его задачи входит апробирование инструментария, определение оптимальных способов формирования выборочной совокупности и релевантных аналитических процедур. Для обработки данных использована специализированная компьютерная программа IBM SPSS Statistics 26. С учетом размеров выборки и пилотного характера исследования для анализа результатов применялись методы описательной статистики и многомерного распределения признаков. Это позволило выявить различия в восприятии канонов, обычаев, суеверий между двумя группами опрошенных.

⁹ Республику Мордовия по ряду характеристик можно отнести к типичным регионам Поволжья, однако здесь фиксируется более высокий, чем по России в целом, уровень религиозности, и более низкий уровень воцерковленности [7].

¹⁰ Существуют различные методики измерения уровня воцерковленности, наиболее известная представлена В. Ф. Чесноковой (Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 297 с.), а ее критика – С. Д. Лебедевым, В. В. Сухоруковым [12].

¹¹ Подробные методологические преимущества и ограничения описаны А. А. Яковлевой [13].

Таблица 1. Характеристики респондентов, %¹²

Table 1. Characteristics of respondents, %

Характеристики / Characteristics	Священнослужители / Clergy	Прихожане / Parishioners
Пол / Gender:		
Мужской / Male	100	20
Женский / Female	–	80
Возраст, лет / Age, years:		
18–29	11	18
30–49	60	56
50 и старше / 50 and older	30	26
Место проживания / Place of residence:		
Город / Urban	60	76
Село / Rural	40	24

Респондентам предлагались общие определения каждой из изучаемых категорий, которые в дальнейшем нужно было соотнести с наблюдаемыми ими практиками. Мы исходили из тезиса, что в религиозном поле происходит борьба между агентами и институциями посредством определенных правил, а также за сами эти правила. С точки зрения официальной церкви, основные дисциплинарные правила, регулирующие жизнь верующих, – каноны¹³. Канонам противостоят суеверия. На границе между ними находятся обычаи, непротиворечащие канонам. Исходя из этого респондентам предложены следующие определения понятий: канон – церковное правило, которое действует в православной церкви и определяет ее устройство и порядок жизни христиан; обычай – неписанное правило, основанное на предании, которое не противоречит писаному церковному закону, при этом обязательность обычая основана на общей убежденности в его правильности и необходимости; суеверие – предрассудок, который не соответствует церковным правилам и может противоречить основам веры.

В опросах священнослужителей и прихожан использован единый инструментарий, включавший два модуля. Первый предполагал субъективную оценку респондентами собственных знаний о канонах, обычаях, суевериях. Второй состоял из тестовых заданий, направленных на выявление уровня реальных знаний о том, в каких ситуациях корректно говорить о канонах, обычаях, суевериях. Дополнительно респонденты, отвечая на открытые вопросы, могли рассказать об известных им религиозных обычаях, суевериях. При проектировании инструментария мы сознательно усилили его экспериментальными метриками.

Для субъективной оценки нами использовалась 10-балльная шкала, которая интерпретировалась следующим образом: от 0 до 3,9 балла – неудовлетворительный уровень знаний, от 4,0 до 4,9 – ниже среднего, от 5,0 до 5,9 – средний, от 6,0 до 6,9 – выше среднего, от 7,0 до 7,9 – хороший, от 8,0 до 8,9 балла – очень хороший и от 9 баллов и выше – превосходный. Каждая из рассматриваемых категорий (каноны, обычаи, суеверия) оценивалась отдельно, затем нами рассчитывалось среднее арифметическое трех значений.

¹² Все таблицы и диаграммы подготовлены авторами на основе результатов собственного исследования (октябрь – ноябрь 2022 г.).

¹³ В Русской православной церкви действует канонический корпус, принятый в I тысячелетии. См.: Каноны, или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016. 288 с.

Реальный уровень знания оценивался на основании количества правильных ответов на вопросы анкеты, в которой примерно равные блоки посвящены канонам, обычаям, суевериям. Полученные значения интерпретированы следующим образом: от 0 до 28 правильных ответов – неудовлетворительный уровень знаний, от 29 до 35 – ниже среднего, от 36 до 42 – средний, от 43 до 49 – выше среднего, от 50 до 57 – хороший, от 58 до 64 – очень хороший и от 65 и выше – превосходный.

Поскольку количество значений было достаточно большим для используемых нами объемов выборочной совокупности, в отдельных случаях снижена чувствительность используемых порядковых шкал: ниже среднего (неудовлетворительный, ниже среднего), средний и выше среднего (выше среднего, хороший, очень хороший и превосходный). Это позволило при построении двумерных распределений и проведении различных видов статистического анализа оперировать относительно наполненными группами.

При разработке тестового блока вопросов социологического инструментария использованы канонический корпус православной церкви (в соответствии с «Книгой правил»), а также обычаи, актуальные в Русской православной церкви, и суеверия, распространенные в Республике Мордовия и за ее пределами. Описание обычаев и суеверий получено от священнослужителей и членов их семей в ходе предварительного интервьюирования; также применялся корпус текстов православных сайтов и телеграм-каналов.

Результаты исследования. Самооценки священнослужителей и прихожан ожидаемо различались. Первые оценивали себя в среднем на 7,6 балла, вторые – на 6,0 баллов из 10. Выше всего представители и первой, и второй группы оценили свои способности идентификации суеверий – 8,4 и 6,5 баллов соответственно. Показательно, что среди священнослужителей декларируемый уровень знаний о канонах и обычаях примерно одинаков (7,2 против 7,1 балла), в то время как среди прихожан – 5,3 против 6,1 балла.

Реальный уровень знаний в обеих группах существенно различается. В среднем из 72 контрольных вопросов священнослужители ответили на 53, прихожане – на 39. Минимальное количество правильных ответов в первом случае составило 38, во втором – 12; максимальное – 69 и 58 соответственно. Наиболее сложные вопросы касались канонов и, как ни парадоксально, суеверий (табл. 2.).

Таблица 2. Наиболее сложные для респондентов вопросы

Table 2. The most difficult questions for respondents

Суждение / Judgment	Процент правильных ответов среди священнослужителей / Percent of correct answers among clergy	Процент правильных ответов среди прихожан / Percent of correct answers among parishioners
1	2	3
Нельзя использовать вилки на поминальных трапезах (<i>суеверие</i>) / Forks should not be used at memorial meals (<i>superstition</i>)	0	6
На свадьбе не подходит танцевать (<i>канон</i>) / Dancing is not appropriate at a wedding (<i>canon</i>)	5	2

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3
Если христиане женятся второй раз, они не могут пригласить на свадьбу священника (<i>канон</i>) / If Christians marry twice, they cannot invite a priest to the wedding (<i>canon</i>)	5	5
Нельзя справлять день рождения, если он приходится на Великий пост (<i>канон</i>) / You can't celebrate a birthday if it falls on Great Lent (<i>canon</i>)	14	8
Всю неделю после праздника Воскресения Христова нужно посещать храм (<i>канон</i>) / All week after the feast of the Resurrection of Christ, you need to visit the church (<i>canon</i>)	21	27
После причастия Святых Христовых Таин нельзя плевать, грызть семечки (<i>суеверие</i>) / After partake of the Holy Mysteries of Christ, one should not spit, nibble sunflower (<i>superstition</i>)	21	29
Брачующиеся должны получить согласие родителей на брак (<i>канон</i>) / People who marry must obtain parental consent (<i>canon</i>)	26	24
Женщинам нельзя посещать храм во время менструации (<i>суеверие</i>) / Women should not visit the church during menstruation (<i>superstition</i>)	30	32
Супруги должны воздерживаться от супружеского общения по согласию, особенно в субботу и воскресенье (<i>канон</i>) / Spouses should refrain from marital intercourse, especially on Saturday and Sunday, by mutual agreement (<i>canon</i>)	40	17
Нельзя уходить из храма до окончания литургии (<i>канон</i>) / It is forbidden to leave the church before the end of the liturgy (<i>canon</i>)	44	40

Примерно четверть прихожан (28 %) оценивают свои знания как низкие, каждый пятый (21 %) – как средние, половина (51 %) – выше средних. Детерминирующим фактором самооценки выступает возраст: доля высоких оценок в группе 18–29-летних респондентов составляет 78 %, а среди людей от 50 лет и старше – 56 %. Среди людей от 30 до 49 лет показатель снижается до 40 %. Кроме того, двумерные распределения признаков показывают, что среди мирян наблюдаются расхождения между субъективными и объективными оценками: в группе людей, чей уровень объективных знаний мы определили как низкий, лишь каждый второй опрошенный (49 %) дает сходные субъективные оценки; в группе со средними – каждый третий (36 %); в группе с высокими – две трети (65 %).

Иная ситуация наблюдается среди священнослужителей. Ниже среднего свои знания оценивают лишь 5 % опрошенных, средними их могут назвать 14 %, выше среднего – 81 %. Наиболее высокие самооценки даются респондентами от 30 до 49 лет (88 %), их доля снижается в группах людей от 50 лет и старше (71 %) и от 18 до 29 лет (67 %). Примечательно, что объективное тестирование ни в одном случае не выявило низкого уровня знаний у священнослужителей. В группе респондентов, чей уровень знаний мы определили как средний, сходные самооценки фиксируются у половины опрошенных (50 %); среди тех, у кого фиксируются высокие оценки, доля сходных оценок увеличивается до 84 %.

Наблюдается следующая тенденция: если респондент описывает уровень своих знаний как высокий, то, как правило, он способен различать каноны, обычаи, суеверия. Однако для священнослужителей характерно скорее занижение, а для прихожан – завышение своих религиозных компетенций. Вероятно, это обусловлено спецификой восприятия религии в целом, поскольку для первой группы – это призвание и профессия, а для второй – способ познания себя и мира, без погружения в специфику предмета. Подобные выводы требуют дальнейшей эмпирической проверки, поскольку исследование носит пилотажный характер, концентрируется лишь на наиболее ключевых доминантах.

Для выявления корреляции между признаками и последующего снижения размерности выполним процедуру факторного анализа. Поскольку его проведение не представляется возможным среди священнослужителей ввиду известных ограничений, связанных с недостаточными объемами выборки, сконцентрируемся на прихожанах. Мы использовали факторный анализ методом главных компонент с вращением матрицы факторных нагрузок варимакс с нормализацией Кайзера, примененный ко всему массиву ответов на тестовые вопросы. КМО составляет 0,527 при значимости по критерию сферичности Бартлетта 0,000, что в целом указывает на адекватность проведения подобной процедуры. Выделено четыре базовых фактора, которые в совокупности объясняют 28,5 % суммарной дисперсии¹⁴ (пятый и последующие факторы, исходя из графика собственных значений, плохо различимы между собой). В каждой из групп выделены переменные с наиболее высокими факторными нагрузками, по модулю превышающими 0,4 (табл. 3). Вероятно, с ростом объемов выборки связанность переменных внутри факторов будет усиливаться, что позволит улучшить качество проведенной процедуры. Но на данном этапе представляется важным из всего массива заложенных нами признаков выбрать те, которые образуют наиболее сильные взаимосвязи, поскольку инструментарий для планируемого массового опроса кажется нам избыточным.

Таблица 3. Типы информированности о канонах, обычаях и суевериях¹⁵

Table 3. Types of awareness about canons, customs and superstitions

Суждение / Judgment	Факторы / Factors			
	1	2	3	4
1	2	3	4	5
После Покрова нельзя убраться на кладбище (Божия Мать положила одеяло, нельзя тревожить покойников) / After the Feast of the Protective Veil, you should not care for the graves (The Mother of God laid a veil, one should not disturb the dead)	0,625			
Родителям нельзя присутствовать на Таинстве Крещения / Parents are not allowed to attend the Sacrament of Baptism	0,573			

¹⁴ В литературе нет строгих указаний на необходимый размер объяснительной дисперсии, решение этого вопроса выходит за рамки строгих математических показателей. Тем не менее есть обоснованная нижняя граница в 30 % для прикладных социологических и маркетинговых исследований [14, с. 27], к которой наши показатели максимально приближаются.

¹⁵ Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошло за 6 итераций. Отображены факторные нагрузки, превышающие [0,4].

Продолжение табл. 3 / Continuation of table 3

1	2	3	4	5
Купание на Крещение позволяет «смыть» все грехи / Bathing on Epiphany “washes away” all sins	0,499			
Если священник после исповеди не порвал бумагу с перечнем грехов кающегося, то кающемуся не простятся грехи / If a priest after confession did not tear the paper with the list of sins of a penitent, then the penitent’s sins will not be forgiven	0,489			
Венец над брачующимися не должна держать замужняя женщина / A married woman should not hold the crown over the spouses	0,486			
Близким родственникам усопшего нельзя нести гроб с его телом / It is not allowed for close relatives of the deceased to carry the coffin with his body	0,480			
Священник должен рекомендовать прихожанам, какой «сильной» иконе помолиться / The priest should recommend to the parishioners which the “strong” icon to pray	0,478			
Встретить священника на улице – к счастью / It is fortunate to meet a priest on the street	0,477			
Если живой человек использует мыло, которым обмывали покойного, он заболит и умрет / If a living person uses the soap that was used to wash the deceased, he will get sick and die	0,471			
Нельзя чистить зубы перед причастием Святых Христовых Таин / You can’t brush your teeth before the partake of the Holy Mysteries of Christ	0,462			
Если священник во время Венчания уронит кольцо, брак будет несчастлив / If the priest drops the ring during the church Wedding, the marriage will be unhappy	0,461			
Необходимо завешивать зеркала, если в доме покойник / It is necessary to cover up mirrors if there is a dead person in the house	0,452			
На Пасху необходимо христосоваться (в виде троекратного поцелуя) / On Easter it is necessary to kiss each other three times	0,635			
Необходимо устраивать поминальные трапезы по усопшим / It is necessary to arrange memorial meals for the deceased	0,562			
На воскресные и праздничные службы следует одеваться празднично / For Sunday and holiday Church Services you need to dress in your best	0,554			
Нужно класть под плащаницу мыло и порошок, чтобы потом «смыть» грехи с покойного / It is necessary to put soap and powder under the shroud in order to “wash away” the sins from the deceased later	0,497			
Необходимо приглашать священника для освящения жилища и рабочих кабинетов / It is necessary to invite a priest for house and office blessing	0,407			
Нельзя причащать умерших / The dead cannot be commune of the Holy Mysteries of Christ			0,557	
Женщинам нельзя входить в алтарь / Women are not allowed to enter the altar			0,531	
Самоубийц нельзя помянуть в храме / Suicides cannot be commemorated in the church			0,529	

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Нельзя отказать умирающему в причастии Святых Христовых Таин / It is impossible to refuse a dying person the communion of the Holy Mysteries of Christ			0,489	
Нельзя крестить умерших / The dead cannot be baptized			0,450	
Если мирянин не постится по средам и пятницам, его отлучают / If a layman does not fast on Wednesdays and Fridays, he will be excommunicated				0,656
Если мужчина женился на вдове или актрисе, он не может стать священником / If a man marries a widow or an actress, he cannot become a priest				0,620
Священнослужителям нельзя мыться и лечиться у иудеев / Priests are not allowed to bathe and be treated by the Jews				0,525
Если клирик посмеется над глухим или слепым, его отлучают / If a cleric laughs at the deaf or blind, he will be excommunicated				0,518
Если клирик или прихожанин без уважительной причины не посещает храм три воскресения подряд, то клирик извергается, а прихожанин отлучается / If a cleric or parishioner, without a valid reason, does not attend church three Sundays in a row, then the cleric will be expelled from the clergy, and the layman will be excommunicated				0,505

Выделенные факторы иллюстрируют усложняющийся характер знаний о религиозных практиках. В классической интерпретации вопрос о специфической природе религиозных верований и практик рассматривается через призму их отличий от морали и правовых установок¹⁶; мы предлагаем в контексте нашего исследования понимать под ними представления, закрепленные в церковной традиции – каноны и обычаи, противопоставляя их суевериям и околоцерковным заблуждениям.

Первый фактор отражает поверхностный уровень знакомства с канонами, обычаями и суевериями, полученный, вероятно, на основе реальных практик и социальных взаимодействий, а не на основе общения со священниками или чтения религиозных текстов. Чаще всего переменные, включенные в данный фактор, диагностируют способность отделить суеверия от обычаев и канонів.

Второй фактор объединяет переменные, характеризующие достаточно хорошую осведомленность о том, как следует вести себя в различных событийных ситуациях: праздники, похороны и пр.

Третий фактор включает переменные, диагностирующие высокий уровень знания канонів, связанных преимущественно со смертью и погребением.

Четвертый фактор группирует переменные, относящиеся к специальным религиозным знаниям, которые чаще базируются на канонах. В нем присутствуют знания, которые прихожане, как правило, могут получить или благодаря углубленному прочтению источников церковного права, или частому взаимодействию со священнослужителями, например, будучи членами их семей или работниками храма. Западные исследования свидетельствуют, что люди,

¹⁶ Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. С. 48.

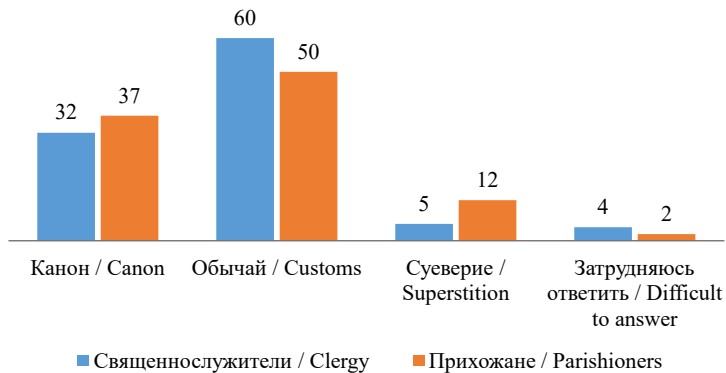
работающие в церкви, практически не подвержены суевериям, в отличие от тех, кто просто декларирует свою религиозность [15].

Показательны ответы священнослужителей и прихожан по отдельным вопросам. Первые лучше ориентируются в канонах, обычаях, суевериях как на субъективном, так и на объективном уровнях. Возможно, это связано с профессионализацией их деятельности, поскольку в программу их обучения включаются дисциплины, посвященные изучению церковного права. Прихожане же знакомятся с содержанием канонов через практику и просветительскую деятельность священнослужителей и посредством своего социального окружения.

По ряду вопросов, которые активно обсуждаются современным церковным сообществом, мнения респондентов существенно отличаются.

Можно выделить три группы ответов: большинство респондентов относят предложенную для оценки практику к нормативной, но часть полагает, что она регламентируется канонически, часть – церковным обычаем. Вторая группа ответов характеризуется тем, что существенная часть респондентов считает практику нормативной для церкви, но не менее значимая часть интерпретирует ее как ненормативную. Третья группа ответов отражает ситуацию, когда каноническая норма оценивается как суеверие.

Пример *первой группы ответов*. Большинство священнослужителей и прихожан полагают, что запрет на посещение храма женщинами в брюках нормативен: более половины считают его обычаем (правильный ответ), примерно треть относит к канонам¹⁷. В качестве суеверия практика рассматривается незначительной частью опрошенных (рис. 1).

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос, к чему относится запрет на посещение храма женщинами в брюках, %

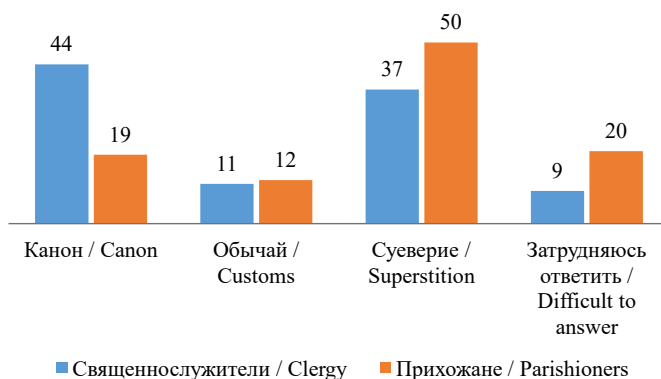
F i g. 1. Distribution of answers to the question, what does the prohibition on visiting the temple by women in trousers refer to, %

Рассмотрим пример из *второй группы ответов*. В совокупности более половины священнослужителей и треть опрошенных прихожан считают, что отлучение мирян, не соблюдающих пост по средам и пятницам, регламентировано

¹⁷ Согласно 13-му правилу Гангрского поместного собора, женщине нельзя одеваться в мужскую одежду. Однако оно относится к конкретной ереси и не имеет прямого отношения к посещению храмов. См.: Каноны, или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. С. 81.

нормами церковного права (каноном – правильный ответ). Тем не менее около трети священнослужителей и половины прихожан маркируют эту практику как суеверие, что может выступать обоснованием для того, чтобы игнорировать ее в повседневной жизни (рис. 2). Между тем соответствующая норма закреплена в ряде канонических правил (69-е Апостольское правило; 15-е правило св. Петра Александрийского).

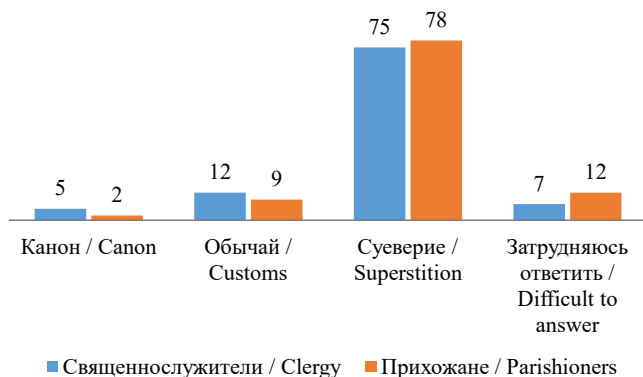
Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос, к чему относится отлучение мирянина, если он не постится по средам и пятницам, %

F i g. 2. Distribution of answers to the question, what is the excommunication of a layman if he does not fast on Wednesdays and Fridays refer to, %

Проанализируем специфику *третьей группы ответов*. Запрет танцевать на свадьбе, введенный 53-м правилом Лаодикийского собора, подавляющее большинство священнослужителей и прихожан считают суеверием (неправильный ответ). Те, кто «узнал» канон (правильный ответ), оказались в абсолютном меньшинстве, здесь стоит говорить о единичных случаях (рис. 3). Это можно объяснить тем, что сегодня запрет практически не соблюдается ввиду того, что свадьба воспринимается не как церковное, а как гражданское мероприятие (из православных норм при ее проведении учитываются даты постов и, реже, отношение к постной пище гостей). Лаодикийский собор (364 г.) сформулировал правило с учетом существующей на тот момент религиозной, социальной и политической ситуации. Христиане не должны были вести себя так же, как язычники, но демонстрировать скромность и иные христианские добродетели. Своим неподобающим поведением в публичных местах, в том числе на свадьбах, христиане могли дискредитировать общину, поэтому правило звучит следующим образом: «Не подобает христианам, на браки ходящим, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обедати, как прилично христианам»¹⁸. В современном обществе некорректное поведение христианина влечет, в основном, индивидуальные репутационные риски, а не групповые. Кроме того, языческие практики почти исключены из свадебных обрядов. Появились современные свадебные атрибуты, не укорененные в язычестве

¹⁸ Каноны, или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. С. 99.

либо утратившие с течением времени семантическую связь с языческими обрядами. Вероятно, в этой связи запрет танцевать на свадьбах сегодня воспринимается как суеверие.

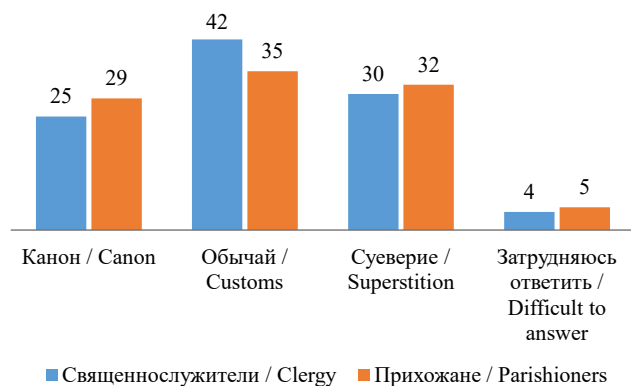

Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос, к чему относится запрет танцев на свадьбе, %
F i g. 3. Distribution of answers to the question, what does the prohibition on dancing at a wedding refer to, %

Далее приведем пример, в котором мнения респондентов распределились практически поровну между каноном, обычаем, суеверием. Речь идет о запрете женщинам посещать храм во время менструации. Только треть опрошенных священнослужителей и прихожан маркировали эту практику как суеверие (правильный ответ). Большая часть респондентов воспринимают запрет как нормативный, хотя он не закреплен канонически и не имеет оснований в вероучении. Показательно, что примерно каждый четвертый опрошенный считает запрет на посещение храма во время менструации каноном, более трети – обычаем (рис. 4). Это свидетельствует о том, что «женский вопрос» требует обсуждения. Канон, запрещающий женщинам «в нечистоте» причащаться, в самом деле существует (2-е правило св. Дионисия Великого), как и новейший церковный документ¹⁹, где воспроизводится эта норма, однако вопрос о посещении храма не регламентирован. Возможно, в церковном сознании эти практики слились в одну, однако причины подобного рода интерпретации представляют самостоятельный предмет изучения.

Обозначенные группы ответов не исчерпывают всего многообразия результатов: вне анализа остались ситуации, когда большинство респондентов корректно оценивали практики или затруднились ответить. Также за пределами анализа остались ответы на открытые вопросы, где респонденты описывали суеверия и церковные обычаи, о которых им известно. Данные ответы могут быть использованы в дальнейших исследованиях восприятия православных церковных норм и практик.

¹⁹ Об участии верных в Евхаристии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3981166.html> (дата обращения: 17.11.2022).

Р и с. 4. Распределение ответов на вопрос, к чему относится запрет на посещение храма женщинам во время менструации, %

Fig. 4. Distribution of answers to the question, what is the prohibition on women visiting the temple during menstruation refer to, %

Обсуждение и заключение. Во-первых, религиозное сознание прихожан в ряде случаев редуцировано к знанию нескольких наиболее важных с их точки зрения практик. Сами практики могут регулироваться как канонами, так и обычаями – четкого разделения между ними не прослеживается. Более того, представления об отдельных религиозных практиках подвержены влиянию околоцерковных суеверий. Выдвинутый более десятилетия назад тезис, что активное суеверное поведение свойственно незначительной доле верующих [16, с. 95], сегодня верен лишь частично: в действительности людям свойственно в большинстве случаев не дифференцировать практики на нормативные и ненормативные, хотя при этом они могут искренне декларировать свое неприятие суеверий. Священнослужители, получившие духовное образование, лучше разбираются в вопросе идентификации канонов, обычаев, суеверий, но и у них случаются ошибки.

Во-вторых, нормативные религиозные требования выполняют роль идеальных факторов, имеющих принципиальную значимость для упорядочения социальной жизни прихожан и священнослужителей. Предпосылки для подобных выводов можно найти в западных исследованиях²⁰. Безусловно, факт знания норм и их источников напрямую не свидетельствует об их исполнении, здесь необходима дополнительная аналитика. Однако само знание, пусть даже выраженное в общем уровне информированности, выполняет роль основания для социальных действий.

В-третьих, фиксируется расхождение в самооценках и правильности ответов на тестовые вопросы среди священнослужителей и прихожан. Первые более критично оценивают свои компетенции, что сказывается на занижении показателей восприятия своего экспертного знания; вторые достаточно высоко оценивают свои компетенции в различии нормативного и ненормативного религиозного поведения, однако реальный уровень знаний у них гораздо ниже заявленного. Скорее всего, причина в том, что священнослужители – образованная

²⁰ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. С. 58–59.

группа населения, регулярно изучающая специальную литературу и имеющая соответствующую подготовку, а прихожане получают отрывочные религиозные знания от священнослужителей, таких же прихожан, непроверенных интернет-источников. При этом сама по себе возможность контакта клирика и не-клирика ограничена, поскольку потенциальные временные затраты на их личное общение не перекрывают потребностей даже 3–5 % населения, регулярно посещающих храмы [17, с. 46].

В-четвертых, выделяется несколько факторов, которые группируют переменные, позволяющие диагностировать уровень знаний респондентов о религиозных практиках. Первый фактор отображает поверхностные представления о канонах, обычаях, суевериях; второй – знания о нормах поведения в событийных ситуациях; третий – знания о правилах поминания и погребения умерших; четвертый – глубокие знания о нормах, регулирующих деятельность священнослужителей. В перспективе это позволяет сократить число вопросов в предлагаемом инструментарии, таким образом сделав его более доступным для прохождения и снизив число потенциальных неотчетов, а также подготовив его к дальнейшему кластерному анализу для сегментации различных групп прихожан.

В ходе исследования апробирован социологический инструментарий, позволяющий выявить субъективный и объективный уровни знаний респондентов о канонах, обычаях, суевериях. Протестирована возможность изучения двух трудно исследуемых групп – прихожан и священнослужителей – посредством компьютерного веб-интервью, предполагающего реализацию различных стратегий рекрутинга. Подавляющее большинство опрошенных не испытывали трудностей с заполнением электронной версии анкеты.

Выявлено, что священнослужители имеют более адекватную самооценку знаний, чем прихожане. Показано, что в отдельных случаях в восприятии большинства респондентов границы между канонами, обычаями и суевериями достаточно условны. У опрошенных не возникало разногласий по поводу определения самих понятий (каноны и обычаи отвечают за область нормативного, суеверия – ненормативного), но диагностированы разные оценки нормативности тех или иных практик. В дальнейших исследованиях по данной проблематике представляется возможным использовать предложенную интерпретацию понятий «канон», «обычай», «суеверие» и учитывать оценку респондентами практик как нормативных или ненормативных.

Полученные результаты способствуют развитию научных представлений о религиозном сознании и его влиянии на религиозные нормы и практики, а также расширению представлений об уровнях воцерковленности. Материалы статьи могут быть полезны при проектировании курсов для священнослужителей, в которых будут затрагиваться вопросы нормативного характера. Дальнейшая перспектива изучения проблем восприятия православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами видится нам в переходе с регионального уровня на национальный (с учетом обозначенных ограничений методологического характера), что предполагает дальнейшее масштабирование предложенной методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пруцкова Е. В. Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 2. С. 243–260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.14>
2. Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы // Мониторинг общественного мнения. 2022. № 2. С. 454–476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>
3. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/filatov_lunkin_religion.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
4. Маркин К. В. Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 2. С. 274–290. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>
5. Рыжова С. В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 44–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
6. McCleary R. M., Barro R. J. Religion and Political Economy in an International Panel // Journal for the Scientific Study of Religion. 2006. Vol. 45, issue 2. Pp. 149–175. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2006.00299.x>
7. Богатова О. А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 114–122. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Bogatova.pdf> (дата обращения: 07.12.2022).
8. Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культуросоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/06/1211606385/9_2_03.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
9. Ochoa N. R. Template Matching and Moral Judgment: A New Method and Empirical Test // Poetics. 2022. Vol. 92, part B. Article no. 101643. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101643>
10. Astor A., Mayrl D. Culturalized Religion: A Synthetic Review and Agenda for Research // Journal for the Scientific Study of Religion. 2020. Vol. 59, issue 2. Pp. 209–226. <https://doi.org/10.1111/jssr.12661>
11. Burchardt M. Regulating Difference: Religious Diversity and Nationhood in the Secular West. New Brunswick : Rutgers University Press, 2020. 254 p. <https://doi.org/10.36019/9781978809635>
12. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118–126. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_1/Lebedev.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
13. Яковлева А. А. Исследования в труднодоступных группах: опыт использования выборки, управляемой респондентом, и выборки «место – время» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 57–79. URL: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3721> (дата обращения: 07.12.2022).
14. Воронин Г. Л. Еще раз о «кластерах на факторах» // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 21–34. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/1156> (дата обращения: 07.12.2022).
15. Toggler B. Determinants of Superstition // The Journal of Socio-Economics. 2007. Vol. 36, issue 5. Pp. 713–733. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2007.01.007>
16. Синелина Ю. Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 89–95. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-04/Sinelina.pdf> (дата обращения: 07.12.2022).
17. Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 32–48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.02>

Поступила 09.01.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

Об авторах:

Коваль Екатерина Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры уголовного права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (430003, Российская Федерация, г. Саранск,

ул. Федосеенко, д. 6.); ведущий научный сотрудник Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Ушкин Сергей Геннадьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а); исследовательский менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения (119072, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>, ushkinsergey@gmail.com

Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского индустриального университета (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Жадунова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, директор Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. А. Коваль – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов; критический анализ и доработка текста.

С. Г. Ушкин – обработка и анализ информации; визуализация результатов исследования; подготовка первоначального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

А. А. Сычев – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Н. В. Жадунова – разработка социологического инструментария; сбор информации; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Prutskova E.V. Easter Cakes and/or Eucharist: Typology of Orthodox Christians Participating in the Blessing of Easter Food. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(2):243–260. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.14>
2. Ostrovskaya E.A. Alternative Media Discourse about the ROC: Orthodox Telegram Channels. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2022;(2):454–476. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>
3. Filatov S.B., Lunkin R.N. [Statistics of Russian Religiosity: the Magic of Numbers and Ambiguous Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2005;(6):35–45. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/filatov_lunkin_religion.pdf (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
4. Markin K.V. Between Belief and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(2):274–290. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>
5. Ryzhova S.V. Religiosity in the Context of the Culture of Trust. *Sociological Journal*. 2017;23(3):44–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
6. McCleary R.M., Barro R.J. Religion and Political Economy in an International Panel // Journal for the Scientific Study of Religion. 2006;45(2):149–175. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2006.00299.x>
7. Bogatova O.A. [Religious Identity and Religious Practices in Mordovia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;(8):114–122. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Bogatova.pdf> (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
8. Alexander J.C., Smith Ph. Strong Program in Cultural Sociology. *Russian Sociological Review*. 2010;9(2):11–30. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/06/1211606385/9_2_03.pdf (accessed 07.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Ochoa N.R. Template Matching and Moral Judgment: A New Method and Empirical Test. *Poetics*. 2022;92(Part B):101643. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101643>
10. Astor A., Mayrl D. Culturalized Religion: A Synthetic Review and Agenda for Research. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2020;59(2):209–226. <https://doi.org/10.1111/jssr.12661>
11. Burchardt M. Regulating Difference: Religious Diversity and Nationhood in the Secular West. New Brunswick: Rutgers University Press; 2020. <https://doi.org/10.36019/9781978809635>
12. Lebedev S.D., Sukhorukov V.V. [A Narrow Path to Wrong Place?] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013;(1):118–126. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_1/Lebedev.pdf (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
13. Yakovleva A.A. Studies of Hard-to-Reach Populations: the Experience of the Respondent-Driven Sampling and Time-Location Sampling. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 2011;(33):57–79. Available at: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3721> (accessed 07.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Voronin G.L. One More Time about “Clusters on Factors”. *Sociological Journal*. 2010;(3):21–34. Available at: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/1156> (accessed 07.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Togler B. Determinants of Superstition. *The Journal of Socio-Economics*. 2007;36(5):713–733. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2007.01.007>
16. Sinelina Yu.Yu. [Orthodoxes and Muslims: Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;(4):89–97. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-04/Sinelina.pdf> (accessed 07.12.2022). (In Russ.)
17. Emelyanov N.N. Religiosity Paradox: Where do Believers come from? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(2):32–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.02>

Submitted 09.01.2023; revised 03.03.2023; accepted 13.03.2023.

About the authors:

Ekaterina A. Koval, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice (6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russian Federation); Leading Researcher, Institute for Corporate Education and Continuing Education, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Sergey G. Ushkin, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Social Processes Monitoring Department of Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Chmelnickogo St., Saransk 430005, Russian Federation); Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (38 Prechistenka St., Moscow 119072, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>, ushkinsergey@gmail.com

Andrey A. Sychev, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation); Leading Researcher Industrial University of Tyumen (38 Volodarskogo St., Tyumen 625000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Natalia V. Zhadunova, Cand. Sci. (Philos.), Director, Institute for Corporate Education and Continuing Education, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Contribution of the authors:

E. A. Koval – collection, processing and analysis of information; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

S. G. Ushkin – processing and analysis of information; visualization of research results; preparation of the initial version of the text; critical analysis and revision of the text of the article.

A. A. Sychev – examination of the conception; critical analysis and revision of the text of the article.

N. V. Zhadunova – development of sociological tools; collection of information; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*

таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конце рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.
2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *А. А. Сомкина*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 14.09.2023. Дата выхода в свет 29.09.2023. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,6. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 150 экз. Заказ № 694. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. P. Gordina*.
Translation by *A. A. Somkin*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry: PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 14.09.2023. Date of publishing 29.09.2023. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 15.6. Number of copies: 1,000. Print run 1: 150 copies. Order No. 694. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.